

*Духовное наследие
Оптинской
Пустыни*

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ПОЧИВШИХ СКИТЯН

(СКИТСКОЕ КЛАДБИЩЕ
В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ)

ВВЕДЕНСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
ОПТИНА ПУСТЫНЬ
2010

УДК 271.22-36
ББК 86.372
Ж71

*Разрешено к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви*

Ж71 Жизнеописания почивших скитян. (Скитское кладбище в Оптиной Пустыни). — Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2010. — 272 с.: ил.

ISBN 978-5-86594-156-9

© Введенский ставропигиальный мужской
монастырь Оптина Пустынь, 2010

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Предлагаемая читателю книга представляет собой новое издание «Жизнеописаний почивших скитян». Публикация подготовлена на основе рукописи «Скитское кладбище в Оптиной Пустыни», хранящейся в фонде Введенского монастыря Оптиная Пустынь в Отделе рукописей Российской Государственной библиотеки.*

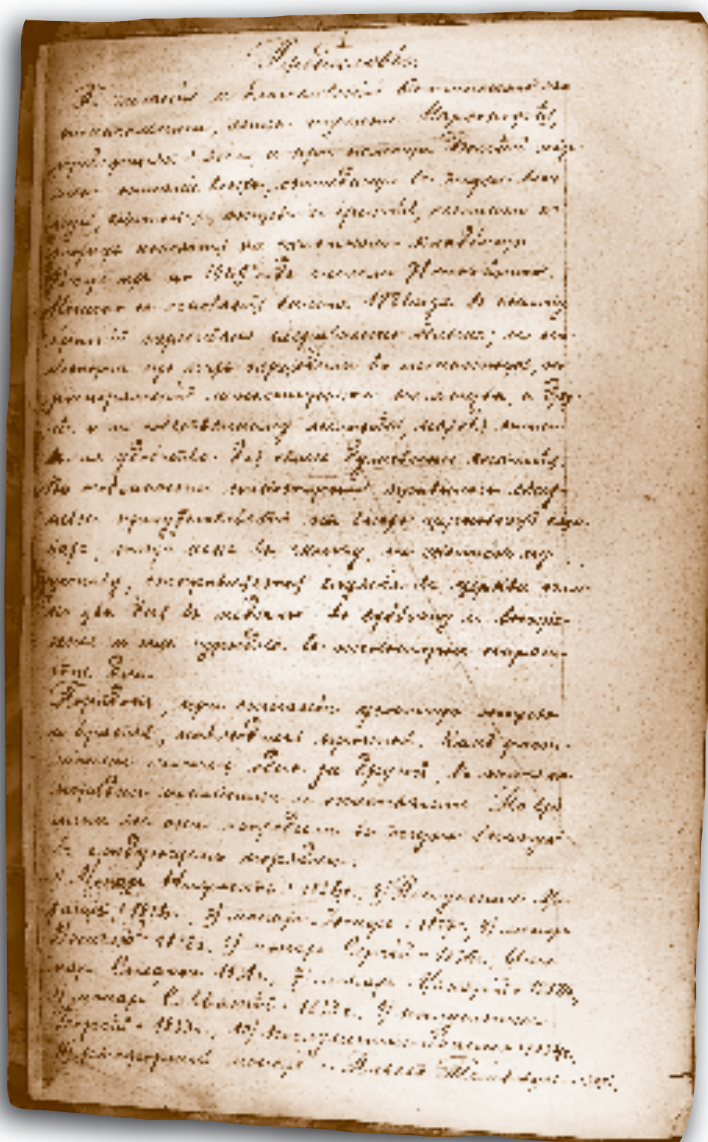
Рукопись была составлена в первые два десятилетия XX столетия «по желанию и благословиению Оптинского скитоначальника, отца игумена Варсонофия». «Жизнеописания почивших скитян» — достоверный исторический источник, повествующий о внутреннем укладе и устройстве жизни братии Иоанно-Предтеченского скита Оптиной Пустыни. Автор с подлинным литературным талантом, наблюдательностью, любовью и теплым юмором создал яркие, живые и запоминающиеся образы. Это свидетельствует о том, что данное произведение принадлежит перу человека с богатым жизненным и духовным опытом и знанием всех тонкостей монашеской жизни. К тому же по сочувственному и уважительному тону письма, никого ни в чем не осуждающему, не имеющему ригоризма начинающего монаха, нетрудно представить человека, умудренного жизнью и претерпевшего многие «невидимые» брани. Словом, человека искусного и искушенного.

В прежнем издании, предпринятом в 1998 году, авторство необоснованно приписывалось преподобноисповеднику Никону (Беляеву) и иеромонаху Иосифу (Полевому).** Однако упование на авторство в то время еще молодого и неопытного оптинского монаха Никона (Беляева) неубедительно. Едва ли он, даже будучи добродетельным человеком, но не имея еще достаточного духовного, жизненного и монашеского опыта, способен был дать столь глубокие и точные характеристики почившим отцам.

* ОР РГБ. Ф. 214. Опт-352.

** *Никон (Беляев), преподобный; Иосиф (Полевой), иеромонах. Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптиная. СПб., 1998.*

Рукопись
«Скитское
кладбище
в Оптиной
Пустыни».
ОР РГБ.
Ф. 214.
Опт-352.
Л. 1 об.

С большой долей вероятности можно предположить, что авторство «Жизнеописаний» принадлежит схиархимандриту Агапиту (Беловидову). В этой мысли утверждает нас монахиня Амвросия (Оберучева)*. В своих воспоминаниях она пишет: «Отец Викентий

* См. Приложение настоящего издания. С. 226.

пришел еще раз и принес мне рукопись схиархимандрита Агапита, автора жизнеописания старца отца Амвросия. Эта рукопись заключала в себе яркие, хотя и краткие (иногда только в несколько строк), жития всех похороненных на скитском кладбище Оптиной Пустыни братьев, но в каждом житии были выражены несколькими словами главные черты подвижнической жизни и смерти этого инока. (Когда отец Варсонофий был начальником скита, он поручил архимандриту Агапиту сделать жизнеописания всех похороненных на скитском кладбище).*

Читая рукопись о почивших скитянах, понимаешь, что написана она рукой человека «мудрейшего и любвеобильнейшего». Так отзывался о нем Иван Беляев, родной брат преподобного Никона Оптинского, исповедника. Внимательный читатель из этих записей извлечет много важных и полезных уроков. В жизнеописании иеросхимонаха Иоанна (Малиновского) отец Агапит главными отличительными чертами старца называет «смирennemудрие, кротость, евангельскую простоту и младенческое незлобие». И завершает проникновенно теплым и сердечным напутствием: «Вечная память тебе, честнейший отче!» Смысл короткого земного пути монаха Петра (Никифорова), умершего в 28 лет от холеры, он определяет просто и ясно: «Усердным своим в скиту послушанием служил примером для братии». И так во всяком большом или малом житии, порой всего в несколько строк, он всегда находит особые, отличающие только этого инока черты его внутреннего духовного устройства. Благодаря этой рукописи жива добрая память о каждом почившем иноке.

О самом схиархимандрите Агапите, к сожалению, известно совсем немного. Андрей Беловидов был родом из духовного звания. Окончил курс Тамбовской духовной семинарии. В число братства Оптиной Пустыни был определен 4 апреля 1867 года, в монашество пострижен в июне 1872 года. Нес клиросное послушание в Иоанно-Предтеченском скиту. 28 августа 1873 года рукоположен во иеродиакона, через три года — во иеромонаха.

* *Амвросия (Оберучева), монахиня. История одной старушки. Свято-Троице-Серафимо-Дивеевский женский монастырь. С. 325—326.*

Нам, как и многим читателям, хотелось бы видеть изображение архимандрита Агапита, но фотографий старца не сохранилось. Хотя можно предположить с высокой степенью вероятности, что на фотографии 1910 года, среди братии Оптиной Пустыни, на самом верху лестницы, в белом подряснике стоит отец Агапит

Год за годом монашеское служение накладывало на него все более серьезные и ответственные обязанности. 4 августа 1883 года он был определен настоятелем Лихвинского Покровского Доброго монастыря, 13 апреля 1890 года возведен в сан игумена, 30 сентября 1894 года перемещен в настоятели Мещовского Георгиевского монастыря. 26 мая 1896 года возведен в сан архимандрита и вскоре назначен «благочинным половиной части монастырей Калужской епархии». Однако в связи с болезнью по прошению определением Святейшего Синода он был уволен от должности настоятеля 24 октября 1897 года и согласно желанию 4 ноября 1897 года помещен на жительство в Свято-Введенскую Оптину Пустынь.*

Известно, что по возвращении в Оптину Пустынь отцу Агапиту было предложено принять на себя после смерти старца Иосифа (Литовкина) старческое служение. Но он отказался, вероятно, уже опытно познав тяжесть начальственного бремени.

Тем, кто знал его в эти годы, он запомнился высоким белым старцем с длинными седыми кудрями и небольшой серебристой бородкой, одетым в белую рясу и опирающимся на белый костыль. В последние годы своего земного бытия отец Агапит был немощен, слабел умом, но в свои лучшие минуты сохранял прозорливость и духовную высоту. Старец Нектарий (Тихонов) говорил, что болезнь отцу Агапиту была попущена за отказ от общественного служения. Когда архимандрит Агапит принял схиму, остается неизвестным. Вероятнее всего, это произошло перед самой кончиной старца в 1922 году.

Рассказ о схиархимандрите Агапите можно завершить словами, которые были начертаны на его памятнике: «Скончался 23 февраля 1922 года 83-х лет. В монашестве жития его было 50 лет. Много трудился в книгоиздательстве Оптиной Пустыни. Прилежал усердно безмолвию и молитве. *Аще не обратитесь и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное...***»

* ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2159. Л. 131—132; Оп. 3. Д. 1002. Л. 42 об.—43.

** Мф. 18, 3.

Некрополь
монастыря
Оптина
Пустынь.
Фото-
графия.
2008 год

* * *

При подготовке данной публикации издателями в рукопись была внесена минимальная правка: исправлены ошибки в датах, возможно допущенные переписчиками или самим автором при составлении, раскрыты многочисленные сокращения, затрудняющие прочтение текста, даны ссылки на Священное Писание. Особенности же речевого стиля, являющиеся выражением индивидуальных черт личности и мировоззрения автора, остались в нетронutom виде. Орфография оригинала приближена к авторской, знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами пунктуации.

В квадратные скобки по всему тексту заключены наиболее существенные редакторские исправления, комментарии и замечания, внесенные предположительно отцом Агапитом. Образцом его автографа мы, к сожалению, не располагаем, но та легкость и свобода, с которыми редактор обращается с текстом, глубина замечаний и оценочных характеристик свидетельствуют в пользу того, что правка внесена самим автором.

Издатели сопроводили рукопись краткими примечаниями, раскрывающими смысл и содержание отдельных понятий Богослужебного Устава и повседневной монашеской жизни, социально-экономической истории Российского государства XVIII — начала XX столетия, а также устаревших слов и выражений.

В Приложении к изданию помещены «Дополнительные биографические сведения о насельниках Оптиной Пустыни и других лицах духовного звания, упоминаемых в рукописи», являющиеся публикацией нескольких источников, формализованных в краткую биографическую справку, подготовленную с целью предоставить более подробную информацию о жизни упоминаемых в рукописи персоналий.

ПРЕДИСЛОВИЕ

По желанию и благословию Оптинского скитона начальника, отца игумена Варсонофия, предпринято было и при помощи Божией совершенно описание всех отшедших в жизнь вечную скитских отцов и братьев, останки которых покоятся на скитском кладбище. Всех их по 1909-й год числом 71 покойник. Конечно, с основания скита в 1821 году в скиту братьев перебивало несравненно больше, но некоторые из них переходили в монастырь по распоряжению монастырского начальства, а другие и по собственному желанию, находя там более удобства для своего душевного спасения. В особенности некоторым нравилось ежедневно присутствовать на всех церковных службах; тогда как в скиту, по скитскому уставу, отправляется служба в церкви только два дня в неделю — в субботу и воскресенье и еще изредка в некоторые нарочитые* дни.

Порядок при описании усопших отцов и братьев наблюдался простой. Как расположены могилы одна за другой, в таком порядке покойники и описывались. По времени же они отходили в жизнь вечную в следующем порядке:

1) монах Нифонт †1826; 2) послушник Михаил †1826; 3) монах Иосиф †1827; 4) монах Досифей †1828; 5) монах Сергей †1830; 6) монах Стефан †1831; 7) монах Макарий †1832; 8) монах

* Н а р о ч и т ы й (день) — здесь: особо выделенный в богослужебном отношении день. — *Примеч. ред.*

Савватий †1833; 9) послушник Георгий †1833; 10) послушник Иоанн †1834; 11) рясофорный монах отец Павел Тамбовцев †1835; 12) монах Стефан †1836; 13) монах Макарий утопший †1841; 14) иеромонах Иов †1843; 15) послушник Алексей †1845; 16) послушник Василий †1845; 17) монах Петр †1848; 18) монах Диомид †1849; 19) иеросхимонах Иоанн †1849; 20) игумен Варлаам †1849; 21) монах Нифонт Пономарев †1849; 22) монах Иларион Козлов †1850; 23) иеромонах Никон †1850; 24) монах Феодосий †1851; 25) рясофорный монах Геннадий †1851; 26) схимонах Леонид †1853; 27) послушник Владимир †1855; 28) послушник Пармен †1856; 29) монах Андрей Сланский †1856; 30) схимонах Вассиан †1857; 31) иеромонах Вассиан †1859; 32) иеросхимонах Иов †1861; 33) монах Мартин †1863; 34) скитский рабочий Иосиф †1863; 35) монах Димитрий †1864; 36) монах Андрей Свешников †1864; 37) монах Емилиан †1865; 38) монах Петр Иванов †1867; 39) монах Нил †1869; 40) схимонах Макарий Грузинов †1869; 41) монах Иоанн Скорняков †1870; 42) иеромонах Иларион †1872; 43) монах Александр Лихарев †1873; 44) иеромонах Климент †1878; 45) схимонах Сергей †1881; 46) иеродиакон схимонах Сергей †1884; 47) монах Иннокентий †1886; 48) схимонах Иоанн †1887; 49) иеромонах Палладий †1888; 50) монах Алексей †1888; 51) послушник Максим Горностаев †1888; 52) схимонах Пахомий †1890; 53) схимонах Ефрем †1891; 54) схимонах Кирилл †1892; 55) схимонах Николай Лопатин †1893; 56) схимонах Николай Аbruлах †1893; 57) монах Григорий †1893; 58) схимонах Тимон †1894; 59) монах Алексей Лебедев †1894; 60) иеросхимонах Савватий †1895; 61) иеросхимонах Михаил †1897; 62) монах Арсений †1898; 63) схимонах Геннадий †1899; 64) схимонах Феодот †1900; 65) послушник Иаков †1900; 66) игумен Феодосий †1903; 67) рясофорный монах Матфий †1904; 68) схимонах Нестор †1905; 69) схимонах Николай Книжников †1907; 70) иеродиакон схимонах Мартирий †1908; 71) монах Пахомий †1908.

Цель описания скитских покойников была во первых та, чтобы оставить о них память живущим и имеющим жить в скиту отцам и братьям, а во вторых еще и та, чтобы живые, взирая на скончание почивших, подражали вере и добрым делам их.

СКИТСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

*Первый ряд могил идет от юга к северу,
и начинается счет с западной стороны,
от новой церкви.*

1.

Схимонах Сергей

В мире Стефан Никитич Пономарев, родной брат бывшего скитона начальника иеросхимонаха Илариона (скончавшегося 18 сентября 1873 года), сын рядом погребенного с ним его родителя, Никиты Филимоновича Пономарева, в монашестве монаха Нифонта, из Саратовских купцов. А прежде был, как и родитель его, крепостной гг. Ширинкиных, затем вольноотпущенный и купец. Был в свое время женат и очень счастлив своим подружием*. Бывши крепостным человеком, ездил со своим барином за границу; был в Италии и, сопровождая барина, всходил с ним на вершину огнедышащей горы Везувия. Там он видел громадных размеров огненное озеро. Высоко вздымались на нем наподобие волн морских, волны огненные. Страш-

* Подружие —
здесь: супруга, же-
на. — *Примеч. ред.*

но было смотреть на эту адскую картину. Между прочим, в виду их какой-то господин, должно быть разочарованный жизнью, бросился в эту бездну и мгновенно в ней бесследно исчез.

После смерти своей супруги Стефан Никитич прибыл в Оптину Пустынь, где уже давно подвизался младший брат его, вышеупомянутый иеросхимонах Иларион, с намерением поступить в число братства одного монастыря. Был отцом настоятелем принят на жительство в монастырь; и так как в миру он был хороший портной, то и определен в монастырскую рухлядную* закройщиком. В первое время своего пребывания в святой обители, должно быть, он очень скучал по своей покойной супруге, так как не мог без слез вспоминать о ней; и потому, вероятно, имел немощь по временам лишнее выпивать. По этой-то, кажется, причине еще при жизни своего брата, уже болящего и доживавшего свой век скитоначальника отца Илариона, Стефан Никитич, теперь уже монах рясофорный**, в 1872 году 27 августа переведен был из монастыря в скит, где надзор за ним был строже и где он уже не предавался винопитию до самой своей кончины. Характера был тихого. Никто из братий не видал, чтобы он с кем-либо поссорился или кого-либо обидел. Уже будучи в преклонных летах, он никогда не опускал ни служб церковных, ни скитских молитвенных правил. Сему, впрочем, очень способствовало его крепкое телесное здоровье. О простуде он и понятия не имел. В раннее, например, весеннее время, в апреле месяце, когда снег только начинает сходить и когда в скиту, окруженном со всех сторон лесом, в особенности бывает слишком сыро, отец Стефан, утром, напившись горячего чаю, разогретый и потный выйдет на крыльцо в одном балахоне и с открытой лысой головой. Поглаживая по голове рукой, начнет говорить: «Ах, как прекрасно! Как прохладно!» Кто-нибудь из монахов заметит ему: «Отец

* Рухлядная (совр. рухольная) — место, где хранятся и чинятся одежда и обувь насельников монастыря. — *Примеч. ред.*

** Рясофорный монах — иногда — рясофорный послушник. Начальная ступень монашества, когда поступившему в монастырь настоятель благословлял носить рясу и клобук. Монашеские обеты в рясофоре не даются. В отличие от современного чина рясофорного пострига, в дореволюционной Оптиной Пустыни имя при таком постриге, за редким исключением, не менялось, но рясофорный монах именовался уже «отец». — *Примеч. ред.*

Стефан! Простудишься!» Только ответит: «Во!.. выдумал, что сказать, язёвый* лоб!» «Язёвый лоб» — это у него были шуточно-бранные слова. Вообще он до самой смерти своей не болел. И только в последний год его жизни заметно было, что лицо его начало принимать мертвенный цвет. В ноябре 1873 года келейно пострижен* был в мантию**, при чем ему дано было имя Сергия.

При жизни старика отца Сергия пришел в монастырь его родной сын, по имени тоже Сергей. В монастыре он был принят в число братства; там жил, там и скончался.

Незадолго до своей смерти отец Сергей, любивший в свое время с братьями пошутить, неожиданно начинает говорить: «Что это я? Восьмидесятый год живу на свете, и никогда редьку с медом не ел. Нужно попробовать». И покушал. Говорят, что кушанье непротивное. В феврале 1881 года отец Сергей заболел и пострижен был в схиму***. Пред самую кончину, лежа уже на смертном одре, он чувствовал сильный жар в груди и говорил: «Ох, терпенья нет, все равно как огненные уголья насыпаны в моей груди!» Но вот ходивший за ним монах, по совету понимавших людей, наложил ему на грудь холодный компресс, и страдалец тотчас почувствовал успокоение. 7 апреля того же года, во вторник Страстной недели, в третьем часу пополудни, отец Сергей скончался мирно христианскою кончиною, с напутствием всех Святых Таинств, на восьмидесятом году от рождения. Чин погребения или отпевание тела совершил иеромонах Агапит в Великий Четверток после часов****, а предал земле [тело] покойника новый скитоначальник иеромонах Анатолий после Литургии.

Через несколько дней после погребения схимонаха Сергия скитский иеромонах Нектарий (в то время бывший еще рясофорный монах Николай) имел во сне замеча-

* Келейный постриг — монашеский постриг с благословения настоятеля монастыря или старцев, совершаемый в келье и не закрепленный еще документами Святейшего Синода. — *Примеч. ред.*

** Мантия (малая схима) — монашеский постриг 1-ой степени с обетами самоотречения. — *Примеч. ред.*

*** Схима — великий Ангельский образ, 2-я и высшая степень монашества с более строгими обетами самоотречения. — *Примеч. ред.*

**** Часы — дневное Богослужбное последование. — *Примеч. ред.*

* От слова «язь» — рыба. — *Примеч. в рукописи.*

тельное видение. «Вижу, — сказывал он, — отца Сергия, и в то же время очень хорошо знаю, что он скончался. Спрашиваю: „Отец Сергий, ведь ты умер?“ Отвечает: „Да, умер, но только телом“. Спрашиваю еще: „Ну, каково тебе там?“ Отвечает: „Да слава Богу! Милость Божию получил, но только я нахожусь в общем помещении. А кто подвизался-то усердно в земной жизни, у тех уже какие красивые домики!“ Тем сновидение кончилось».

2.

Монах Нифонт

В мире Никита Филимонович Пономарев, родитель вышеописанного схимонаха Сергия и иеросхимонаха Илариона. Купец города Саратова, а прежде был крепостным гг. Ширинкиных. Дед его Матвей был пономарем села Макарова Новохоперского уезда, Воронежской губернии, отчего получилась и фамилия Пономаревых. У сего Матвея был брат Меркурий, тоже пономарь. Пономари эти во время солдатского набора с духовного звания, чтобы избежать воинской повинности, укрывались в имении г. Ширинкина в селе Ключах, недалеко от села Макарова. По времени Ширинкин и записал их в свои ревизские сказки* и таким образом закрепостил. Но через несколько лет внук Матвея Никита Филимонович Пономарев в 1820 году со всем своим семейством отпущен был на волю. По ремеслу он был портной, и по отпуске на волю поселился со своей семьей в городе Новохоперске, а через девять лет, именно в 1829 году, когда младший сын его Иродион прекрасно усвоил себе в Москве отцовское ремесло, перебрался на жительство в город Саратов. Десять

* Ревизские сказки — списки лиц, подлежащих обложению подушной податью и отбыванию рекрутской повинности в России в XVIII—XIX вв. — *Примеч. ред.*

лет прожили в Саратове Пономаревы, год от году богатея от своего ремесла, но к концу этого времени пошли у них по разным предприятиям неудачи. Наконец главный их деятель по хозяйству, сын Никиты Филимоновича Иродион Никитич, по влечению своего боголюбивого сердца избрал монашескую жизнь и в 1839 году поступил в скит Оптиной Пустыни, под руководство опытных в жизни духовной старцев, иеросхимонахов Льва и Макария, а через три года после сего, именно в феврале 1842 года, прибыл к нему и родитель его. Во все время своего семилетнего в скиту пребывания Никита Филимонович, несмотря на свои престарелые годы, до самой предсмертной своей болезни ревностно нес возлагаемые на него послушания, между прочим, заведовал в церкви свечным ящиком. Грамоте он умел очень слабо, но эту слабость восполнял благочестивым размышлением. Например, прочитает с расстановками одно слово: «По-ка-я-ни-е». Остановится и начнет размышлять: «Покаяние! А я как живу? Какое у меня покаяние?» И долго так рассуждает с сердечными вздыханиями. Затем продолжает чтение дальше.

К концу жизни Никиты Филимоновича его стало огорчать то обстоятельство, что живший в скиту долгое время сын его Иродион Никитич, во всем исправный послушник, не получал мантии. Многих, после него поступивших братьев, постригали в мантию, а его все обходили. Каждый такой раз Никита Филимонович обращался к сыну с горьким вопросом: «Иродион! А нас-то когда же?» От Иродиона же слышался только один ответ: «Потерпим!» Так ждал Никита Филимонович пострига своего сына до самой своей кончины и все-таки не дождался. Он скончался 28 декабря 1849 года, 76 лет от роду, с напутствием Св. Христовых Таинств, предварительно приняв постриг в мантию, с именем Нифонта.

3.

Бывший Валаамский игумен Варлаам

Родом был из Московских купцов. Почувствовав влечение к монашеской жизни, он еще в молодых годах оставил, по слову Спасителя*, дом, родителей, имение и вся красная мира сего и удалился в

Валаам, коим управлял тогда опытный в духовной жизни старец, игумен Назарий. Под его-то руководством возмужал и окреп в подвигах иноческой жизни пустыннолюбивый отец Варлаам. Сложения он был крепкого, стан имел согбенный, главу поникшую к персям*, глаза тусклые и присно** слезящие. При крепости сил он проходил на Валааме порядно низшие и трудные монастырские послушания, между прочим, был несколько времени поваром. Вспоминая о пользе послушания, отец игумен открывался некоторым доверенным лицам: «В бытность мою (на Валааме) в поварне, молитва Иисусова кипела во мне, как пища в котле». В сане иеродиакона и иеромонаха отец Варлаам отправлял на Валааме Божественную службу в том скиту, где в то время пребывали приснопамятные старцы Феодор (бывший Молдавский) и Леонид (впоследствии Оптинский [старец]). Сожитие и собеседование с ними принесло ему немалую душевную пользу, как он сам впоследствии говорил о сем.

Ревность о благе родной обители, наветуемой смущением от людей, приходивших в нее «не ради Иисуса», понудила безмолвнолюбивого отца Варлаама согласиться принять неудобноносимое для подобных ему любителей безмолвия бремя начальства в Валаамском монастыре. Но тут постигли

* Перси —
грудь. — *Примеч.
ред.*

** Присно —
всегда, непрестанно. — *Примеч. ред.*

* См.: Мф. 19, 29.

его попущением Божиим разные искушения. Правдивость его не всем нравилась, находили ее слишком резкою, а искусством применяться к обстоятельствам он не владел и потому должен был устраниваться не только от начальства, но и от любимой им Валаамской обители. Его перевели, а проще сказать, за резкие правдивые выражения послали под начало в скит Оптиной Пустыни, где подвизался известный ему старец иеросхимонах отец Леонид. Так промыслительно Господь привел отца игумена Варлаама для купно-жития* с великим старцем Леонидом!

Здесь подвижник игумен, окруженный всеобщей любовью и заботливостью, от которых по смирению всемерно уклонялся, хотя и скоро свyksя с новым местом своего уединения, однако, до конца дней своих не мог забыть любимого им Валаама, этого, по замечанию даже афонцев, русского Афона, по единственному в своем роде удобству для всех трех родов монашеской жизни: общежительной, среднего скитского пути и безмолвного пребывания наедине в пустыньках. «Хорошо, нечего сказать, хорошо и у вас, — говаривал пустыннолюбивый старец, — а все не то, что на Валааме. Там возьмешь, бывало, краюшку хлеба за пазуху, и хоть три дня оставайся в лесу. Ни дикого зверя, ни злого человека. Бог да ты; ты да Бог». — «А от бесовских-то страхований, батюшка, как спасались?» — спросили его. — «Ну, да от них-то и в келье не уйдешь, если не тем путем пойдешь, — отвечал старец. — Впрочем, — прибавлял он, — пути спасения различны: ов** спасается сице***, ты же, по слову святого Исаака Сирина, общим путем взыди на восхождение духовного пирга» (т. е. столпа), давая сим разуметь, что всякому духовному возрасту прилична своя пища и что безмолвие для не победивших страсти бывает причиною высокоумия [и падения], а не спасения.

Поведал о себе отец Варлаам, что, живя в Валаамском скиту одновременно с вышеупомянутыми приснопамят-

* Купно-жития — совместно-го жития. —
Примеч. ред.

** О в, о в ы й —
иный, некий. —
Примеч. ред.

*** Сице — так,
таким образом. —
Примеч. ред.

*Блазняться — соблазняться кем-либо, впадать в соблазн от кого-либо. — *Примеч. ред.*

ными старцами, Феодором и Леонидом, он, как постоянно гнавшийся за безмолвием, недоумевал, как сии старцы, проводя целые дни в молве от множества приходивших к ним пользы ради и советов духовных, пребывали несмущенными. Обратился он однажды к старцу Феодору с такими словами: «Батюшка! Я блазнюсь* на вас, как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними, — каково есть дело сие?» — «Экой ты, братец, чудак! Да я за любовь к брату два дня пробеседую с ним о яже на пользу душевную, и пребуду несмущенным», — отвечал старец. Из этого ответа известного уже своими подвигами и благодатными дарованиями старца отец Варлаам вразумился навсегда познавать различие путей «смотрительных [(т. е. бывающих по особенному смотрению Божию)] от общих». Впоследствии он внушал о сем и другим.

Живя в Оптином скиту, отец Варлаам продолжал прежнюю подвижническую жизнь. Его нестяжание, простота и смирение были поучительны и трогательны. Все имущество бывшего Валаамского настоятеля, привезенное с ним, состояло из крытого тулупа и жесткой подушки. Жил он на пасеке и кельи никогда не замыкал, и вовсе о ней не заботился. Она завалена была стружками и дощечками, которые собирал старец в лесу и в скиту для подтопки печи и поделок. Однажды воры, забравшись на пасеку, обобрали кельи, расположенные в одном с ним корпусе. Братия в то время были на утреннем церковном Богослужении. «Батюшка! — спросил старца сожительствовавший с ним брат, — воры обокрали вас?» — «Щепки-то, что-ль? — ответил, улыбаясь, старец, — я еще натаascaю». И точно: воры, ища чего-либо в игуменской келье, внимательно разбирали ящик за ящиком, заполненные щепой и опилками от досок и стружками, наклали целый ворох их посреди кельи и, довольно потрудившись, ушли, ниче-

го не найдя, захватив только с собою тулуп, единственную одежду сверх той, которая была на самом старце.

Любил отец игумен во время послеобеденное, когда братия отдыхают от трудов своих, уединяться в лес, окружающий скит, и там, любясь в безмолвии красотой матери-природы, по его выражению, «от твари познавал Творца». Прохаживаясь же с молитвенною целью, любил быть наедине.

— «Возьмите меня с собою, батюшка», — сказал один из скитских братий, видя отца Варлаама, идущего в лес. «Хорошо, — ответил старец, — пойдем, только с условием: ходить молча и друг от друга на вержение* камня». Понятно, что брат не согласился на такое условие. Встречаясь иногда с поселянами, отец игумен любил вступать с ними в разговор и признавался, что нередко находил высокое утешение в их простых ответах на самые духовные вопросы. Сказывал покойный Оптинский старец Амвросий: «Услышал однажды отец Варлаам, что есть в некоей деревне крестьянин боголюбец, проводивший жизнь духовную. Отыскал он этого крестьянина и, поговоривши с ним несколько, сказал: „А как бы это умудриться привлечь к себе милость и благодать Божию?“ — „Эх, отец, — отвечал простодушный крестьянин, — нам-то бы только сделать должное, а за Богом-то дело не постоит“. Был однажды и противный тому случай. Бродя по лесу, отец Варлаам увидел лесную караулку и, вошедши в нее, нашел там караульщика старика. Поздоровавшись с хозяином, отец игумен по своему обыкновению начал расспрашивать, как он поживает. Старик начинает жаловаться на свою тяжелую жизнь, что он постоянно терпит и голод, и холод. Желая направить старика на путь духовной жизни, отец Варлаам начал убеждать его, что это — его крест, посланный ему Господом для его душевного спасения, что все это необходимо терпеть ради Бога в благодушии и с благодарением; но сколько ни убеждал, не мог убедить». После,

**Вержение (каменя) — мера длины, определяемая полетом камня средней величины. — Примеч. ред.*

возвратившись в скит, отец Варлаам с сожалением рассказывал о сем иеромонаху, впоследствии старцу, отцу Амвросию, приговаривая: «Добра-то было бы, добра-то сколько! И голод, и холод. Только бы терпеть с благодарением. Нет, не понимает дела старик, ропщет».

Имея, по слову святого Исаака Сирина, сердце, растворенное жалостью ко всякой твари, отец Варлаам, при виде страданий не только человеческих, но и животных, проливал обильные слезы; ибо, несмотря на свою внешнюю суровость, был прост и добр как ангельское дитя. Рассказывал сожителемствовавший с ним послушник Иродион (впоследствии скитоначальник отец Иларион): «Увидит он, бывало, птичек в лесу, и скажет: „Вот, бедные, — хлопот-то им сколько, чтобы кормиться!“ Или завоют волки, он и их жалеет: „Вот им холодно и поесть хочется, а где им пищи достать?“ — и даже заплачет. Или видит — едет мужик в телеге и хлеб черный ест. „Вот, — скажет мне, — смотри, сухим хлебом питается. А мы? Наварят нам щей, каши, наготовят целую трапезу, и едим готовое. Древние отцы трудами снискивали себе пищу. Выработает и через несколько дней ест, да и то еще не все — чтобы оставить нищим. Жалостливы и сострадательны они были, а мы едим до полной сытости“». — [Впрочем этими смиренными словами он только прикрывал свое крайнее воздержание.]

Держась уединения и крайнего молчания, по слову, слышанному преподобным Арсением Великим: «Всех люби и всех бегай», — отец игумен Варлаам со всеми и всегда был миролюбив; беседа же его была отрывистая и краткая от желания краткими словами выразить многое и сократить беседу. Уклоняясь по смирению вообще от учительства в случаях обыкновенных, он с радостью и готовностью спешил на помощь смущенному чем-либо брату, и беседа его действовала всегда успокоительно. Впрочем, и кроме таких случаев отец Варлаам не всегда уклонялся дать полез-

ный совет какому-либо новонаначальному брату. Вышеупомянутый послушник Иродион, как только еще начинавший монашескую жизнь, по мирской привычке сообщал иногда отцу Варлааму новости дня. «Придешь, бывало, к нему, — так он рассказывал, — и начнешь передавать: „Батюшка! То и то я слышал, то и то я видел“. А отец игумен в ответ: „Что же от этого пользы-то? Лучше ничего не видеть и не слышать. Старайся чаще проверять свои мысли, свое сердце“. Такие и подобные замечания духовно-опытного старца служили для молодого послушника одним из средств приобучения к монашескому благочинию.

Всегда серьезный и сосредоточенный, отец Варлаам не прочь был иногда и шуточное слово сказать. Рыли в скиту колодезь на восточной стороне Предтеченской церкви. Тут вместе с другими стоял и скитский иеросхимонах Иоанн. Проходя мимо этого места, отец Варлаам остановился и начал говорить: «Ну, что вы тут роете? Древние святые отцы молитвой изводили воду». На это схимник сказал: «Эдакая право-да! (поговорка отца Иоанна), подико ты изведи молитвой-то». — «Ну, мое дело подначальное», — ответил наскоро отец Варлаам, повернулся и ушел. Интересно было видеть обращение простодушного, но по виду грубого отца Варлаама со смиренным и по виду и по сердечному расположению скитона начальником, иеромонахом отцом Антонием (Путиловым). В конце 1839 года отец Антоний назначен был настоятелем Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря. Братия по обычаю приходили к нему прощаться. Пришел и отец игумен Варлаам и пришел запросто, как был

* Вечерня —
Богослужение
вечера, бывает
малая, вседнев-
ная и великая. —
Примеч. ред.

в лесу и рубил дрова, в простом старом полушубке и с заткнутым за пояс топором. Увидев его, смиренный отец Антоний, считавший настоятельство непосильным для себя бременем, сквозь слезы начал говорить (выговор у него был на «о»): «Простите, батюшка, помолитесь о мне грешном». А отец Варлаам, вместо того чтобы посочувствовать скорбящему, неожиданно проговорил: «Да! Тут-то ты был свят, поди-ка там на юру-то поживи». Затем, поживши несколько времени на новом месте в сане игумена, отец Антоний приехал в Оптину навестить своего брата, Оптинского настоятеля отца игумена Моисея и прочих оптинцев, с которыми давно сроднился душою. При входе в скит первым попался ему на глаза отец игумен Варлаам, который сходил по приступкам с крыльца церковного, так как в церкви была служба и только что окончилась вечерня*. Обрадовался отец Антоний, увидев почтенного старца отца Варлаама, и обратился к нему с обычным приветствием: «Здравствуйте, батюшка! Как ваше здоровье?» А суровый отец Варлаам отвечает по-суровому: «Нашел о чем спросить: как здоровье. Спросил бы: как Варлаам живешь?» — «Простите, батюшка, Бога ради, — послышался плаксивый голос отца Антония, — я ведь монах-то штатный».

«Замечательно, — говорил нередко отец Варлаам, — что два помысла постоянно борют человека: или осуждение других за умаление подвигов их, или возношение при собственных исправлениях». Это одно показывает, как высоко было духовное устройство старца, ибо, по свидетельству отцов, зрение таких помыслов может быть только у истинных подвижников.

До самой блаженной своей кончины отец игумен Варлаам отправлял чреду священнослужения в скиту и соборне в монастыре. Любил, по принятому в Оптиной Пустыни обычаю, в Страстную седмицу петь среди церк-

ви светилен^{*}: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный».

Назидательно было слышать, как отец Варлаам своим старческим голосом изливал пред Господом скорбь души своей о своей греховности, взывая в то же время из глубины болезнующего сердца к милосердию Божию: «Просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя». В последний год своей жизни, (1849-й год) при наступлении праздника Рождества Христова он готовился на соборное в монастыре служение. Но вышло так: пошел он в монастырь к утрени^{**}, одет был не особенно тепло, а мороз был сильный. Ворота монастыря были еще не отперты, и потому отцу Варлааму пришлось несколько времени постоять на холоде, пока не отперли ворота. Старец продрог, но все еще имел силы во время утрени выйти на соборное величание. Затем внезапно он почувствовал, вследствие простуды, сильную слабость и тотчас же отвезен был в скит, потом особорован и приобщен Св. Христовых Тайн. После сего он уже не принимал земной пищи и лекарства и мирно отошел ко Господу на другой день праздника Рождества Христова, 26 декабря в 12 часов ночи, 73 лет от роду, а 27 числа совершено соборное погребение его тела.

Памятником подвижнической жизни отца Варлаама остается в скиту на пасеке, на восточной стороне ограды, уединенная маленькая беседка, сколоченная им самим из досок, где безмолвнолюбивый старец, «тщася худшее покорити лучшему и плоть поработити духу», проводил без сна летние ночи в уединенной молитве и в крайнем утомлении принимал краткий отдых, сидя на малой лавочке, устроенной им в той же беседочке. Там на стенке и до днесь^{***} висят медные складни со святыми изображениями — свидетели тайных его воздыханий и обильных слез, которые обличали лишь веки глаз его, опухшие и лишенные ресниц. По поводу кончины сего подвижни-

^{*} Светилен (ексапостиларий) — здесь: церковная песнь Великих Понедельника, Вторника, Среды и Четверга Богослужения. — *Примеч. ред.*

^{**} Утренья — Богослужение утра, совершаемое чаще после вечерни, бывает как непраздничная, так и праздничная. — *Примеч. ред.*

^{***} До днесь — доньше, до сегодняшнего дня. — *Примеч. ред.*

ка и еще нескольких пожилых Оптинских монахов старец иеромонах Макарий (Иванов) писал так: «Жаль старичков, особенно отца Варлаама. Без них как будто пусто. Молодые хороши при старичках».

4.

Иеросхимонах Иоанн

* Экономическая слобода — слобода, заселенная экономическими крестьянами. — *Примеч. ред.*

Родился в 1763 году 2 мая от православных родителей, Иоанна и Анны Малиновских, в экономической слободе* Подновье, расположенной на Волге в пяти верстах от Нижнего Новгорода. Но, оставшись на пятом году от рождения круглым сиротой, он имел несчастье попасть на воспитание к раскольникам, которые обучили его грамоте и вместе с тем влили яд раскола в его душу. На 17-м году, имея влечение к жизни уединенной, он оставил дом своих воспитателей и удалился к раскольникам в Керженские леса и скиты, в 60-ти верстах от Нижнего Новгорода, где и прожил довольно долгое время. Но душа его ни на одну минуту не имела там спокойствия, и он всегда чувствовал в отношении к исповедуемой им вере сердечное томление и скуку, особенно от того, что, по собственным словам отца Иоанна, «видел между оными скитниками великое разногласие в толковании Священного Писания и разномыслие касательно их собственного учения. Каждый из них усиливается любимую их секту превозносить и хвалить, а другие, яко душевредные, опорочить и опровергнуть. Отселе между ними всегда происходят весьма пылкие и неосновательные словопрения, а иногда даже и драки»*.

* Жившая на скотном дворе при Оптиной Пустыни, когда еще жив был старец иеромонах Амвросий, монахиня Палладия, обратившаяся из раскола в Православие, рассказывала, что все скитники-раскольники

Вследствие этого отец Иоанн перешел отсюда в скит Высоковский Костромской губернии, бывший до 1820 года раскольничьим скитом, но и там нашел ту же неурядицу. Между тем по непреклонному сердечному расположению к иноческой жизни он пострижен был здесь в мантию беглым иеромонахом Ефремом на 22 году своей жизни и наречен Исаакием. От соединения же с Православною Церковью в то время он еще был далек. Его удерживали в расколе неправые мудрования о вере, внушенные ему с детства, и в особенности пункт, который, по его замечанию, более всего удерживает многих от обращения к Православию, это — триперстное сложение^{*}, которое раскольники именуют печатью антихриста, о коей говорится в Апокалипсисе (гл. 13, ст. 16—18). Раскольники поэтому учат, что кто молится тремя перстами, те уже спастись не могут.

Но, хотяй всем человекам спастися и в разум истины приити^{**}, Премилосердый Господь дивными судьбами Своими обратил и отца Исаакия на истинный путь спасе-

умирают страшную смертью — дерут на себе волосы и кричат разными неистовыми голосами. Чтобы сократить страдания сих несчастных, их обыкновенно свои же раскольники задушают подушками.

М. Палладия, малороссиянка, в мире Пелагия Яковлевна Максимова, урожденка Харьковской губ., Старобельского уезда. Родилась и воспитывалась в Православии, но, познакомившись с семейством раскольника Гусева, совращена была им в раскол и отвезена в Москву, где жила на Рогожском кладбище; потом, когда в царствование Императора Николая Павловича приняты были против раскольников строгие меры, оставлена была в Таганроге, где жила в скрытых раскольнических скитах. Много странствовала по России, знала старцев Серафима Саровского, отца Илариона Троекуровского и других. Была в Иерусалиме, даже и в Париже с богатою купчихою. Наконец, прибыла в Оптину Пустынь. Страшная смерть раскольников производила на нее сильное впечатление и потому она присоединена была к Православию Оптинским игуменом отцом Исаакием 20 февраля 1871 г., а потом келейно пострижена в мантию с именем Палладии, и дожила век своей на скотном дворе при Оптиной Пустыни. — *Примеч. в рукописи.*

^{*} Подчеркнуто в рукописи. — *Примеч. ред.*

^{**} Ср.: 1 Тим. 2, 4.

ния. К нему расположился Высоковский настоятель, инок Герасим, и стал посылать его с книгою по разным городам и селам для сбора подаяний. Пользуясь этим случаем, отец Исаакий побывал в разных православных монастырях и пустынях, где имеются святые нетленные мощи угодников Божиих и святые чудотворные иконы. Там он вступал в разговоры и рассуждения с благочестивыми людьми, испытывая их мнения о Православной Российской Церкви и о вере старообрядцев. Их-то богомудрые ответы, при содействии благодати Божией, и привели отца Исаакия к тому, что он «убежден был совестью сознаться в своем заблуждении и признать истину». Но для большего убеждения в истинности Православия он стал со вниманием читать Священное Писание и противораскольнические книги и усердно молить Господа о вразумлении. И Господь открыл его очи душевные; он вполне убедился в святости и непорочности Восточной Кафолической Церкви. Однако после сего он прожил в Высоковском скиту еще пять лет, надеясь и прочих раскольников убедить в истинности Православия. Некоторые из них, более благоразумные, действительно и убедились и перешли в Православие; но остальные раскольники-фанатики до того озлобились на отца Исаакия за его проповедь об истинности Православной веры и Церкви, что подвергли его сильным побоям; и если бы настоятель Герасим силою не освободил его от рук злодеев, они могли бы убить его до смерти. После такого печального обстоятельства отец Исаакий решился уже не иметь более общения с раскольниками и, оставив Высоковский скит, отправился сначала в Нижний Новгород, а затем в Москву, и пристал там на короткое время к одной старообрядческой благословенной церкви, где и прожил 8 месяцев. Но в мае 1808 года он удалился в Таврическую область и прибыл в единоверческий Корсунский монастырь, в коем богослужение отправляется по старопечатным

книгам, где и определился законным порядком, приняв Православие на правах единоверия. Там он посвящен был в иеродиакона и иеромонаха и, прослужив здесь 10 лет, по причине несогласия в отправлении церковных обрядов с Православною Церковью, переместился в православный Балаклавский монастырь в число духовенства Черноморского флота. Прослужив здесь пять лет, по причине старости и слабости здоровья 1825 года 5 июня по его прошению уволен был от флотской службы и определен на покой в Александро-Свирский монастырь Новгородской губернии. Но в 1828 году в июне месяце отец Исаакий послан был вместе с прочими членами в Старорусскую духовную миссию для обращения заблудших военных поселян из раскола к Православной Церкви. По возвращении оттуда в 1829 году он перешел на жительство в Александро-Невскую Лавру Санкт-Петербургской епархии и, наконец, по желанию его, переведен был в Оптинский скит, куда и прибыл в августе 1834 года. До принятия схимы отправлял в скитской церкви священнослужение. А в 1836 году 1 октября, по его усердному желанию, с благословения Калужского Преосвященного Николая пострижен был Оптинским отцом игуменом Моисеем в схиму, с наречением имени Иоанна, на 74 году от роду, и предан от пострижения известному святостью жизни старцу Леониду (Льву).

Иеросхимонах Иоанн был духовником некоторых духовных лиц, а в отсутствие общего братского духовника исповедывал и некоторых из братии Оптиной Пустыни. Во все свободное время, оставав-

*Святые врата
Иоанно-
Предтеченского
скита. Открытка.
Конец XIX века*

шееся от молитвенного правила, он пребывал в уединении и упражнялся в чтении душеполезных книг, из коих выписывал места, служащие доказательством к обличению раскольнических мудрований. Из этих выписок составлено было им шесть книг, в издании коих он удостоился милостивого покровительства Высокопреосвященного митрополита Московского Филарета, который и благосклонно принял несколько поднесенных ему экземпляров. Калужский епископ Николай также обращал милостивое внимание на ревность о Православии отца Иоанна, нередко присылал к нему на увещание закоснелых раскольников и даже посылал его в заштатный город Сухиничи для обращения зараженных расколом жителей.

Пребывая в Оптином скиту, сей имевший незлобивое сердце старец с самого прибытия своего соблюдал крайнее нестяжание и смиренномудрие. В келье своей он не только не имел денег и излишних одежд, но и необходимые келейные вещи употреблял самые малоценные. Потребные для прочтения книги брал из монастырской библиотеки, а иногда у отца игумена и у некоторых из братий; по прочтении же каждую книгу возвращал с приклеенным к ней листком, на коем означал, по своему усмотрению, достойные особого внимания статьи в той книге. Таково было внимательное его чтение книг с желанием душевной пользы ближнему!

В благообразном лице отца Иоанна, украшенном сединами, выражалась духовная радость, отпечаток внутреннего состояния его младенчески-незлобивой души. Его тихое и миролюбивое со всеми обращение заставляло всех любить и уважать его. Всегда он был готов подать добрый совет братиям, требовавшим духовной помощи в борьбе со страстями; но во всяком случае беседа его исполнена была великого смиренномудрия, с укорением себя. Его скромная и простая речь с частым повторением любимой им поговорки: «эдакая право-да», имела особую силу и успех

к убеждению и утешению братии. Впрочем, когда нужно было, старец умел показывать и строгость. Был такой случай. Вследствие временного отсутствия скитона начальника ему поручен был надзор за скитом. Заметив одного в чем-то провинившегося брата, отец Иоанн сделал ему строгий выговор. Но так как на сердце у него злобного ничего не было, то, отойдя несколько шагов от его кельи, старец благодушно проговорил про себя: «Эдакая право-да! Показал свою власть!» Не прочь бывал иногда старец и подшутить или [сострить]. Одновременно с этим старцем жил в скиту молодой рясофорный монах отец Иоанн Половцев (впоследствии Виленский архиепископ Ювеналий). Проходя однажды мимо его кельи, старец остановился против его окна и воззвал: «Отче Иоанне! Отче Иоанне!» Отец Иоанн подошел к окну. Старец только проговорил: «Бысть разрушение велие», — и тотчас ушел. «Что такое значит?» — недоумевал отец Иоанн и долго никак не мог объяснить себе слов старца. Наконец, вышел он на прилежавший к его келье дворик, где сложены были в поленницу его дрова, и видит, что поленница его вся развалилась. «А! — подумал отец Иоанн, — вот оно, разрушение-то велие!»

Побои, претерпенные старцем от раскольников, о чем упомянуто выше, давали ему себя чувствовать болями в голове, груди и ребрах. Вообще же он был крепкого телосложения и других болезней как например, простуды и проч., он не знал, так что при заболевании многих скитских братий, как это всегда случалось и ныне случается, обыкновенно говорил: «Эдакая право-да, это не скит, а больница». Неоднократно в разговорах выражал он свое желание, чтобы Господь, по милосердию Своему, попустил ему за несколько времени пред смертью поболеть, будучи уверен, что болезнями душа более возбуждается, готовится к исходу от сей жизни и что чрез них облегчается участь ее в вечности. Желание его не осталось без исполнения.

С 1848 года, когда старцу исполнилось уже 86 лет, его часто стали посещать болезни, особенно стеснения дыхания в груди. Пред последнею его тяжелою болезнью братия заметили, что он нередко стал выходить из кельи на скитское кладбище, останавливаться там и сидеть у могил. На вопрос некоторых любопытных: «Что вы, батюшка, так часто стали ходить к могилкам?» — смиренный старец тихо отвечал: «Да вот, эдакая право-да, прошу отцов, чтобы приняли и меня в сообщество свое». Вскоре после того он заболел тяжкою болезнью и уже не мог выходить из кельи своей до кончины. Заметим при сем, что, когда отец Иоанн был здоров, он имел обыкновение навещать трудно больных, в особенности приближавшихся к смерти, и убеждать их к благодушному терпению, выставляя великую от сего пользу душевную. Когда же сам сильно занемог и пришел навестить его старец иеросхимонах Амвросий, отец Иоанн сказал: «Эдакая право-да, хотя полезно поболеть, однако скучное это дело».

По желанию болящего он особорован был святым елеем, и по принесении чистосердечной исповеди во грехах, неоднократно приобщался Св. Христовых Тайн. До самой смерти не оставлял молитвенных правил, которые вычитывал для него служивший при нем послушник. В день же кончины по причащении Святейших Тайн Тела и Крови Христовых отец Иоанн почувствовал облегчение в болезни; свободно и с духовным утешением разговаривал с бывшими при нем братьями, рассказывал им о кончине некоторых известных ему благочестивых и ревностных в отношении Православия архиереев и других мужей; также говорил и о состоянии души в будущей жизни, как бы намекая этим на близость разлучения души своей от тела. В таковой душеполезной беседе он вдруг умолк, и, восклонившись* на одре, тихо почил сном непробудным до общего воскресения. Кончина его последовала 1849 года

* Восклониться —
здесь: успокоиться —
Примеч. ред.

4 сентября. На третий день после кончины отец игумен Моисей совершил в скитской церкви соборне Божественную литургию и чин погребения над телом почившего, которое в присутствии братии и похоронено было в скиту в общем погребальном месте. Всей жизни его было 87 лет. В скиту прожил 15 годов.

Памятником по себе старец отец Иоанн оставил шесть составленных им книг противораскольнического содержания, так как сам он долгое время заражен был расколом и потому подробно знал все заблуждения раскольников. Книги эти следующие: 1) «Доказательства о древности трехперстного сложения и святительского именовсловного* благословения». Москва, 1839 г. 2) «Дополнение к доказательствам о древности трехперстного сложения». Москва, 1839 г. 3) «Дух мудрования некоторых раскольнических толков». Москва, 1841 г. 4) «Обличение заблуждений раскольников, перекрещиванцев, с показанием истинного крещения». С.-Петербург, 1847 г. 5) «Доказательства непоколебимости и важности Святой Соборной и Апостольской Кафолической Церкви Восточной». Москва, 1849 г. Эту пятую книгу получил старец из печати, когда уже лежал на одре в предсмертной болезни. Из глубины сердца возблагодарил он Господа Бога, сподобившего его видеть плоды трудов своих, и с чувством произнес: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром: яко видеша [очи] мои* приятым скудное мое приношение Святой Соборной и Апостольской Церкви». 6) Последнее сочинение старца под заглавием: «Беседа в разрешение старообрядческих сомнений о принятии благословенных священников от Православной Восточной Церкви», представляющее доводы и свидетельства от Священного Писания, правил Вселенских Соборов, от разных старопечатных книг, уважаемых раскольниками, и из творений

* Именовсловное (благословение) — архиерейское и иерейское благословение, при котором персты руки, начиная с указательного сгибаются и соединяются так, что образуются буквы Имени Божия: ІС ХС. — *Примеч. ред.*

* Ср.: Лк. 2, 29—30.

достоверных церковных писателей, напечатано уже было после его смерти. Кроме сих отпечатанных книг осталось и еще несколько записок иеросхимонаха отца Иоанна о разных предметах, относящихся к обличению раскольнических заблуждений.

Главными отличительными свойствами описанного старца были: смиренномудрие, кротость, евангельская простота и младенческое незлобие. Вечная тебе память, честнейший отче!

(В скитской библиотеке есть краткое жизнеописание сего старца иеросхимонаха Иоанна.)

5.

Схимонах Диомид

Диомид Кондратьев — вольноотпущенный княгини Салтыковой, имение которой было в Новгородской губернии. В 1817 году, когда Оптинский старец иеросхимонах Леонид, живший в то время на Валааме, по обстоятельствам ездил в С.-Петербург, Диомид Кондратьев, находившийся тоже в столице, уже был известен старцу Леониду и весьма был расположен к нему, так что готов был всегда, чем только можно было с его стороны, услужить старцу. Поступил он под руководство старца Леонида сначала в Александро-Свирский монастырь или в конце двадцатых или в начале тридцатых годов прошлого XIX века, а затем перешел с ним в Площанскую пустынь, где по случаю постигшей его болезни пострижен был келейно тамошним настоятелем в схиму без перемены имени и потому до 1840 года открыто ходил в рясофоре и, наконец, в 1829 году вместе со своим старцем, в числе сопро-

вождавших его шести учеников, перебрался на постоянное жительство в Оптинский скит. Живя здесь, он достиг уже преклонных лет, вел строгую монашескую жизнь и, как передавали старожилы-монахи, имел желание поучать людей, но не имел опытности духовной и старческого искусства. Вследствие чего с его стороны в обращении с посетителями бывали большие промахи. Придет, например, к нему как к старцу кто-либо, отягченный грехами, с тем чтобы открыть ему свою жизнь и получить от него добрый совет к исправлению ее. Но отец Диомид, выслушав откровение, с ужасом начнет говорить ему в таком тоне и роде: «О! да как же ты смел делать то и то?! Да тебе и спасения нет?! Ты попадешь в тартарары на вечные мучения, и выпуску тебе оттуда никогда не будет!» Через это посетитель приходил в такое смущение, что впадал в совершенное отчаяние. Но вот кто-либо из монахов направит его к старцу отцу Леониду. Узнав в чем дело, старец начнет его увещевать, чтобы отнюдь не отчаивался, что Господь сходил на землю не ради праведных, а чтобы призвать грешников к покаянию, что милосердию Его предела нет, и прочее. Так, бывало, с месяц убеждает и уговаривает старец впадшего в отчаяние, пока при помощи Божией не возбудит в нем надежду спасения. Подобные случаи повторялись неоднократно. Надоел старцу отец Диомид. Надо было его проучить. Случай к тому представился. В скиту во время старца Леонида братия самоваров по кельям не имела, и чай пить собирались все к старцу только по субботам и воскресным дням и по двенадцатым праздникам. Вот в один великий праздник, в зимнее время, и собрались скитяне в келью старца для чаепития. Видя, что отец Диомид не пришел, старец приказал его позвать. Посланный, возвратившись, сказал, что отец Диомид отказался придти по нездоровью. Тогда старец, зная, что отец Диомид не пришел просто по нежеланию, так как не имел к чаю привычки, и желая понудить

его к покорности и послушанию, а кстати и наказать его за вышесказанные неразумные его действия, возвысил свой голос: «Диомидка!.. Сходите за ним опять и принесите его на руках, если не пойдет. А когда понесете, — прибавил старец, — бросьте его в сугроб». Отправились двое и просят от имени старца: «Пожалуйте, батюшка, если вы слабы, мы вас на руках снесем». Не подозревая опасности, отец Диомид согласился: «Ну, пожалуй, несите». Взявши старичка на руки, носильщики понесли, но, выбравши самый большой сугроб, как бросят его туда. Старичок в снегу-то капых-капых, кое-как выбрался и со всех ног сам прибежал к старцу с жалобой, что его обидели. Понятно, что из этой жалобы ничего не вышло, а только чаем отца Диомиды напоили да в келью и проводили.

Из жизни отца Диомиды известен и еще неприятный для него случай. 1841 год, 24 января, в отсутствие отца настоятеля он послан был казначеем отцом Гавриилом в город Мценск с билетом на семь дней для принятия хлеба. Приехавши туда, он, по приглашению семейства покойного Оптинского благодетеля Онуфрия Ивановича Соплякова, скончавшегося того же года и месяца 11 дня, остановился в их доме. Тут он сделался болен и прожил до 7 февраля. Во время болезни Мценские граждане, хорошо знакомые с Оптиной Пустынью и ее старцами, посещали отца Диомиды, некоторые и советов просили у него в своих недоумениях. Отец Диомид по возможности и старался преподавать душеполезные советы, а притом, по поручению родных покойного благодетеля, раздавал еще милостыню приходившим бедным. Потому сходилась к нему немало народа. Узнавши о сем, настоятель Мценского монастыря, ректор Орловской семинарии, архимандрит N донес о сем своему епархиальному епископу Евлампию, а тот отнесся к Калужскому епископу Николаю. Отца Диомиды вытребовали в Калужскую Духовную Консисторию* и по допросе отправили на время в Калужскую Ти-

*Духовная Консистория — с 1744 г. присутственное место при епархиальном архиерее, находилась в ведении Св. Синода. По «Уставу» 1841 г. через Духовную Консисторию под непосредственным начальством епархиального архиерея производились управление и суд в епархии. Консисторскому суду подлежали лица духовного и светского звания. — *Примеч. ред.*

хонову пустынь. Но так как по представленной им отпускной, выданной ему еще в 1832 году, за справками определения ему еще не последовало, и в последнюю ревизию он не был вписан, то и препроводили его по месту жительства прежних его господ в Новгородское Губернское правление на усмотрение. По этому случаю были неприятности и Оптиному отцу настоятелю, и казначею, и братии.

По времени отец Диомид все-таки возвратился в скит, где и дожил свой век. В скитской летописи написано: «В воскресенье утром 1 мая 1849 года в шестом часу скончался болящий старец отец Диомид Кондратьев на 69 году от роду». Слово «болящий» показывает, [что] отцу Диомиду пришлось немалое время в жизни поболеть, что люди жизни духовной считают милостью Божией, ниспосылаемою людям к очищению их грехов. И во время болезни, без сомнения, отец Диомид приготовлен был к исходу из сей жизни всеми потребными для сего Святыми Таинствами, как обыкновенно принято в Оптиной Пустыни.

Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, схимонаха Диомида, во Царствии Твоем!

6.

Монах Петр

Летом 1848 года в Калужской губернии свирепствовала холера. В Оптином скиту обнаружилась она у молодого послушника Петра Никифорова. К излечению его употреблены были опубликованные в то время средства, но успеха не было. Больной исповедался и приобщился Св. Христовых Тайн, был осobo-
борован и, судя по надгробной надписи (где он назван

* Мещане — с 1775 по 1917 гг. податное городское сословие из бывших посадских людей — ремесленников, мелких торговцев, домовладельцев. — *Примеч. ред.*

** Камердинер — личный слуга в богатом дворянском доме. — *Примеч. ред.*

*** Тайный советник — один из высших гражданских чинов, существовал в России с 1722 по 1917 гг. По «Табели о рангах» 1722 г. чин III класса, присвоение которого проводилось по личному распоряжению Императора. Титуловался: «Ваше превосходительство». — *Примеч. ред.*

**** Строитель (монастыря) — должность лица, возглавляющего обитель. Соответствует должности настоятеля. Со второй половины XIX в. должность строителя в церковных документах не упоминается. — *Примеч. ред.*

монахом), без сомнения пострижен был в монашество; наконец, после жестоких страданий от внутреннего огня, окончил путь своей жизни 8 июля во втором часу пополудни, прожив на свете 28 лет. Тело его погребено было 9 июля на общем скитском кладбище. Родом был из Новосильских мещан*. Усердным своим в скиту послушанием служил примером для братии.

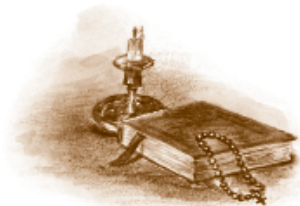
7.

Послушник Василий

1845 года мая 2 дня в 8 часов пополудни скончался в скиту страждущий послушник Василий Степанов Живой, 57 лет от роду, отпущенный на волю бывший камердинер** тайного советника*** Рахманова. Первоначально принят был в скиту в 1838 году, послушание проходил в поварне, сначала помощником повара, а потом и главным поваром. В 1842 году в сентябре отправился на послушание в Мещовский Георгиевский монастырь с назначенным туда строителем**** иеромонахом Никодимом, но через год там заболела у него левая нога; и потому в сентябре 1843 года он перевезен обратно в скит. Терпел боль жестокую. Нога вся у него испукала материю; и он всегда был в лежачем и почти неподвижном положении и весь ужасно выболел; но благодарил Бога за посещение его болезнью, уповая чрез терпение получить отпущение грехов своих. Был особорован. Нередко сообщался Св. Христовых Тайн, и за 6 часов пред самую кончину удостоился приобщиться Святых Тайн в чистой памяти; а по прочтении канона на исход души, не более как чрез 20 минут, предал дух свой с миром Господу. В течении болезни удостоился и облечься в ангельский образ.

8.

Послушник Алексей

Алексей Иванович Гуляев из обер-офицерских детей. Служил в миру с 1783 года в разных местах и должностях: в С.-Петербурге во 2-м Департаменте Сената, в Смоленской удельной конторе, в Московском почтамте помощником экспедитора, в Комиссиях 1-го округа сухопутных сообщений смотрителем II класса и, наконец, в должности главного дистанционного смотрителя; а в 1821 году вышел в отставку с чином коллежского советника* со знаком отличия за 15-летнюю беспорочную службу и с пенсионом в 500 рублей ассигнациями, который он получал до смерти своей. В брак не вступал. С 1838 года жил в Конеvской обители, а оттуда, по своему усердию, перешел в Оптинский скит в марте 1840 года. Из получавшегося им пенсионна ежегодно уdeлял в монастырь по 150 рублей. В декаде 1843 года сделал серебряную ризу на образ Богоявления Господня в скитскую церковь, которая находится в Предтеченском храме за правым клиросом. Тихо скончался в 1845 году 4 февраля в воскресенье утром в 10 часов, на 74 году от роду. 6-го числа настоятель обители отец игумен Моисей служил в скиту Литургию собором с отцом игуменом Варлаамом и иеромонахом Никоном, а затем совершил и погребение.

* Коллежский советник — с 1722 г. по «Табели о рангах» гражданский чин VI класса. С ликвидацией коллегий чин коллежского советника превращен в титул, который получали чиновники «по выслуге лет». Титуловался: «Ваше высокоблагородие». — *Примеч. ред.*

9.

Иеромонах Иов

Отец Иов из тульских оружейников, отличался прямою характера и ясным взглядом на вещи. В 1813 году он сначала в своем городе Туле поступил в Архирейский Дом к Преосвященному Амвросию Протасову, известному даром красноречия, в бытность сего последнего Тульским епископом, и оставался при нем неотлучно до самой его кончины, переходя за этим святителем в разные епархии: Симбирск, Казань и, наконец, в Тверь. Был его духовником и заслужил его благорасположение. А в 1832 году, по кончине своего благодетеля, архипастыря Амвросия, отец Иов из Тверского Архирейского Дома перешел в Оптинский скит. С умилением свидетельствовал он о смирении сего приснопамятного святителя Божия, который, ища себе душевной пользы, оказывал ему, простому старцу, сыновнее послушание, испрашивал у него в разных случаях советов и дорожил ими, как основанными на слове Божиим и отеческих писаниях, не лишенными и личного духовного опыта, и не только не возбранял, но и просил говорить себе правду в глаза, постоянно поверяя тем свои действия. Всего в монастыре прожил отец Иов приблизительно 30 годов. Скончался мирною и тихою кончиною на 81 году от роду, 1843 года 14 января. Памятью его трудолюбия осталась в монастырской библиотеке замечательная рукопись: «Свод четвероевангелия по четырем старопечатным евангелиям Патриархов Филарета, Ермогена, Иосифа и Никона, составленный в обличение раскольнических суетумудрых толков о мнимой порче церковных книг при Патриархе Никоне».

Писана полууставом в лист.

10.

Монах Макарий утопший

Монах Макарий из экономических крестьян*. Родился в 1775 году. Был неграмотный. Поступил в скит в 1823 году. Странствовал (вероятно, до поступления в Оптину Пустынь) в Иерусалим, где, как значится в монастырских записях, пострижен был в мантию*, был и на Святой Афонской Горе. 28 июня 1841 года нечаянно утонул в скитской сажалке**, находящейся вблизи восточной стороны скитской ограды, в полуденное время. Передавали старожилы монахи, что отец Макарий любил в летнее знойное время после трапезы окунуться в воду в белье и балахоне, но, должно быть, попал в глубокое место, а плавать не умел, так там и остался. Лежавшее на берегу его платье (подрясник с шапкой) дало знать скитским братьям о случившемся несчастье. Тело его было найдено, вынуто из воды и предано обычному христианскому погребению. Все братия очень жалели о нем за его простодушие и непритворную ко всем любовь. От роду покойному было 66 лет, а на гробовой доске по ошибке выставлено 70.

* Экономические крестьяне — часть государственных крестьян, образовавшаяся по Указу 1764 г. о передаче различных категорий крестьян, принадлежавших церкви, в управление Коллегией экономии духовных имений. — *Примеч. ред.*

** Сажалка — здесь: скитский пруд для разведения рыбы, то же, что «садок». — *Примеч. ред.*

* В скитской Летописи сказано, что монах Макарий пострижен в скиту в 1824 году, но чтобы он пострижен был в мантию через год по поступлении в скит — это в Оптиной Пустыни немыслимое дело. Поэтому считаем монастырскую запись более достоверною. — *Примеч. в рукописи.*

11.

Монах Мартин

*Дворовые люди — здесь: крепостные люди, принадлежавшие помещику и жившие совместно в барском доме или на дворе в отдельной «людской» избе на содержании помещика для оказания личных услуг или выполнения каких-либо специальных работ. — *Примеч. ред.*

Мартин Андреев Кривенков из дворовых людей* помещика Болховского уезда Тульской губернии, свиты Его Величества генерал-майора князя Владимира Дмитриевича Голицына. Родился в 1841 году, поступил в скит 3 июля 1862 года. Отличался простодушием, преданностью старцу и послушанием. Во время церковных служб углублялся в молитву, проходя четки. Когда же братия стали это замечать, он возразил: «Да разве они думают, что я делаю это без благословения батюшки?» Старцем в то время был иеросхимонах Амвросий. Но недолго пришлось ему пожить в скиту. Зимой 1862 года он заболел чахоткою. На следующий год болезнь очень усилилась. 22 апреля он переведен был в Ключаревский корпус, что на восточной стороне Предтеченской церкви; 26 июля особорован, чем очень был утешен, а 4 августа 1863 года в воскресенье во втором часу по полудни скончался 22-х лет от роду, келейно постриженный в мантию. Во время болезни неоднократно приобщался Св. Христовых Тайн. Приблизительно за месяц до смерти, в сильном изнеможении, как бы в исступлении, произнес следующие знаменательные слова: «Мне надо в августе все дела свои покончить». Что и исполнилось. Умер в надежде на милосердие Искупителя.

12.

Монах Андрей

Андрей Иванович Свешников — отставной коллежский асессор*, сын чиновника XII класса, родился в 1816 году. Воспитывался в Горном институте и служил в горной части в Сибири, а потом на пароходах в Черном море. Был холост. Страдал приливами крови к груди и сердцу. Поступил в скит в ноябре 1861 года, а 24 декабря 1863 года пострижен в рясофор. В конце 1864 года заболел серьезно и так болел с месяц и более. 29 ноября особорован святым елеем и в этот же день в последний раз приобщился Святых Тайн. Неоднократно предлагали отцу Андрею о пострижении в мантию. Он и согласен был, но все выбирал знаменательные дни и оправдывался тем, что в этом его желании нет греха. Сперва назначил он для пострига праздник Знамения Божией Матери, но в этот день сделалось ему так худо, что о пострижении и думать нельзя было. Ради знаменательности дня опять отложил постриг до 4 декабря, дня празднования святой великомученице Варваре. Накануне был исповедан иеромонахом отцом Пименом. А в самый день утром опять почувствовал сильный припадок, и хотя бы и мог еще принять пострижение и приобщиться Святых Тайн, но на предложение отца Пимена и братьев отвечал отказом, сказав, что надо теперь поставить пиявки и тогда к трем часам все пройдет. Но едва отец Пимен ушел от больного отца Андрея, он вдруг почувствовал приближение смерти и уже сам изъявил было желание приобщиться. Ходивший за ним брат, послушник Димитрий Лавров, бросился искать отца Пимена, но, не найдя его, побежал к скитоначальнику отцу Илариону. Когда же тот пришел со Свя-

* Коллежский асессор — с 1722 г. по «Табели о рангах» гражданский чин VIII класса. Получение чина до Указа 1845 г. давало право на потомственное дворянство. После 1845 г. — право личного дворянства. Титуловался: «Ваше высокоблагородие». — *Примеч ред.*

тыми Дарами, отец Андрей уже скончался. Кончина его последовала 4 декабря 1864 года. Прожил на свете 48 лет. В ночь на 5 декабря скитский иеромонах отец Иларий видел сон: будто отец Андрей встал из гроба, подполз к кустам барбариса на краю кладбища и очень стонет. Отец Иларий* спросил: «Что, отец Андрей, очень больно?» Тот ответил со стоном: «Очень больно. Так угодно Варваре (великомученице)». Это день его кончины. (Из записок скитского иеромонаха отца Пиора.)

13.

Схимонах Иоанн

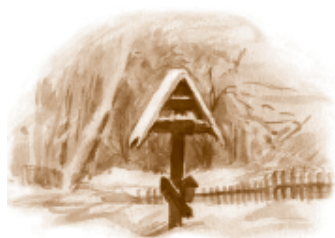
В мире Иван Тимофеев Чернов. Из крестьян Владимирской губернии и уезда. Впоследствии военный запасный писарь Московского окружного инженерного управления, старшего разряда, служил в военной службе 6 годов. Поступил в скит, по записям монастырским, в феврале, а по надгробной надписи — в марте 1886 года 28 лет. Послушание проходил в кухне помощником повара и вместе был певчим: пел на левом клиросе первым высоким тенором. По причине болезни в июне 1887 года переведен из кухни в келью, а из оной в ноябре того же года перешел в монастырскую больницу, где пособорован и пострижен в схиму. Болел чахоткою более полугода. Перед кончиною напутствован Святыми Тайнами смотрителем больницы иеромонахом Рафаилом. Скончался 1887 года 27 декабря в 10 часов вечера. Тело его перенесено было в скит и там 29 декабря после

* Скончался 1872 года 23 сентября. — *Примеч. в рукописи.*

Литургии погребено на скитском кладбище братским духовником и скитона начальником, иеромонахом Анатолием. Царство ему Небесное!

14.

Скитский рабочий Иосиф Степанов Мухортов

Временно обязанный крестьянин, живший по найму в скиту рабочий, холост. Скончался в скиту 11 октября 1863 года от угара в истопленной рабочей избе, 20 лет от роду, и похоронен на скитском кладбище. Передавали старожилы монахи о сем следующее. 11 октября 1841 года скончался известный Оптинский старец Леонид, в схиме Лев. Незадолго до его кончины скитские братья обратились к нему с вопросом: «В случае вашей смерти, батюшка, как вас поминать?» Старец вроде шутки ответил: «Оладьями». По слову старца каждый год 11 октября и пекли в рабочей избе оладьи на всю скитскую трапезу. От этого печения в 1863 году нашел в избе угар. Не подозревая опасности, рабочий Иосиф влез на печь погреться, заснул и уже не пробудился. С тех пор печение оладьев отменено.

15.

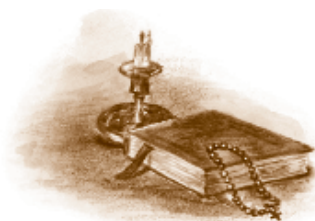
Схимонах Кирилл

В мире Константин Сидорович Мусатов из крестьян Рязанской губернии, Данковского уезда, села Юросопова. Поживши прежде несколько месяцев в скиту, он возвратился на родину и там проводил монашескую жизнь. Потом, когда ему исполнилось 76 лет от роду, он опять прибыл в скит 9 мая 1889 года, был келейно пострижен в мантию 30 марта 1890 года в Великий Пяток, причем ему благословлено было ходить в рясофоре. Когда старец иеросхимонах Амвросий переехал из скита в Шамординскую общину, и отец Константин перебрался туда же и до самой кончины старца находился при нем, помогая его келейникам. В январе 1891 года в Шамординской обители пострижен был в схиму, получив новое имя Кирилл. По кончине старца Амвросия он возвратился в скит, где и скончался 25 апреля 1892 года 79 лет от роду, быв напутствован всеми Христианскими Таинствами. Похоронен на скитском кладбище.

16.

Схимонах Николай

В мире Николай Георгиевич Лопатин. Из потомственных почетных граждан города Ярославля. Родился 13 июня 1864 года. Поступил в скит 5 ноября 1890 года. Был здоровья слабого. Послушание его было вместе с другими читать Псалтирь по благодетелям. 16 февраля 1892 года, по болезни, пострижен был келейно в мантию, а

2 апреля — в схиму. Болел чахоткою. Всю зиму и затем весну 1892 года здоровье его постепенно ухудшалось. Нрава был кроткого. Однажды обратился он к старцу отцу Иосифу с просьбой: «Благословите мне, батюшка, в церкви во время службы потихоньку подпевать певчим, а то рассеянность очень одолевает». Но старец дал ему такой совет: «Нет, подпевание ты оставь, а вместо того во время службы твори постоянно Иисусову молитву». Отец Николай послушался старцева совета и вскоре так привык к этой молитве, что всячески старался быть наедине. И если слышал когда-либо или разговоры братьев, или какой-либо стук, то жаловался, что все ему мешают. Незадолго до смерти он расписал все свои келейные вещицы, кому из братьев что дать после его кончины. Когда болезнь его усилилась, дали о сем знать его матери. Она вместе с другим сыном поспешила приехать в Оптину, чтобы проститься с умирающим. Но, пробывши в монастыре несколько дней и видя, что отец Николай не умирает, она хотела уже отправиться восвояси, сказав: «Ведь Коля хотя слаб, но может еще долго прожить». А Коля попросил ее еще одну ночь переночевать в Оптиной. Это было под 10 мая 1893 года. Переночевала. А на другой день, именно 10 мая, Коля предал дух свой Господу, часто и многократно пред сим был напутствован Святыми Тайнами. И родственники его имели утешение присутствовать при его погребении.

17.

Послушник Иаков Максимович Сущенко

Малоросс, из крестьян Харьковской губернии, Старобельского уезда, Городищевской волости, села Городища, земляк старца отца Иосифа, т. е. из одного села. По записям монастырским: родился 1882 года, поступил в скит 1900 года апреля 25 дня 18 лет от роду, а по собственным словам Иакова ему было в то время [только] 16 лет. Это был [молодой] подвижник. Послушание его было помогать пасечникам ходить за пчелами. Он определил себе ежедневно, пред тем как идти в трапезу обедать, полагать несколько поклонов с условием, если он через это опоздает в свое время придти в трапезу, то за сие должны были ужалить его пятьдесят пчел. Вследствие сего видали его неоднократно ходящим по пасеке без сетки. Вероятно, ощущая в теле непристойные движения, он употреблял пищу в самом умеренном количестве, а для сего крепко препоясался по голому телу жестокой веревкой, которая, сжимая желудок и чрез то не давая ему принимать много пищи, в то же время служила вместо вериг. Вережка эта по времени так врезалась в его тело, что образовались на нем раны. Кроме того, летом в ночное время выходил наружу и спал на голой земле. Сказывали даже, [что] ложился в крапиву, говоря: «Недостоин я спать в келье». Естественно, что при таких подвигах силы его телесные ослабели. Между тем фельдшера больничные веревку с него сняли и раны на его теле зажили. К осени он переведен был с пасеки и определен помощником пономаря. В это время он ходил по церкви зажигать лампадки пред святыми иконами, слабенький, как тень. Встречаясь со служите-

лем алтаря [Господня], низко ему кланялся и принимал благословение, смиренно приговаривая: «Прошу ваших святых молитв». Жаловался между прочим отцу Иосифу на слабость своих сил телесных. Сожалея о нем, старец, бывало, скажет ему: «Ты ешь больше». Иаков ответит помалороссийски: «Та — никуды». Осенью, кажется в октябре, он простудился, пришел в больницу и говорит фельдшерам, что у него что-то «захололо», то есть холодно ему или его знобит. Ему дали каких-то порошков и сказали, чтобы отправлялся в келью и употреблял бы их с водой. Но Иаков так ослабел, что, отошедши немного, остановился и так жалобно смиренно проговорил: «Не могу идти». Тогда освидетельствовали температуру его тела. Оказалось, что температура очень повысилась, и потому оставили его в больнице, где он и пробыл с месяц, постепенно ослабевая в силах. В это время он особенно был тих, кроток и послушлив. Как-то в послеобеденное время он взял книгу и хотел было читать. Смотритель больницы заметил ему, чтобы он оставил чтение и для подкрепления сил отдыхал бы. Иаков беспрекословно свернул книгу и положил в стол. Никто из окружающих его, ни сам он не ожидали близкой его кончины, за несколько дней пред коей он между тем был исповедан и сообщен Святых Тайн. И вот в первый же год своего поступления в скит, 7 декабря, на память Святителя Амвросия Медиоланского (день Ангела Оптинского старца Амвросия) в полуденное время Иаков шел по больничному коридору. Вдруг сделалось ему дурно, и он был в опасности

Монастырская больница. Фотография. Конец XIX века

упасть, но случившийся тут смотритель больницы подхватил его. Затем он перенесен был в номер и положен на койку. И так как он был без чувств, то собравшиеся около него больничные фельдшера хотели было привести его к сознанию нашатырным спиртом, но Иаков оставался в бесчувственном положении. И долго-долго стояли они около него в недоумении: не то он умер, не то еще жив. Но душа его уже отошла в иной блаженный мир. Находясь в сомнении касательно смерти Иакова, хотя по обычаю опрятали его тело и положили в гроб, но вынесли его в теплую больничную церковь в ожидании, не очнется ли он. Других же покойников, несомненно умерших, выносят в холодную Владимирскую церковь. Часов через 12 после кончины Иакова тело его стало застывать, и тут только оказалось несомненным, что он скончался. Его перенесли в скитскую церковь, и там по совершении Божественной литургии отправлен был чин погребения. Покойник погребен был на скитском кладбище 9 декабря. В гробе он лежал как живой, лицо его несравненно было приятнее, чем у живого. И только запекшиеся уста свидетельствовали о его кончине, которая последовала вследствие воспаления легких. К нему можно отнести слова Премудраго Соломона: *Восхищен бысть, да не злоба изменит разума его, или лесть прельстит душу его. Скончався в мале, исполни лета долга. Угодна бо бе Господеву душа его: сего ради потщася от среды лукавствия* (Прем. 4, 11, 13—14).

[Можно бы] поставить в укор Иакову, что он проходил подвиги самочинно. Но, [думается]: как можно строго судить шестнадцатилетнего мальчика, безотчетно стремившегося ко спасению своей души? А покойный старец Амвросий имел обыкновение говорить в подобных случаях так: «Всякий подвиг человека, предпринимаемый им ради спасения своей души, приемлется Милосердым Господом в умиловительную жертву».

Второй ряд могил идет от севера к югу.

18.

Монах Григорий

В мире Григорий Иванович Косых. Крестьянин Воронежской губернии Павловского уезда, Нижне-Маманской волости, села Островки. Поступил в скит 29-ти лет в январе 1885 года. Послушание его было рабочее. Кроме того, он был певчим на левом клиросе. 3 апреля 1892 года в Великий Пяток пострижен в рясофор. Долго болел чахоткою и перед смертью келейно пострижен был в мантию. Скончался 16 декабря 1893 года, удостоившись причаститься в этот день Св. Христовых Тайн.

19.

Схимонах Николай*

В мире Николай Аbruлах, казанский мещанин. Из представленного им свидетельства Херсонской Духовной Консistorии видно, что он был магометанского вероисповедания, имя его было Юсуф-Абдул-Оглы; бывший турецкий подданный, родом из Малой Азии, служил в турецкой армии офицером. Когда он почувствовал желание переменить свою магометанскую веру на православно-христианскую и даже стал открыто заявлять о сем своим родичам туркам, они так возненави-

* См. Приложение. С. 205. — Примеч. ред.

* «Гя у р» — «неверный» в понимании лиц мусульманского вероисповедания — *Примеч. ред.*

** Гильдия (купеческая) — в России с 1775 г. сословная купеческая организация. Привилегированное гильдейское купечество делилось на три гильдии по размерам капитала. — *Примеч. ред.*

дели его, что он дня по два нигде не мог достать себе пищи, никто не давал ему как «гяуру»*. Затем турки ужасно мучили его, вырезая целые куски из его тела. Но Юсуф остался непреклонным в своем желании принять христианскую веру. С Божией помощью ему удалось избежать дальнейших страданий от рук мучителей и удалиться в гостеприимную Россию. В городе Одессе, в карантинной церкви, он просвещен был Святым Крещением в октябре месяце 1874 года и назван Николаем. Восприемниками его были: одесский градоначальник, тайный советник Николай Иванович Бухарин и 1 гильдии** купчиха Наталья Ивановна Гладкова. Затем, неизвестно по какому случаю, он прибыл в Казань и там приписался к мещанскому обществу. В 1891 году 18 июля, когда ему исполнилось 63 года, он поступил в Оптинский скит в число братии. По принятии Святого Крещения, за его лютые страдания и твердое исповедание истинности православно-христианской веры, Господь сподобил его духовных утешений. По подобию святого Андрея Христа ради юродивого, он в некое время восхищен был еще при жизни в рай, где наслаждался созерцанием неизреченных райских красот. В скиту Николай отличался кротостью, смирением и братолюбием. Занимал он келью в соседстве с кельей монаха, впоследствии иеродиакона Мартирия. Монахи соседи в скиту в зимнее время обыкновенно поочередно топят свою общую печь и для сего носят дрова. А Николай часто исполнял это дело один. Спросил его как-то отец Мартирий, для чего он так делает. Николай только ответил: «Я тебя люблю». Недолго прожил в скиту турок Николай, всего два года. Незадолго пред кончиною принял келейно постриг в схиму и, напутствованный всеми Христианскими Таинствами, мирно скончался 18 августа 1893 года, 65-ти лет от роду.

В книге С. А. Нилуса под заглавием «Великое в малом» помещены сведения об этом турке Николае. Только он

здесь назван Павлом-турком. И в рассказе замечаются некоторые неточности.

20.

Схимонах Пахомий

В мире Пахомий Марков, из крестьян Елецкого уезда, Орловской губернии. Поступил в скит в 1878 году 53-х лет. Был в скиту несколько времени привратником и вместе [с тем] мостил иногда камнем дороги. Отличался особенным усердием к послушанию. Однажды мостил он дорогу от [западных] скитских ворот по направлению к монастырю. Проходя мимо него этой дорогой, скитоначальник иеромонах Анатолий обратился к нему с вопросом: «Небось тебе, отец Пахомий, трудно и скучно за этим делом-то?» Тот ответил: «Батюшка, послушание прохожу — мед пью». Келейно принял он постриг в схиму и мирно отошел в жизнь вечную, с напутствием Святых Таинств 1 декабря 1890 года, 65-ти лет от роду.

21.

Монах Алексей

Из крестьян Псковской губернии, Великолуцкого уезда, Вяховской волости, деревни Маркова. Служил младшим писарем старшего разряда Кронштадтской крепостной артил-

лерии. Поступил в скит в 1888 году 24 октября 30-ти лет от роду, а по монастырским записям 32-х лет. Прибыл в скит по совету известного Кронштадтского отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, который сказал ему: «Торопись в монастырь поскорее, время не терпит, скоро Судия праведный грядет». Послушание его в скиту было помогать повару. Но недолго пришлось ему помогать. В один день он прибеж к старцу отцу Иосифу и с оханьем объяснил ему, что чувствует нестерпимую боль в животе. Немедленно он пострижен был в мантию, особорован, исповедан и приобщен Св. Христовых Тайн и, прожив в скиту всего только один месяц и четыре дня, скончался 28 ноября 1888 года. На третий день после его кончины были похороны.

22.

Монах Александр

В мире Александр Николаевич Лихарев, штабс-ротмистр гвардии, помещик Рязанской, Тульской и Симбирской губерний. Родился в 1817 году 23 мая. Так он вспоминал о своем домашнем воспитании: «Учителем

моим был немец. Если, бывало, не приготовлю урока, он определял мне наказание — обедать за особливым столом. Скажет, бывало: „А, любезный! За осапливый стол тебя!“ Я-то, бывало, плачу, река рекой разливаюсь. А теперь думаю: ну что такое — за особливыи стол? Не все ли равно? Тогда же как это было больно! Причащаться Святых Тайн ходил я в церковь, непременно сначала напившись чаю и хорошо позавтракавши, а то трудно стоять Литургию». Воспитывался он в Пажеском корпусе* и имел стол, по его собственным словам, вместе с Наследником Пре-

* Пажеский корпус — привилегированное учебное заведение (основано в 1859 г.) для подготовки к военной и государственной службе детей высшей дворянской знати. — *Примеч. ред.*

стола (впоследствии Императором) Александром Николаевичем и графом Адлербергом. Вышедши в отставку, немалое время был Каширским предводителем дворянства* Тульской губернии. В этой должности распоряжался так самовластно, что ни губернатора и никаких других властей не признавал, так что его шутя называли *grand duc de Finlande* (Великий герцог Финляндский). Был владельцем трех огромных имений, своего собственного, женина и доставшегося ему по наследству от дяди. Имения эти были так велики и богаты, что, по словам современных Лихареву людей, как бы роскошно владелец ни жил, нельзя было в продолжение целой жизни прожить и одного из этих имений. Но Александр Николаевич ухитрился вскорости пропустить все три имения. Невольно здесь напрашивается вопрос: что же было этому причиной? Кроме того, что Александр Николаевич сорил деньгами и направо и налево, он подолгу жил в Петербурге и там ежедневно ездил в клуб. Каждый раз при этом он захватывал с собою денег не менее 10 000 рублей.

«Если же, — сказывал он, — в иной день не было при мне десяти тысяч, то мне стыдно было в клуб ехать». И все эти тысячи домой уже не возвращались. Несмотря, впрочем, на такую бешеную роскошь, Александр Николаевич был человек верующий и даже религиозный. В праздничные дни у него в доме отправлялись всенощные бдения**, и сам он имел обыкновение читать шестопсалмие, всегда, впрочем, с пропуском слов: «лядвия*** моя наполнишася поруганий»*, находя, вероятно, неприличным произносить их вслух молящимся. Всегда, еще в миру, как и после в монастыре, любил читать жития святых или Четьи-Минеи святителя Димитрия Ростовского. И, кажется, был еще некоторое время в Москве ктиторм**** при церкви святого Спири-

*Предводитель дворянства — выборное должностное лицо корпоративного дворянского самоуправления в уезде и губернии, являлся представителем дворянства перед администрацией, не получал жалованья. — *Примеч. ред.*

** Всенощное бдение — вечерня и утрени праздника, соединенные в одно Богослужение. — *Примеч. ред.*

*** Лядвия — бедра. — *Примеч. ред.*

**** Ктитор — лицо, на средства которого построен или заново украшен (иконами, фресками) православный храм. С XVII в. в России ктиторм называли церковного старосту. — *Примеч. ред.*

* Пс. 37, 8.

дона. Когда домашние или хозяйственные дела Александра Николаевича пришли в упадок, он, вместе с супругою своею Надеждою Сергеевною, 4 декабря 1868 года прибыл в Оптину Пустынь и поместился временно на жительство в монастырской гостинице. Ему в то время было 52 года. Проживши в гостинице около года, он, наконец, 5 ноября 1869 года поступил в скит и поместился в Ключаревском корпусе, что на восточной стороне Предтеченской церкви. Хозяин, построивший этот корпус, Феодор Захарович Ключарев, был еще жив. Он в свое время тоже занимал должность Тульского губернского предводителя дворянства. И вот теперь судьбами Божиими сошлись вместе два дворянских предводителя из одной губернии. Один — Феодор Захарович — был уже рясофорный монах, а Александр Николаевич — новоначальный послушник. Заметим, что Лихарев был тучного телосложения и довольно высокого роста. Когда он оделся в огромный по его телосложению подрясник, из которого иному монаху могла выйти целая ряса, опоясался кожаным поясом вершка в три ширины и пришел к старцу иеросхимонаху Амвросию принять благословение на новое жительство, тогда старец, приняв его с отеческой любовью, благословил и, окинув взором его внешнее облачение, проговорил: «По коню и сбруя». Одновременно с мужем и супруга его поступила сначала в Орловский женский монастырь, а потом в апреле 1870 года перешла в Белевский Крестовоздвиженский монастырь, поближе к супругу, а главное, кажется, к старцу, скитоначальнику отцу Илариону, который был ее духовным отцом.

После роскошной светской жизни Александр Николаевич по возможности благодушно переносил лишения и трудности жизни монастырской. И первая для него трудность была оставить курение табаку. Но он, как сам сказывал, преодолел ее довольно легко. «Пред самым вступле-

нием в скит, — говорил он, — сел я пред его воротами на лавочку, выкурил две папиросы и этим навсегда закончил свое табачное удовольствие». И после того он остался очень равнодушным к табакокурению. Поначалу ходил он вместе со скитскими братьями в трапезу и похваливал скитскую пищу, приправленную конопляным маслом. Но скоро затем суровая постная пища оказалась не по нутру изнеженного с детства Александра Николаевича. Для него стали готовить пищу особо прислуживавшие ему люди несколько понежнее и повкуснее — суп, приправленный (подсолнечным) маслом, кисель овсяный и подобное. Для послужения же он имел при себе какого-либо мирского человека, которому платил жалованья рублей по десять в месяц. Но и при таком жалованьи люди у него часто менялись, потому что он был очень взыскателен и очень часто позывал их к себе, иногда по пустякам. Усердно посещал Александр Николаевич храм Божий и ходил в так называемую соборную келью на общее братское правило, где иногда даже, по назначению соборного иеромонаха, читал псалмы или канон дневной. С верою и послушанием относился к своему старцу и отцу духовному скитоначальнику отцу Илариону. Бывало, случится какое-либо монашеское искушение, например, обидит кто-либо Александра Николаевича словом, пойдет он к своему старцу и поведаст ему свое огорчение. «А ты, — скажет ему старец, — потерпи». — «Да не терпится, батюшка», — ответит огорченный. «Ну, понеси». — «Да и не несется». — «Ну, покати». — «Да и не катится». — «Ну так, — заключит старец, — не терпи, и не неси, и не кати». А волей-неволей, когда

*Келья старцев
в Иоанно-
Предтеченском
скиту. Фотогра-
фия. Начало XX
века*

оскорбили, и так нужно было терпеть. Не драться же в самом деле скитскому послушнику. Имел Александр Николаевич также искреннее расположение к старцу батюшке отцу Амвросию. И всегда он удивлялся благородству обоих старцев в обращении с почетными посетителями. «Ну, отец Амвросий, — скажет, бывало, — все-таки получил образование в семинарии, а батя-то, батя-то! (так называл он своего старца отца Илариона), ведь он в миру был портной и ни в какой школе не обучался никаким наукам, а какое благородство, какая сдержанность в манерах!» Так жизнь духовная облагораживает и самых простых необразованных людей, на удивление получившим даже хорошее воспитание и обрацавшимся в кругу интеллигентных людей! Оба старца, со своей стороны, очень любезно относились к Александру Николаевичу за его простоту и искреннюю откровенность. Бывало, посадят его вместе с собой рядом, каковой участи удостоивался только он один да, может быть, еще настоятель обители. После такого приема Александр Николаевич сознавался, что часто приходилось ему в свое время обращаться с графами и князьями, но ни перед кем из них он не конфузился и не стеснялся, а перед Оптинскими простыми старцами чувствовал большое стеснение и неловкость. Со всеми братьями, исключая редких и малозначительных случаев, вообще всегда был в мирных отношениях. Имел он обыкновение, по старой привычке, праздновать день своего Ангела. Но старец отец Иларион, отсекая волю послушника, запрещал ему звать к себе кого бы то ни было в гости, а угощать только тех, кто сам придет, думая, что без зова редко кто пойдет. И Александр Николаевич исполнял эту старческую заповедь — никого не звал, а вместо того, незадолго до своих именин, с кем бы он ни встретился из скитских братьев, каждому напоминал: «Я в такой-то день именинник. Слышишь? Попомни это». Таким образом, все скитяне в свое время и придут, бывало, к нему с поздрав-

лениями. У гостеприимного же хозяина всегда бывало при этом случае скромное угощение. И он очень бывал доволен и рад, что и заповедь старца — никого не звать в гости — исполнил, и братию угостил, и себе чрез это доставил удовольствие.

При тучности тела Александр Николаевич расположен был к водяной болезни, которая с каждым годом у него в скиту усиливалась и, наконец, в последний 1873-й год его жизни приняла разрушительный характер. Всегда он с боязнью встречал март месяц, говоря, что все его предки в этом месяце оканчивали жизнь. В последних числах января помянутого года он съездил в Белевский женский монастырь для свидания со своей, по-монашески, сестрой, бывшей супругой, простудился и заболел. По этому случаю 9 февраля принял келейно пострижение в мантию без перемены имени. После пострига он всех удивлял своим душевным устроением, ибо преисполнен был духовною радостью и умилением. Со смиренным чувством он вслух всех повторял: «О, что я чувствую теперь! Во всю мою жизнь, при разнообразных светских удовольствиях, никогда не ощущал я такой радости, как теперь! И кто я? И что я, что сподобил меня Господь такой великой милости?» Вообще после пострижения в нем произошла такая перемена, что знавшие прежнюю его жизнь с удивлением смотрели на него. Вскоре после пострига пришел навестить его настоятель обители отец игумен (впоследствии архимандрит) Исаакий и, видя его, объятого такой духовною радостью, спросил: «Отец Александр! Видно, у вас были какие-либо добрые дела, что Господь привел вас в монастырь так мирно окончить дни вашей жизни». Припоминая свои неисправности, отец Александр в укор себе ответил: «Конечно, были добрые дела — подавалась щедрая милостыня, но только не по закону. Велено творить милостыню так, чтобы шуйца* твоя не знала, что делает

* Шуйца — левая рука. — Примеч. ред.

десница, а я делал так, чтобы не только моя шуйца, но чтобы и все шуйцы знали».

12 февраля отец Александр был особорован святым елеем. Во время совершения Таинства, когда иеромонах отец Памво читал над главою его Святое Евангелие, он вдруг с испугом начал указывать пальцем в сторону на стоявшее около него кресло, ничего не говорил, а только издавал неопределенные звуки: «гм! гм!», давая тем разуместь около него стоявшим, что он что-то видит. После говорил, что ему представлялись сидевшие в кресле два курчавых мальчика. Соборовавшие поначалу несколько оторопели, но потом, оправившись, стали продолжать свое дело, и видение исчезло. В конце же соборования, когда раскрытое Евангелие по обычаю было возложено на голову болящего, открылось место со словами Господа: «Грядущаго ко Мне не изжену вон».

На первой неделе Великого поста, которая начиналась 20-м числом февраля, отец Александр, по причине усилившейся болезни уже не могший выходить из кельи для слушания церковных богослужений, изъявил желание, чтобы пришли к нему в келью певчие и пропели: «Да исправится молитва моя». Пришли трое — бас и два тенора и пропели. Поблагодарив за одолжение, он сказал: «Ну, теперь пропойте мне: „Со святыми упокой душу раба Твоего“», намекая тем на близость своей кончины. Когда же певчие, исполнив его желание, начали было облагодетельствовать его продолжением жизни, он сказал: «Нет, мне теперь уже более не топтать травы». Во все время болезни отец Александр часто сообщался Св. Христовых Тайн, а в последствие [последние] три дня своей жизни — и ежедневно. В самый день кончины сосед его, монах (а впоследствии архимандрит) Агапит, подошел к умирающему, дабы проститься с ним. «Простите меня, отец Александр, — сказал он, — в чем согрешил пред вами». Но так как сосед этот кое в чем

помогал ему, то отец Александр ответил: «Благодетеля-то моего? В чем же прощать-то?» Тот добавил: «Может быть, делом, или словом, или помышлением когда вас обидел?» — «Делом и словом, — сказал отец Александр, — это я понимаю, а помышлением — не понимаю, потому что [всегда] что думал, то и [высказывал], и в помышлении у меня уже ничего не оставалось». [Следовательно, был прямой человек.]

5 марта, в последний раз причастившись Св. Христовых Тайн, отец Александр мирно почил о Господе в час пополудни. День был понедельник третьей недели Великого поста. Тело покойника лежало в келье до третьего дня. Когда же стали класть его в гроб для выноса в церковь, ощутили под спиною его теплоту. Узнав о сем, старец батюшка отец Амвросий сказал, что это есть знак милости Божией к почившему. В среду после Преждеосвященной Литургии тело покойника было отпето и погребено на скитском кладбище, по его назначению, под ширококоразвесистой липой. В скиту он прожил три года и четыре месяца, а всей его жизни было 56 лет. Замечательно, что все поминовенные дни по отцу Александру приходились в Богородичные праздники: третий день (он же день погребения) 7 марта праздник Божией матери «Споручница грешных»; 9-й день 13 марта было празднование чтимой в скиту Феодоровской иконы Божией Матери. Собственно, отправлять службу в честь этой иконы положено 14 марта, но так как 14 марта приходилось в среду Крестопоклонную, то служба Божией Матери и отправлена была заранее, во вторник. 20 день приходился в Акафистову субботу и вместе предпразднество Благовещения, а 40 день в пятницу Светлой недели — праздник Божией Матери «Живоносный Источник».

Вскоре по кончине отца Александра супруга его Надежда Сергеевна видела замечательный сон. «Вижу, будто бы, — сказывала она, — едем мы с мужем в прекрасном

экипаже, запряженном тройкой великолепных рысаков. Кони мчатся птичьим полетом, а отец Александр только с важностью покрикивает: „Пошел! Пошел!“ Взглянула я на него, и вид его представился мне таким величественным, что я сказала: „О, что-то ты уж как царь какой!“ Он ответил: „Я не царь, а еду к Царю!“»

23.

Монах Иоанн

В мире Иван Алексеевич Скорняков, второй гильдии купеческий сын, города Великих Лук, Псковской губернии. Поступил в скит в число послушников 6 марта 1864 года от роду 20-ти лет. С декабря 1864 года отправлял в скиту должность главного повара. 3 марта 1866 года указом Духовной Консистории определен в число братства, а 14 августа того же года пострижен в рясофор. В октябре того же 1866 года уволен был от поварского послушания и помещен в келью бывшего до него садовника отца Николая Скрипкина (который впоследствии, будучи пострижен в мантию с именем Никодима, перешел в монастырь и там скончался). Занимался отец Иван в келье рукоделием токарным, искусно вытачивал солонки, подсвечники и подобные мелкие вещицы, которые относились им скитоначальнику, а этим последним раздавались в подарок почетным посетителям. В апреле 1867 года назначен в скиту садовником. В начале лета 1869 года открылись у него признаки чахотки. Между прочим пожелал он съездить на родину повидаться со своими братьями. Но не на радость для него было это свидание. Приехавши домой, он застал братьев своих во взаимной вражде, и как ни старался примирить их, не мог.

Так и уехал в скит с великой скорбью по причине немирствия братьев своих. Эта скорбь ускорила развитие чахотки у отца Ивана. Но он летом все-таки был на ногах и чувствовал себя довольно легко. Только лицо его было чрезмерно бело — прежнего легкого румянца в нем как не бывало — и несколько припухло. Почему братия в шутку называли его «отец Иван сдобный или мягкий». Иной брат, бывало, заметит ему: «О, Иван! Что-то ты плох становишься?» А отцу Ивану воображалось наоборот. Ответит бывало: «А мне думается, что я поправляюсь». Однако к осени болезнь у него так усилилась, что в сентябре 1869 года он переведен был из скита в монастырскую больницу (бывшую при Владимирской церкви). 3 февраля 1870 года он был там осoboрован святым елеем и келейно пострижен в мантию без перемены имени. Часто был напутствован Святыми Тайнами и, наконец, 26 марта, во втором часу пополудни, скончался мирно христианскою кончиною в четверг 5-й седмицы Великого поста. 28 марта в субботу Похвалы Богородицы пред обеднею тело его перенесено было из больницы в скитскую церковь и после Литургии, по совершении над ним обычного чина погребения, похоронено на скитском кладбище.

Спустя несколько времени после кончины отца Иоанна Скорнякова земляк его, тоже скитский монах рясофорный, отец Иоанн Побойнин, рассказывал следующее: «Сходивши однажды, по скитскому порядку, на утреннее правило и возвратившись в свою келью, я прилег на койку отдохнуть. Не успел я еще глаза сомкнуть, как слышу под дверью голос покойного отца Иоанна Скорнякова. Творит обычную молитву: „Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе

* Кутья — то же, что сочиво, коливо: поминальное блюдо из вареного зерна с изюмом, фруктами и медом. — *Примеч. ред.*

Христе Боже наш, помилуй нас!“ Отвечаю: „Аминь“. Голос продолжает: „Благословите войти“. Отвечаю: „Бог благословит“. Смотрю — отворяется дверь, и входит покойный отец Иоанн. Спрашиваю: „Отец Иоанн! Ведь ты умер?“ Отвечает: „Да, умер, но только телом“. Еще спрашиваю: „Ну, как тебе там?“ Отвечает: „Прежде было очень хорошо, а теперь похуже“. — „Как проходил ты мытарства?“ — „Милостию Божией счастливо. Но только за кутью* уже и трепали меня!“»

Это вот почему. Когда покойник был поваром, случалось нередко готовилась кутья к панихиде по ком-либо из братии или благодетелей. Кутья эта после того относилась к повару, который по окончании обеда и по возглашении вечной памяти усопшему обносил по всем братиям, которые обычно и вкушали понемногу. Отец Иван, как очень любивший кутью, старался по возможности оставлять для себя сравнительно в большом количестве. Если же кто из братий [опаздывал] прийти почему-либо в определенное время в трапезу и попросит, бывало, ложку кутьи помянуть покойника, отец Иван и совсем отказывал, скажет: «А где же ты, брат, был?» Вот за это-то и трепали душу его на мытарствах. Спрашивали некоторые из братий отца Ивана Побойнина: «Как же ты это видел — во сне или наяву?» Отвечал: «Сам не понимаю, наяву ли то было или во сне, но только так живо, что как будто я говорил с ним наяву».

24.

Монах Петр

В мире Петр Иванович Иванов. Родился в 1794 году. Пришедши в возраст, служил по военной части обер-аудитором* [6 пехотного корпуса]. По выслуге пенсии вышел в отставку в чин титулярного советника**. При воспоминании о своей мирской жизни Петр Иванович говорил, что жил весело. У всего служившего с ним офицерства было тогда в обычае, проснувшись по утрам, напиться чаю, не вставая с постели. Затем он рассказывал такой случай: «Разместили нас всех однажды по квартирам. Мне пришлось остановиться у некоего малоросса. Так как я хорошо играл на гитаре, то, настроивши свой музыкальный инструмент, и начал наигрывать веселую пьесу. Бывшая тут хозяйка дома слушала, слушала, да как пустится плясать. На этот грех вдруг растворяется дверь и входит хозяин. Обращается ко мне с грозными словами: „Ах ты, благородная собака! Вздумал мою жену соблазнять!“ — и лезет меня бить. Я так-сяк: „Что ты? Что ты? И не думал соблазнять твою жену!“ Уж едва-едва отвязался кое-как». Были в жизни и тяжелые случаи. Вспоминал Петр Иванович, как ему однажды во время военных действий пришлось очутиться под перекрестным огнем. «Ох, батюшка, страшно было», — заключал он свое воспоминание об этом. Между прочим, он встретился тут с солдатом, у которого конец носа был отрублен и висел на [останке] как на ниточке. Солдат стоял и плакал. Вдруг подходит к нему военный доктор и говорит: «Дай-ко я тебе нос-то пришью!». Немедленно достал иголку с ниткой и пришил. Впоследствии у него

* Обер-аудитор — должностное лицо в военных судах. — *Примеч. ред.*

** Титулярный советник — невысокий гражданский чин. Установлен в России «Табелью о рангах» 1722 г., чин IX класса. После Указа 1845 г. был первым чином, дававшим право на личное дворянство. Титуловался: «Ваше благородие». — *Примеч. ред.*

* Бранцкугель (брандскугель) — зажигательный снаряд корабельной артиллерии. Применялся с середины XVIII до второй половины XIX вв. — *Примеч.ред.*

нос и прирос к телу. Вспоминал также Петр Иванович, как русский солдат формирует по-своему иностранные слова. Например, был в то время генерал, фамилия Бистром, а солдаты все называли его Быстров. Или: бывала стрельба бранцкугелем*, а солдаты говорили: брянским уголем.

По выходе в отставку Петр Иванович был лет уже не молодых, ему перевалило за пятьдесят. Теперь, оглянувшись назад, и в своей жизни видя много сделанного им недолжного, а впереди неминуемость смерти и Страшного Суда Божия, он задумался: как быть и что творить? — «Купил я себе, — так сам он рассказывал, — книжку „Житие Саровского старца“, а в настоящее время преподобного Серафима. Пришел в гостиницу, попросил себе отдельную комнатку, велел подать чаю, а сам, между прочим, стал читать купленную мною книгу. Чтение так повлияло на мою грешную душу, всегда прежде бывшую в рассеянности, что слезы градом катились по щекам моим. Проходя мимо моей комнатки и видя меня плачущим, полове только пожимали плечами, недоумевая, отчего это барин плачет. Тут же и пришла мне благая мысль провести остаток своей жизни в святой обители». И вот с этой целью в 1846 году прибыл Петр Иванович в Оптину Пустынь, которая в то время была в полном расцвете жизни духовной. Но так как после развеселой жизни трудно было вдруг подчиниться строгим правилам монастырской жизни, то он и вздумал сначала поместиться с благословения отца настоятеля в номере монастырской гостиницы, где и прожил девять годов. Когда же он укрепился в духе и посвыкся с монастырской жизнью, тогда уже и поступил в скит на жительство. Это было в 1855 году 5 ноября, а в 1859 году он облечен был в рясофор. В рясофоре он проходил и до самой своей кончины, пото-

му что, привыкши давать себе в жизни некую ослабу, не мог отказаться от пенсии, а не отказавшись от пенсии, не мог, по церковным законам, пострижен быть в мантию. О чем старичок немало скорбел и иногда даже высказывался так: «Я бы, может быть, теперь уже был иеромонахом и благословлял, если бы не пенсия». Несмотря, впрочем, на это, отец Петр пользовался между скитскими братьями почетом. Его заставляли наряду с иеромонахами и с иеродиаконами во время праздничных бдений читать в церкви канон или положенное поучение. Послушание его было заведовать свечным ящиком. Вообще все братья любили его за простоту и любовное обращение. Когда он получал из казначейства пенсию, тогда покупал в городе хорошего чаю и баранок и по возвращении в скит угощал своих соседей по келье. Любил он иногда писать кое-какие мелкие статейки, которые и отсылал для напечатания или в «Странник», или в «Душеполезное Чтение». Это было в продолжение пятидесятих и шестидесятих годов прошлого века. Но так как в этих статейках отец Петр описывал некоторые обстоятельства по своему личному взгляду и потому не совсем правильно, то статейки его вследствие этого не всем нравились. В особенности восставал против них одновременно с ним живший в скиту рясофорный монах отец Константин (впоследствии иеромонах Климент) Зедергольм. По кончине отца Петра остались две объемистые рукописи — выписки из творений святых Отцов, — которые теперь хранятся в скитской библиотеке.

Вот что еще интересно. При жизни отец Петр коротко был знаком с жившим в монастыре тоже рясофорным монахом отцом Павлом Моисеевичем, который тоже был в военной службе и вышел в отставку с чином майора. Этот последний передал отцу Петру следующий рассказ:

«Пришла мне, — говорил он, — мысль помолиться Богу, чтобы Он мне открыл, в каком положении находится душа Императора французов Наполеона I. И по времени я увидел Наполеона (неизвестно только — наяву или во сне) в виде лягушки». [Вот как ценится у Бога земная слава и величие человеческое! Еже есть в человеках высоко, мерзость есть пред Богом (Лк. 16, 15).]

До осени 1860 года, пока старец Макарий был жив, отец Петр пользовался его советами и наставлениями и после всегда вспоминал о нем с великою любовью и глубокопочитанием. «Бывало, — сказывал отец Петр, — стою в церкви. Туча смущающих помыслов найдет на грешную мою душу. Старец заметит это, сам подойдет ко мне, благословит, укажет на какую-либо святую икону и скажет: „Вон молись такому-то угоднику Божию“. И тотчас рассеется мое смущение и благодатный мир водворится в душе моей». Этот великий старец до тонкости знал, с кем и как обращаться, и умел соединять строгость со снисходительностью. Издавна соблюдалось в скиту старческое правило — пить чай по три чашки средней величины, — не больше. Вот пришел к нему однажды отец Петр и просит разрешить ему пить по четвертой, а то трех для него недостаточно.

«Нет, нет, — положительно сказал ему старец, — по три, по три пей». Однако, уступая его просьбе и немощи естества, прибавил в утешение его: «А ты как будешь в чашку наливать чай-то, возьми да и перелей несколько на блюдце». А все-таки счет чашек не должно было терять. Таковыми, по-видимому, незначительными случаями старец обучал учеников своих отсекал свою волю, ибо для души ничто не проходит бесследно, но укрепляет ее в навыках или добрых или худых. [Верный в малом и во многом будет верен. Все начинается с малого.]

20 июня 1864 года отец Петр отправился было на богомолье, но 30 июля возвратился в скит. В Тихвине Новгородской губернии испугал его слух о сибирской язве. С 1 октября 1867 года он сделался нездоров. В это время ему привиделось во сне, будто он собирается ехать в город Землянк Воронежской губернии, где давно, может быть лет 30 тому назад, ему приходилось квартировать вместе с солдатами. Проснувшись, он понял, в какой Землянк настало для него время ехать. Это общий для всех погост. Собравшись с силами, он сходил к старцу батюшке отцу Амвросию для объяснения и с тех пор стал готовиться к смерти. Все свои черновые бумаги пожег в печке. Затем все более и более стал чувствовать ослабление сил телесных, но боли никакой не чувствовал. Принял келейно постриг в мантию, был напутствован всеми Святыми Таинствами и, наконец, 12 декабря в 8 часов утра скончался мирно христианскою кончиною 73 лет от роду. Того же числа вечером был вынос тела его из кельи в церковь. 13 числа была в скиту своя вечерня, а после нее служилась панихида над телом почившего. 14-го была заупокойная утренняя и Литургия, после которой совершал погребение настоятель обители отец игумен Исаакий со скитона начальником иеромонахом отцом Иларионом и монастырским духовником иеромонахом Пименом. После погребения все скитские братия в келлиях скитона начальника угощались с [чаем при] искреннем благожелании, да упокоит Господь душу [новопреставленного] монаха Петра в вечных обителях!

25.

Монах Димитрий

В мире Дмитрий Алексеевич Алексеев, из козельских мещан, был холост. Поступил в Оптину Пустынь в марте 1853 года и в том же году вскоре переведен был в скит. Определен в число братства в 1857 году 16 марта, 24 июля пострижен в рясофор. Послушание его было на пасеке ходить за пчелами. Был он крепкого телосложения и отличался трудолюбием. Но осенью 1862 года открылась у него чахотка, которая, как полагали, усиливалась у него от тяжелых подъемов и дошла до такой сильной степени, что весной 1863 года никак не думали, чтобы он дожил до лета. Однако жизнь его протянулась еще на год. Отличался прямою характера и твердостью духа, так как в продолжение болезни от него почти не было слышно и стога. Долго он не мог убедиться, что ему мало осталось жить. Наконец 30 января 1864 года привезена была в Оптину Пустынь чудотворная Калужская икона Божией Матери. Помолившись пред нею, отец Димитрий приложился к ней, и Господь, по молитвам Пречистой Своей Матери, дал ему почувствовать близость кончины. С того же дня он стал ожидать смерти, умиленно простился со всеми и до последнего времени сохранил спокойствие духа. Скончался 29 марта 1864 года с христианским и монашеским напутствием.

26.

Послушник Михаил

По фамилии Бакин, из орловских мещан. По выходе из мира, в молодых летах, пожил сначала в Площанской пустыни, потом в Белых Берегах и, наконец, в 1826 году поступил в Оптинский скит, где прожил всего только два месяца. Был болен 40 дней лихорадкой и 18 июня помянутого года преставился ко Господу. От роду ему было 26 лет.

27.

Монах Нифонт

Родом из мещан города Карачева Орловской губернии. Сначала проводил жизнь [монашескую] по разным обителям, потом в Рославльских лесах Смоленской губернии с подвизавшимися там старцами, наконец поступил в Оптинский скит, где прожил только пять месяцев. Был болен 70 дней и 14 мая 1826 года преставился ко Господу. Это был, с основания скита, первый покойник, обновивший скитское кладбище. От роду ему было 47 лет. Неизвестно, где был пострижен в мантию.

28.

Монах Досифей

Родом из однодворцев* Драгунской слободы, города Карачева, Орловской губернии. Первоначально жил в Площанской пустыни, где и пострижен в монашество, потом лет 40

* Однодворцы — потомки служилых людей, охранявших южные границы Российской империи в XVII-XVIII вв. За службу получали землю, распределение которой проводилось по подворному, а не по подушному принципу. — *Примеч. ред.*

проходил пустынное подвижничество в Рославльских лесах Смоленской губернии со старцами Варнавою, Никитою, Иаковом, Василиском, Зосимою, Андрианом, Афанасием, Арсением и другими. Здесь же жил и послушник Тимофей, вскоре затем настоятель Оптиной Пустыни отец Моисей. Отец Досифей прибыл в Оптину в октябре 1827 года и с радостью и честью принят был отцом Моисеем, как старец своим учеником, и помещен на жительство в скиту. Отличительными свойствами сего старца были особенная простота и младенческое незлобие.

За несколько времени до кончины старца сего был достойный внимания и памяти случай. Супруга Крапивенского помещика (Тульской губернии) А. С. Воейкова, женщина еще молодых лет, была в сильной горячке. Все пособия врачей оказались недействительными. Испуганный супруг и родственники, отчаявшись в выздоровлении больной, могли только ожидать скорой ее кончины. Вдруг она, как казалось им, поговоривши с кем-то тихо, встала с постели и спросила: «Где же монах, который сейчас приходил ко мне?» Когда же уверили ее с клятвою, что никто не приходил и они никого не видали, в ту минуту больная почувствовала облегчение от болезни и сказала, что приходивший говорил ей следующее: «Что ты лежишь? Вставай и приезжай в Оптину Пустынь служить молебен, а я на твое место лягу, — так Бог ве-

лел». В несколько дней после этого больная выздоровела совершенно, и, как только позволили ей силы, поехала с мужем в Оптину Пустынь воздать благодарение Господу Богу за выздоровление. По приезде же, выйдя из экипажа, они пошли по тропинке, ведущей к скиту. На этот раз все братия, как монастырские, так и скитские, были на общем послушании — убирали покос. Оставался в скиту один только старец Досифей. Прохаживаясь за воротами по лесу, он встретился с приезжими, с простодушным приветствием ввел их в скит и показывал им внутреннее его расположение. Встреча с отцом Досифеем поразила бывшую больную. Она смотрела на старца с благоговейной радостью и, едва скрывая это чувство, тихо сказала своему мужу: «Этот монах видом и простотою беседы разительно походит на являвшегося мне в болезни». Вскоре после этого отец Досифей, немного поболевав, тихо скончался на 75 году от роду, из коих 50 лет провел в монашестве. Кончина его последовала 22 декабря 1828 года. (Из исторического описания Оптинского скита.)

29.

Монах Стефан

Рясофорный, поступил в скит в 1829 году, родом Вологодской губернии Грязовецкого уезда, из экономических крестьян. Болел лихорадкою полтора месяца. В скиту жил два года с небольшим. Скончался в надежде жизни вечной 14 июля 1831 года. Всех лет ему от роду было 67.

30.

Монах Сергей

Поступил в скит в 1825 году. Из причетников села Брыни [Жиздринского уезда Калужской губернии], двоюродный брат Оптинского приснопамятного схимонаха Иоанникия, который еще до основания скита немалое время жил и подвизался на этом месте в уединенной келлии с двумя монахами Мисаилом и Феофаном. По единогласному свидетельству современников, старец Иоанникий украшен был всеми монашескими добродетелями. Его кротость, смирение, братолюбие и беспрекословное послушание настоятелю были образцом спасительной жизни для всех братий Оптиной Пустыни. Корпусок, в котором жил отец Иоанникий*, и теперь в скиту существует, но только внутренность его перестроена. Стоит он возле сажалки, вблизи пасеки.

Описываемый монах Сергей по возможности старался подражать жительству своего двоюродного брата. Послушание его было ходить за пчелами. Вместе с тем он был весьма усерден и способен к церковному чтению и пению. Был пострижен в мантию. Прожил в скиту пять лет с половиною и преставился о Господе в жизнь вечную 1 сентября 1830 года, имея от роду 65 годов.

* Схимонах Иоанникий скончался в 1815 году и тело его погребено в монастыре, так как скита в то время еще не было. — *Примеч. в рукописи.*

31.

Монах Макарий

В мире Марк Евдокимович Дехтярев, из московских купцов. Поступил в скит в 1832 году, где и прожил четыре года. Был пострижен в мантию и, поболев 9 месяцев, скончался о Господе 8 июня 1832 года. От роду ему было, как значится в скитской летописи, 76 лет, а по надгробной надписи 78. Вечная ему память!

32.

Послушник Георгий

Родом из московских мещан, поступил в скит в 1831 году, где и прожил два года с половиною. Под 24 число декабря 1833 года у него обнаружили признаки холеры, которая быстро развилась, так что 24 числа он был уже покойник. От роду ему было 24 года.

33.

Монах Савватий

Из дворовых людей. Первоначально жил несколько времени в Рославльских пустынных лесах Смоленской губернии, вместе с вышеупомянутым монахом Досифеем (№28) и другими пустынниками. В 1821 году, когда живший в тех же Рославльских лесах монах Моисей (впослед-

ствии Оптинский настоятель) с родным своим братом Антонием (впоследствии скитона начальником), привлеченные любовью Калужского епископа Филарета (впоследствии митрополита Киевского), прибыли в Оптину Пустынь для устройства при ней скита, прибыл вместе с ними и отец монах Савватий, который был некоторое время у скитона начальника отца Антония келейником. [Под 24 число 1833 года] заболел он холерою и в тот же день, т. е. 24 декабря 1833 года, преставился ко Господу из жизни сей временной, прожив в скиту 12 лет с лишним. А всей его жизни было 52 года.

34.

Рясофорный монах Павел

Павел Петрович Тамбовцев, уроженец Курской губернии, города Белгорода, сын богатого купца. Поступил в скит в 1829 году, где, вероятно, года через три или четыре пострижен был в рясофор. Воспитание получил, судя по его природным способностям, весьма недостаточное, но образовал себя прилежным чтением Священного Писания и отеческих книг, а более всего советами и увещаниями известного в то время Оптинского великого старца иеросхимонаха Леонида, занимаясь притом перепискою творений святых Отцов-аскетов и временно, по диктовке старца, пиша ответы к многочисленным его духовным детям. На все свои недоумения отец Павел испрашивал разрешения у богомудрого старца отца Леонида, и старец всегда отвечал на них с отличавшими его пред всеми ясностью и опытностью. Эти «Вопросы ученика и ответы старца», записанные отцом Павлом, помещены в «Жизнеописании

Оптинского старца Леонида (в схиме Льва)», издаваемом Оптиной Пустынью. Отец Павел Тамбовцев был одним из пламенных и ревностных воспитанников старца Леонида, ловивший из уст его капли благодати, сохранивший их в горячем своем сердце и передавший их своим языком несколько восторженно. Но иначе объясняться он и не мог по восторженному настроению своего ума. Кратка была жизнь сего юноши, которую окончил он на 26 году от рождения, если не в победе над всеми страстями, по крайней мере, в борьбе с ними, низложенный на смертный одр величайшим для него несчастьем. Отец его, которого он любил и уважал чрезмерно, сделался самоубийцею. Для него, верующего христианина, что могло быть страшнее мысли, что погибла навсегда душа, ближайшая к нему? Это помышление, повсюду преследуя юного страдальца, было выше его сил. Сначала он впал в меланхолию от борения духа, потом огонь душевный воспламенил внутренность, и горячка прервала дни его.

Незадолго до кончины отец Павел видел страшный сон, по пробуждении от которого, в первом часу пополуночи, он немедленно отправился для объяснения к старцу Леониду, у которого прием был во всякое время дня и ночи. Разбудив старца, отец Павел сначала спросил: должно ли верить снам? Но получив отрицательный ответ, он начал говорить так: «Что же значит виденный мною сон и заключает ли он в себе что-либо достойное вероятия? Может быть, он и не заслуживает внимания, но я обязан открыть его старцу.

— Вижу я внезапный и мгновенный свет столь лучезарный, что он много превышал свет солнечный. Из этого лучезарного сияния выходил голос громкий и нежный, приказывавший как бы подчиненным существам: „Возьмите его (т. е. меня) на крест!“ С сими словами (не знаю кто) меня взяли и, обнажив одежды, повлекли как бы умствен-

но на крест, который мне живо представлялся и, казалось мне, был сделан из приятного желтого строевого дерева, достаточный, чтобы меня на оном крестообразно распростерть. Но кто со мною так поступал? Смотря на все стороны, ничего другого не мог я приметить, как только шум и самую скорую деятельность. Когда меня подняли на крест, то действующие говорили тихо, но внятно: „Подавайте гвозди!“ Предложены были четыре гвоздя, каждый не менее как в четверть аршина; и тогда начали мне прибивать правую руку одним из них ко кресту. Здесь я ощущал величайшую боль, хотя и желал в душе своей быть распятым. Имея такие желания сердца, от боли я, однако, поколебался в духе и едва не выразил голосом ощущаемое страдание, но с помощью Божией, не знаю, как-то удержался. Когда же мне вонзен был гвоздь, то спустя несколько минут я почувствовал облегчение боли и потом уже почти не ощущал ее. Затем подали другой гвоздь, подобный первому, и начали вбивать его в левую мою руку. Здесь хотя я и ощущал боль, только несравненно легчайшую первой. Подали третий гвоздь, которым назначено было прибить к кресту правую мою ногу. Видя, как этот гвоздь был устремлен на меня, я поколебался в духе и хотел воскликнуть: „Помилуйте!“ Но, будучи удержан изнеможением собственного духа, ощутив свой недостаток в терпении, за коим, однако же, следовало в сердце большее первого желание претерпеть, я обратился умом своим к Всемогущему Богу, имея в душе неизъяснимую уверенность в том, что Он мне поможет. С такою надеждою я мысленно просил Бога о укреплении: трепетал, желал претерпеть и боялся неустойки, сообразной слабости непостоянного моего духа. Но, действительно, Милосердный Господь хотя и дал мне ощутить ужасную болезнь во всем моем составе, но по милосердию Своему удивительно укрепил меня. Вонзили гвоздь. В духе я весьма ослабел, однако же, невольно вы-

несши боль, я скоро начал чувствовать облегчение, потом умеренную болезнь, или лучше одну слабость. Подали четвертый гвоздь и с необыкновенным стремлением вонзили мне в левую ногу, так что я не успел ни вообразить, ни подумать что-либо. Полагаю, это от ощущаемой слабости. Но боль в то время была средняя; так что, казалось, можно бы стерпеть. Несколько времени спустя возгремел от Превыспреннего Света вторично громкий голос, гораздо яснее первого, но все сопровождаемый духом любви, нежности и благоволения: „Вонзите ему (как бы указуя на меня духовным перстом) в самое сердце гвоздь!“ Услышав такое определение и зная свою слабость, я крайне возмущился. Решительность моя поколебалась. Тучи страшных мыслей отяготели надо мною. Мое сердце то горело желанием, то приходило от страха в оцепенение. Наконец решительность посвятить себя на претерпение взяла перевес. Все смутные мысли рассеялись, и ум мой воспарил к Богу с молитвой о помощи. После сего, как бы ощутив в своем сердце обещание от Господа подать мне помощь, с некоторым трепетом, но вместе с любовью и признательностью к сильному имени Сердцеведца, Который болий есть сердца и весть вся*, приготовился выдержать действие страшного приговора, излетевшего из недр невидимого гласа. (Все это делалось так скоро, что нужно более времени не только описать, но и пересказать словами.) Подали пятый гвоздь, который прямо приближался против моего сердца. Судя по величине, он мог насквозь пронзить меня и, кажется, еще осталось бы с обеих сторон более полуаршина. Пока еще гвоздь приближался к моей груди, я находился готовым в надежде на силу Божескую, а как только совершенно приблизился, то я вдруг изменил свое намерение и хотел было воскликнуть: „Помилуйте! За что же?“ Мне казалось,

* Ср.: 1 Ин. 3, 20.

что как только исполнится определение, то я лишуся жизни от безмерной болезни. Начали забивать гвоздь против самого сердца как будто молотками. Я почувствовал необыкновенную, столь нестерпимую боль, что дух мой был сражен совершенно. Душа, как будто собрав в себя пораженные слабые силы, оставила меня без чувств на кресте и, излетев из тела, держама была несколько минут каким-то невидимым и неизъяснимым существом. Глаза мои помертвели и закатились, голова склонилась, не упомяну, на которую сторону.

Ужасное было зрелище! Душа моя была во мне, но, казалось, вне тела. Вскоре, впрочем, начало мне и казаться, что я только чрезмерно изнемог, но душа моя во мне. Болезнь стала умеряться, и вдруг не стало слышно и следов ее. Мгновенно открылись мои глаза, но я более ничего не ощущал, кроме того, что я на кресте. Но сердце мое бедное восхищено было и преисполнено толикою сладостью, что того неизобразимого веселия ни тысяча великих умов, ни сам я, испытавший, выразить не в состоянии. Сладость эта, думаю, есть чаша предложения сладостей премирных от Пресладкого Мировправителя, Господа нашего Иисуса Христа. Ему только свойственно иметь такого рода стамну манны* и по непостижимой тайне милосердия Его даровать смертным. Но что я начинаю говорить, безумный, о том, что выразить всей жизни моей недостаточно! Простите! Возвеселилось сердце мое неизреченно; и тогда пламенеющие в мирном духе глаза мои опустились вниз. Я видел себя всего в крови, пригвожденного на кресте. Сладость восхитила мой дух. В сердце остались следы какого-то изумления, которое меня и пробудило от сна. Теперь первый час после полуночи. Вот я пришел немедленно к вам. Удивляюсь, недоумеваю, радуюсь и ужасаюсь. Трепетает сердце мое без боязни от следов сладости и удивления. Скажите мне: что значит этот необыкновенный сон?»

* Стамна манны — золотой сосуд с манною (Евр. 9, 4), поставленный перед ковчегом в скинии (Исх. 16, 32—34). — Примеч. ред.

Старец отвечал: «Преподобный Варсонофий Великий пишет, что Самого Иисуса Христа, Господа, Ангела и другое лицо бесы могут представить не только во сне, но и наяву: обыче бо сатана преобразатися во ангела светла. Но креста Господня, на силу которого, как поет Святая Церковь, диавол не смеет взирати, трепещет бо и трясется, не могый взирати на силу его, — он представить не может. Итак, крест, виденный тобою во сне, предзнаменует величайшую какую-либо скорбь, а сладость — заступление. Чем ты готовее будешь, тем и легче можешь переносить; яко уготовихся и не смутихся*, — восклицает святой Давид. Если же [бы] ты поколебался в скорби, держись правила: смутихся, и не глаголах. Если же скорбь твоя [будет] безмерна, помни следующее: терпя, потерпех Господа, и внят ми** Убо воля Господня да будет! Иди, не беспокойся! Верен Бог!» Спустя несколько дней после виденного сна, известясь о несчастной насильственной кончине отца своего [моего], я спросил старца: «Я чувствую, что сон мой был предвестник настоящей неизгладимой скорби, хотя относить его к сему предмету не смею. Несчастлива кончина моего родителя есть для меня тяжкий крест, виденный мною. Да, я нахожусь теперь на кресте, которого болезни пойдут со мною во гроб. Воображая об ужасной для грешников вечности, в которой нет уже покаяния, я мучуся представлением вечных мучений, которые ожидают моего родителя, без покаяния умершего. Скажи, отче, чем я могу утешить себя в настоящей горести?» — «Вручай, — ответил старец, — как себя, так и участь родителя воле Господней. Не испытывай Вышняго судеб. Тщися смиренномудрием укреплять себя в пределах умеренной печали. Молись Преподобному Создателю, исполняя тем долг любви

* Пс. 118, 60.

** Пс. 39, 2.

и сыновней обязанности». — «Но каким образом молиться о таковых?» — «По духу добродетельных и мудрых так: „Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего; аще возможно есть, помилуй! Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне во грех сей молитвы моей. Но да будет святая воля Твоя!“» Молись же просто, без испытания, предавая сердце твое в десницу Вышнего. Конечно, не было воли Божией на столь горестную кончину родителя твоего; но ныне он в воле Могущего и душу и тело ввергнуть в пещь огненную; и Который смиряет и высит, мертвит и живит, низводит во ад и возводит. При том Он столь милосерд, всемогущ и любвеобилен, что благие качества всех земнородных пред Его высочайшею благодатью — ничто. Для сего ты не должен чрезмерно печалиться. Ты скажешь: „Я люблю моего родителя, почему и скорблю неутешно“. Справедливо. Но Бог без сравнения более, чем ты, любил и любит его. Значит, тебе остается предоставить вечную участь родителя твоего благодати и милосердию Бога, Который, если соизволит помиловать, то кто может противиться Ему?» Кроме описанного сна, который был предвестником страданий отца Павла, замечательно еще бывшее ему видение. В скиту Оптиной Пустыни, по установленному чиноположению, денно и ночью* отправляется в церкви чтение Псалтири ради поминовения о упокоении усопших и о здравии живых благодетелей. Отец Павел читал полуночную чреду. И когда начал он поминать усопших и творить положенные поклоны, увидел в конце правого клироса (в Предтеченской церкви) собственное подобие. Он долго смотрел на это явление; наконец решился подойти к клиросу; но лишь только дошел до него, видение исчезло, а его объял страх. Отец Павел немедленно вышел из церкви, запер ее, пошел к старцу и, разбудив его, передал

* Денно и ночью — круглосуточно. — *Примеч. ред.*

* Подчеркнуто в рукописи. — *Примеч. ред.*

ему виденное. Отец Леонид успокоил его и послал доканчивать свою черду.

Отец Павел скончался во время совершаемого над ним Таинства елеосвящения, в твердой памяти. Быстро смотрел он наверх и обращал взор свой по сторонам на воздухе, закрывал глаза, содрогался и опять смотрел со вниманием на предмет, которого никто не видел. Только всем заметно было, что он видел врагов своей души, которые возмущали ее в страшный час ее исхода. Потом, смежив очи, он перекрестился, вздохнул, и жизнь его угасла. В сей день он был исповедан и сообщен Св. Христовых Тайн. Кончина его последовала 4 августа 1835 года.

35.

Монах Стефан

Родом из мещан города Козельска, живописец, был пострижен в рясофор. Пред смертью он был тревожим бесовскими привидениями и потому просил старца отца Леонида навестить его. Старец исполнил его желание, был у одра больного, утешал его духовною беседою и укреплял надеждою на помощь и заступление Божие. Отец Стефан скончался в преклонных летах 29 февраля 1836 года, прожив на свете свыше 80 годов.

36.

Послушник Иоанн

В скитской летописи о нем имеются следующие сведения: «18 ноября 1834 года умер в скиту работник Иван, крестьянин села Верхних Прысков, 50-ти лет; два года работал в скиту, был добрый и тихий человек, погребен в скиту». Вероятно, за доброту и кротость скитяне включили своего рабочего покойника в число послушников. Да упокоит Милосердный Господь душу его в селениях праведных!

Третий ряд могил идет от юга к северу.

37.

Иеромонах Вассиан

Родом был из экономических крестьян одного из селений, близких к Московскому Пешношскому монастырю. Еще в юношеских летах, часто посещая сию обитель и научившись в ней грамоте, чтению и пению, он получил вместе и первые семена стремления к жизни иноческой. Обителью Пешношскую управлял в то время опытный старец Максим (1819—1836), о котором отец Вассиан сохранил самые светлые воспоминания. Вступление в монашество соединено было для него со многими препятствиями со стороны родителей, но, при помощи Божией, они все устранились. Начало монашеской жизни отец Вассиан полагал в Пешношском монастыре, но затем перешел в Тро-

ицкую Сергиеву Лавру, где в 1826 году и пострижен был в мантию. Впоследствии же из Лавры перешел в Московский Данилов монастырь. По влечению своему к пустынной жизни он не мог удовлетвориться и в этой штатной обители; и, приехав однажды на богомолье в Оптину Пустынь, пленился ее местоположением, чином и любовью старцев и всего братства, с которою принят был в обители. С тех пор он почти ежегодно стал навещать ее и гостить по несколько недель, а в 1853 году и совсем переместился в здешний скит на постоянное жительство. Отец Вассиан был нрава миролюбивого, имел прямой характер и горячую ревность к добру; любил правду, видя в ней открытую книгу к познанию премудрости и благодати Божией. Будучи человеком, не получившим образования научного, он основательностью своих суждений и взглядов на вещи мог служить примером того, как вырабатываются люди в монашеской жизни, если с самого своего в оную вступления получают правильное направление. Скончался отец Вассиан после трудной девятимесячной болезни — рака, которую переносил с христианским благодушием, часто укрепляясь в духе приобщением Св. Христовых Тайн, коего сподобился и накануне мирной своей кончины, последовавшей 1859 года 28 мая в половине 12 часа дня на 54 году от рождения.

38.

Послушник Пармен

В скитской летописи под 17 числом июля 1856 года написано о нем следующее: «Среда. Сего числа в 5-м часу пополудни скончался скитский послушник Пармен Денисьевич

Феодоров на 21 году от рождения. Родом из мещан города Епифани Тульской губернии. Отец его Денис, Ефимов сын, Феодоров, торговал в уезде скотом, медом, воском. Кроме Пармена у старика было три дочери. Одна из них умерла прошлою зимою, а две — проводили жизнь в келейке на городском кладбище. У старика составилась маленький капиталец, нажитый трудами, и два дома. Пармен поступил в скит на жительство в 1853 году и, побыв несколько времени на послушании в кухне, взят был в келейники к старцу Макарию. Был простодушен и незлобив. Возвратясь от господ Киреевских, куда ездил со старцем Макарием совершенно здоровым, он через день или два заболел. Вскоре болезнь его приняла серьезный характер: то была горячка в сильной степени. Три дня пролежал он в бреду, не принимая никакой пищи. Во вторник 16 числа в 10 часов вечера после глухой исповеди (как значится под 16 числом) удостоился причаститься Святых Тайн — Тела и Крови Христовых. В минуту причащения пришел в себя и проглотил Святую Частицу, а потом опять забылся и проговорил: «Поеду домой!» В среду на 9 день болезни положение больного не улучшилось и не подавало надежды на выздоровление. В 4-м часу его оособоровали, а в 5-м он мирно почил о Господе. Бред его во время болезни явно обнаруживал детское состояние души его. «Пармен умрет, — говорил он между прочим, — будут жалеть: батюшка (старец Макарий), отец Иларион (старший келейник), монахини». В пятницу, в день святого пророка Илии, после обедни, тело усопшего предано было земле на скитском кладбище, неподалеку от другого юного послушника, почившего в 1855 году, Владимира Кавелина, который особенно дружелюбно прощался с ним во время своей предсмертной болезни, как бы намекая тем на скорое свидание за гробом. Прожил Пармен в скиту три года. Безутешно плакал на погребении старик, Парменов отец, который вслед за сыном пришел в Оптину

Пустынь и поместился на жительство в монастыре. Устроив свои домашние дела, он думал, что вот сын закроет ему глаза. «А пока, — говорил он, — буду жить да утешаться его сопребыванием». Но Бог судил иначе, и старику отцу пришлось пережить юного сына. За несколько дней до его кончины старик видел во сне, будто лежит он на печи, а близ нее роют какой-то погреб. «На что это?» — спросил с удивлением старик у роющих. — «Да так надо», — отвечали ему. «Когда же, — сказывал после старик, — услышал я о болезни сына, то сердце-вещун тотчас подсказало мне, что сон этот недаром мне приснился. Вот что значит: так надо! — подумал я. — Что делать! Буди Его святая воля! И мне недолго проскрипеть. Жаль старухи и дочерей, их одолеет горе», — твердил неутешный старик, едва оправившийся от трудной физической болезни и вновь пораженный горем душевным.

Но судьбы Господни неисповедимы. Человек предполагает, а Бог располагает. Немалое время пришлось проскрипеть старику после кончины своего сына. Каждый год в день его памяти он приходил из монастыря в скит и просил послужить по сыне своем панихиду, во время которой усердно-усердно молился о упокоении его души в Царствии Небесном. Сам же старец жил всегда в монастыре, там и скончался, там и погребен на новом кладбище. Могила его накрыта большой чугунной плитой с надписью, из которой видно, что монах Дионисий прожил в обители после сына лет 26, имея от роду 90 годов. Мир и покой вечный добрым сыну и отцу!

39.

Монах Андрей

Андрей Феодотович Сланский, сын священника села Слинского, Тамбовской губернии, Лебедянского уезда, родился в 1795 году, поступил на службу в 1814 году в Тамбовскую Духовную Консисторию, отсюда в 1822 году определен повытчиком (вернее сказать — поведчиком) в Шацкое духовное правление. Оттуда переведен, по распоряжению начальства, в Липецкое духовное правление в ту же должность, которая затем переименована в должность столоначальника*. В 1839 году Андрей Феодотович переведен был опять в Тамбовскую Духовную Консисторию, а из оной в 1840 году, по прошению, уволен в отставку с чином титулярного советника. В том же 1840 году он поступил на службу в Тамбовскую Казенную Палату** помощником контролера, потом был контролером и в 1846 году получил чин коллежского асессора, который в то время давал право на дворянство. Был женат и имел двух сыновей, которые служили в военной службе офицерами; но последующая их участь неизвестна, их потеряли из виду даже и родители их. В 1848 году в июле, лишившись супруги, Андрей Феодотович вышел в отставку с полупенсией. Потерю своей подруги жизни он так был опечален, что почти постоянно у себя в квартире читал Псалтирь, молясь со слезами о упокоении души своей дорогой покойницы. Наконец, в ноябре того же 1848 года прибыл в Оптину Пустынь и сначала поместился на жительство в монастыре, но, прожив там около трех лет, перешел 7 сентября 1851 года в уединенный скит, где незадолго перед тем поместился, так же переведенный из монастыря, его родной племянник, бывший учителем Липецкого духов-

* Столоначальник — с 1811 по 1917 гг. должностное лицо, возглавлявшее так называемый стол, структурную часть центральных и местных государственных учреждений в России. — *Примеч. ред.*

** Казенная палата — губернский орган Министерства финансов в Российской империи в 1775—1917 гг. Ведала сбором налогов, государственным имуществом, податными делами, откупами и другими финансовыми делами. — *Примеч. ред.*

ного училища — Павел Степанович Покровский [(впоследствии иеромонах Платон)]. Андрей Феодотович занял в скиту на пасеке ту самую келью, в которой несколько лет тому назад жил покойный старец, иеромонах Леонид (в схиме Лев). Он был нрава кроткого и молчаливого и был очень трудолюбив. В то время все скитские братия отапливались своими дровами, которые потому и дозволялось каждому брату собирать в [лесу], окружающем скит, конечно, уже поломанные сухие ветви, или выкапывать пни. Имея от природы хорошее здоровье и крепкие телесные силы, Андрей Феодотович, бывало, скажет Павлу Степановичу: «Ну, племянник, пойдем в лес трудиться!». Пойдут. Андрей Феодотович, не жалея себя, начнет выворачивать огромные пни, приглашая к трудам и компаньона. А тот, боясь надорваться, несколько пожелывал себя; сам тоже приговаривает: «Ну-ну!», а тянет не во всю мочь. Следствием же этих неразумных трудов было то, что дядя нажил себе огромную грыжу, да и племянник был в той же опасности, от которой спасла его, хотя и не совсем похвальная, хитрость. Затем Андрей Феодотович был очень усерден к службам Божиим и вообще к молитве. В скиту издавна заведено денно-нощное чтение Псалтири по живым и умершим, своим братиям и благодетелям. В летнее покосное время, когда все могущие скитяне уходят трудиться на покос, Андрей Феодотович по старости лет не ходил на это послушание, а вместо того читал Псалтирь и за себя и за других братий, так что ему приходилось иногда читать сряду чреды по две и по три, т. е. часа четыре или даже шесть. И он так любил это чтение, что, по окончании своей чреды, идя в свою келью, если по дороге встретит какого-либо брата, то даже сам, [бывало], напрашивается за него читать. Скажет: «Что? Что? Ай, Псалтирик почитать за тебя?» По словам скитского летописца, Андрей Феодотович «был внимателен к своей жизни и во всем подавал

собою добрый пример старца, помнившего, что он пришел в вертоград иноческой жизни уже в единонадесятый час, и потому усиленно трудившегося, дабы удостоиться мзды, подвижающихся от первого часа дня». Пять с небольшим годов прожил Андрей Феодотович в скиту и в это время пострижен был в рясофор. По его крепкому здоровью нельзя было ожидать близкой его кончины, которая последовала более от его неосмотрительности. Причиною было моче-задержание. В назначенные сроки он обыкновенно ездил в город Козельск в казначейство за получением положенной ему пенсии. И вот однажды поехал он без кучера, а лошадь была бойкая, и потому дорогою туда и оттуда неудобно было остановиться для естественной потребности, а в городе везде народ. Так он и терпел и терпел; возвратившись же в скит, ощутил приключившуюся ему болезнь. Около трех лет страдал он этой болезнью и, наконец, в 1856 году 10 октября в 7 с половиной часов вечера скончался на 61 году от рождения в добром исповедании, после совершенного над ним Таинства елеосвящения и неоднократного напутствия приобщением Св. Христовых Тайн. Повторим благожелательные слова летописца: «Мир тебе, добрый делатель вертограда Христова! Господь да даст тебе мзду трудов твоих! Память твоя да будет с похвалою, добрый старец!»

40.

Рясофорный монах Геннадий

В мире Климент Никитич, родом из мещан города Путивля Курской губернии, вдовец. Будучи мирским, он путешествовал в Палестину, во град Иерусалим, где и пострижен был в монашество и наречен

Геннадием. Возвратившись из Иерусалима, он в 1823 году 6 сентября поступил в Оптинский скит и определен в послушники с прежним именем. Во все время его пребывания в скиту послушанием его было ездить в разные губернии по сбору разных благотворений в пользу обители. К концу жизни отец Геннадий лишился зрения и постепенно ослабевал телесными силами и потому ежегодно соборовался святым елеем, приуготовляясь таким образом к исходу в вечность. 2-го числа сентября 1851 года, в день воскресный, он пожелал причаститься Св. Христовых Тайн. Это его благое желание было исполнено. И в тот же день в 10 часов пополудни он тихо почил о Господе на 79 году от роду.

41.

Схимонах Леонид

Родился в 1783 году 18 июля от православных родителей Тихона и Евдокии Бочаревых, мещан города Карачева Орловской губернии и в крещении наречен Иакинфом. На 22 году от рождения, проездом из Киева, молодой Иакинф заехал в Чолнский монастырь Карачевского уезда, где тогда подвизался подвигом добрым дядя его по матери, схимонах Феодор, постриженец Молдо-Влахийского Нямецкого монастыря, ученик великих старцев, архимандритов сего монастыря, Паисия (Величковского) и Феодосия, переселившийся в Россию в 1801 году. По его же совету и убеждению Иакинф решил посвятить себя на служение Богу в чине иноческом. Оставшись при старце дяде, он ревностно стал внимать его наставлениям и скоро привязался к нему искреннею любовью. Спустя шесть месяцев по поступлении

в монастырь, в 1805 году, вслед за отцом Феодором Иакинф перешел в Белобережскую пустынь Брянского уезда в своей губернии. Здесь он в 1807 году так тяжело заболел, что не было надежды на его выздоровление, и потому был обособован святым елеем. Таинство совершил строитель обители отец Леонид, причем он постриг больного в рясофор, дав ему новое имя Иоанникия, приготавливая, таким образом, к переходу в вечность. Впрочем, больной оправился от болезни без особых врачебных пособий. В 1808 году отец Иоанникий был пострижен в мантию уже без перемены имени. Восприимным его отцом при постриге был сам строитель отец Леонид, находившийся в тесном духовном союзе о Христе Иисусе с его старцем отцом Феодором, которого и вызвал из Чолнского монастыря в Белые берега для купножития. В Белых берегах отец Иоанникий сначала полтора года состоял келейником у строителя отца Леонида, а потом подрядно проходил послушания: просфорника, свечника и пономаря. Все эти трудные послушания, как он сам говорил, казались ему легкими при руководстве столь опытных в жизни духовной старцев, каковы были схимонахи отец Феодор и отец Леонид, которым и в то время не много было равных среди русского монашества. Отец Феодор отеческим, согретым духом истинной любви о Христе, обращением с учениками, а главное всего, личным примером умел поддерживать в них спасительную ревность к трудам постничества. «Трудитесь, учитесь, братия, — часто повторял он им, — придет время (сие впоследствии отец Иоанникий относил к себе) и рады бы были сделать что-либо для Господа и своего спасения, да уже сил не будет». Слова эти отец Иоанникий с самоукорением вспоминал в то время, когда лишился зрения. В Белых берегах предлагали ему посвящение в иеродиакона, но, по совету своего наставника, отца Феодора, коему оставался верен до самой кончины, он решительно отказался от принятия сего сана, твердо держа в памяти иносказательный

отзыв о сем своего старца. «Держитесь, — так говорил старец своему ученику, — пока на горе, а очутишься под горой, некогда будет держаться!» То есть: уклонись от санов в начале, а если согласишься принять сан иеродиакона, то иеромонахом, а потом и начальником сделают уже против воли, не спрашивая согласия. Можно полагать, что на молодого инока кроме совета старца немало подействовал и пример его восприимного от пострижения отца, иеромонаха Леонида, добровольно сложившего с себя настоятельскую должность для удобнейшего прохождения подвигов в сожительстве с отцом Феодором. Обстоятельства разлучили на некоторое время отца Иоанникия с его дядею и духовным наставником, который в 1809 году переселился в северные пределы России: сперва провел три скорбных для него года в Палеостровской обители, а потом в 1812 году перешел на жителство в скит Валаамского монастыря, куда за год до него переселились из Белобережской пустыни прежние сожители его, отцы Леонид и Клеопа. Когда оставшиеся в Белых берегах ученики отца Феодора узнали, что он основался на жителство в Валааме, тогда и они понемногу потянулись туда. В числе их и отец Иоанникий имел радость присоединиться к отцам своим уже в 1814 году. По прибытии его на Валаам он был там просфорником, потом два года келарем, а в 1821 году, по воле настоятеля, отправлен был в Петербург в монастырское подворье, где три года исправлял должность эконома. В 1824 году 29 февраля, уже по выходе из Валаамского скита старцев Феодора и Леонида, и отец Иоанникий перешел в Александро-Невскую Лавру, где и пробыл до 1834 года. Почти все это время он состоял при продаже свечей. А известно, что послушание это поручается лишь доверенным и опытным из братии. В это время отец Иоанникий имел случай сблизиться со многими купеческими домами, в которых, как ученик славного по жизни старца, пользовался особым уважением. Особенно он был близок с домом купца

П. В. Лесникова. В 1834 году отец Иоанникий, почувствовав влечение к прежней пустынной жизни, подал прошение о перемещении его в число братства Оптиной Пустыни, куда и был переведен указом от 19 апреля того же 1834 года, и поселился в скиту, где тогда пребывал со своими учениками и его духовный отец, старец иеромонах Леонид (в схиме Лев), бывший строитель Белобережской пустыни. В 1842 году указом от 1 июня на основании определения Священного Синода он, по старости лет, был исключен из штата, а в 1849 году, по приглашению игумена Калужской Тихоновой пустыни отца Геронтия, с которым был весьма близок, 7 октября переместился на жительство к нему в Тихонову пустынь. Здесь, по настоятельному убеждению отца Геронтия, он в 1851 году 31 марта принял постриг в схиму и в память своего старца отца Леонида (скончавшегося в 1841 году) наречен Леонидом. В 1852 году новый схимник, посетив Оптину Пустынь, подал отсюда прошение к Преосвященному Григорию о дозволении окончить поприще своей жизни там, где он провел большую его часть, т. е. в Оптином скиту, поставляя на вид и то, что, по слабости своих сил, он решительно не может возвратиться в Тихонову пустынь. Владыка дал на сие свое соизволение, повелев указом от 30 октября 1852 года переместить отца Леонида, согласно желанию его, в Оптину Пустынь, в число больничных. По прибытии в Оптину Пустынь отец Леонид окончательно лишился зрения от темной воды и благодушно принял сие посещение Божие, считая его посланным к очищению от грехов юности и неведения, вольных и невольных. Мирно провел он последний год своей жизни. В 1853 году 18 июля старец праздновал окончание 70 года своей жизни, проживши в монастыре 47 лет. По рассказу покойного старца иеросхимонаха Амвросия, намереваясь пойти к службе церковной или, может быть, на общее молитвенное правило, отец Леонид при сходе с крыльца упал, но так, как будто его

кто-то сзади толкнул. Когда случившиеся тут братия заметили, чтобы он поосторожнее сходил по приступкам, он только проговорил: «Нет, не то!..», давая тем разуместь, что это просто было искушение, послужившее для него предзнаменованием близкой смерти.

Отличительною чертою характера описываемого старца была прямота, вследствие которой он был враг всякой хитрости, лести, притворства, пустосвятства. Вследствие того же свойства судил он о людях и вещах и говорил откровенно и прямодушно о том, как они ему представлялись, не изыскивая выражений для смягчения оттенков речи или превращения белого в черное. Наоборот, и сам не оскорблялся, когда ему говорили откровенно и прямодушно о том, что касалось до него лично. Присущее русскому человеку радушие осталось при нем до самой кончины. Всякую услугу он любил отплачивать или взаимною услугою, или подарком. К вещам был непристрастен. В келье имел только самое необходимое: несколько образов, большею частью подаренных от разных духовных лиц, между коими замечательна была Владимирская икона Божией Матери, данная ему в благословение дядею его схимонахом Феодором, привезшим ее из Молдавии*, портреты старцев своих отца Феодора и отца Леонида.

До кончины своей старец сохранил быструю память. Знал и любил преимущественно рассказывать жизнь современных ему старцев и вообще духовных лиц; и при этих случаях память его была изумительна. Большую часть этих людей он знал лично, о других собирал сведения от достоверных людей. И если бы умел он излагать эти рассказы на бумаге, то в состоянии был бы написать весьма любопытное сочинение по этому предмету. Чувствуя еще в Тихоновой

* Игумен Тихоновой пустыни, отец Геронтий, выпросил у отца Леонида эту икону с тем, чтобы поставить ее в церкви в своей обители, где она и помещена в особом киоте с надписью. — *Примеч. в рукописи.*

пустыни ослабление своего зрения, старец подарил бывшему казначею сей обители отцу Ефрему свои книги, коих было у него немало, и между которыми замечательна была рукописная книга святого Исаака Сирина, принадлежавшая старцу Феодору; а сам в последнее время питался духовно воспоминанием наставлений старца Феодора, удержавшихся в его богатой памяти и в преданном старцу сему сердце. Иногда просил он кого-либо из сожительствующих с ним братий прочесть что-либо из Добротолюбия, говоря на память: «Прочтите-ка мне вот такого-то отца, такой-то стих». Потом до перехода к другому стиху останавливался и задумывался, после чего иногда пояснял прочтенный стих, говоря: «Старец Феодор толковал его вот так», или приводил в указание при каком-либо случае. К церковным службам отец Леонид был весьма усерден, посещал церковь, пока не слег в постель. И только за месяц до кончины перестал ходить на общее вечернее и утреннее правило, которое ему вычитывал прислуживавший ему брат. Отправляя несколько лет в скиту пономарскую должность, он знал хорошо церковный устав, помнил дни святых и, будучи больным, часто нарочно заходил к своим соседям с вопросом: «А какого в тот-то день святого память?» Пользуясь этим случаем, он иногда рассказывал сокращенно житие святого или, если был день великого праздника, вспоминал, как в оный правила службу в предшествовавшие годы, кто служил и т. п. Чувствуя вследствие ослабления сил телесных приближение кончины, отец Леонид пожелал особороваться святым елеем. Таинство это теперь совершено было над ним во второй раз за время пребывания его в монастыре 13 октября 1853 года в 10 часов утра в скитской церкви, после чего силы его телесные несколько оживились, так что он до самой кончины с помощью костыля мог ходить по келье и только за день до исхода в жизнь вечную слег в постель. До последней минуты жизни он сохранил благоговейное воспомина-

ние о своем духовном наставнике и благодетеле, схимонахе Феодоре. Это всегда было его любимым разговором. Даже и во время предсмертного томления уже немеющим языком он шептал: «Феодор! Помолись о мне!» Скончался отец Леонид тихо и без особенных страданий 1853 года 4 декабря на 71 году от роду. При жизни отца Феодора отец Леонид получал от него много писем, из коих только малая часть напечатана в конце жизнеописания схимонаха Феодора, остальные же отец Леонид по доброте своей раздал на память о своем старце духовным его детям.

42.

Послушник Владимир

Владимир Александрович Кавелин из дворян [сельца Гривы], Козельского уезда, Калужской губернии, родной брат жившему в то время в скиту рясофорному монаху отцу Льву (впоследствии наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Леониду). Воспитанник земледельческого училища Общества сельского хозяйства, получивший от оно́го право продолжать на счет Общества курс наук в Горыгорецком земледельческом институте. Поступил в скит в 1854 году 18 июля. В том же году он заболел и взят был родителями в свое родовое имение — в деревню за 12 верст от Оптиной, для удобнейшего за ним ухода. Недолго пришлось пожить этому юноше. 24 сентября того же года скитский духовник иеромонах Пафнутий, вместе с братом болящего отцом Львом, приехали в имение Кавелиных, и послушник Владимир отцом Пафнутием был исповедан. Целых полгода провел Владимир в

томительной болезни. 18 февраля следующего 1855 года над ним совершено было Таинство елеосвящения духовником иеромонахом Пафнутием собором с другими скитскими иеромонахами. По желанию больного, кажется в начале марта, приехал навестить его Оптинский старец иеросхимонах Макарий, в сопровождении, как должно полагать, своего келейника послушника Пармена, и прочитал над ним канон Господу Иисусу и Пречистой Его Матери на исход души из тела. В это время Пармен имел возможность, как замечено [было] в своем месте, особенно дружелюбно проститься с Владимиром, не ведая того, что в следующем году и ему самому придется отправиться за Владимиром в вечную жизнь. Два раза пред кончиною Владимир сообщался Св. Христовых Тайн, и в самый день кончины, 6 марта, в третий сподобился принятия сего небесного дара. Сего числа в шестом часу утра брат страдальца отец Лев вторично стал читать над ним канон на исход души. На шестой песни канона приспел конец земной жизни умирающего юноши, и он, прильнув охладевшими устами к святой иконе Царицы Небесной, тихо и незаметно для присутствовавших испустил дух. Светлый лик усопшего ясно свидетельствовал о милости Господней к душе его. Тело его перевезено было в обитель, и на третий день после кончины, 8 марта, совершено было погребение его. Отпевание по чину монашескому совершил в монастыре сам настоятель обители отец архимандрит Моисей собором с четырьмя иеромонахами и двумя иеродиаконами в присутствии родителей и родственников покойного. По выносе тела из церкви отец архимандрит отслужил две литии, одну тотчас после выноса из храма, а другую у монастырских ворот, ведущих в скит, куда и направилось погребальное шествие. Там, в безмолвном скиту, где юный Владимир полагал начало иноческой жизни, вместе с почившими отцами и братьями, и предано было тело его земле иеромонахом отцом Паисием, который,

при опущении тела в могилу, отслужил над ним последнюю литию. После погребения память покойника почтена была обедом у отца настоятеля, где присутствовали старец отец Макарий с некоторыми старшими братьями и родители с родственниками усопшего.

43.

Монах Иосиф

На 21 году своей жизни поступил он в Оптинский скит в начале 1823 года из калужских мещан, и прожил в скиту всего только четыре года и три месяца. Более года был болен чахоткою и, [вероятно], келейно был пострижен или в мантию, [или, по крайней мере, в рясофор], как принято в Оптиной Пустыни постригать в предсмертной болезни молодых послушников. Скончался 30 апреля 1827 года 25-ти лет от роду.

44.

Монах Емилиан

Емилиан Андреев из города Мценска Орловской губернии, бывший дворовый человек господ Чапкиных, поступил в скит в число послушников 18-летним юношей в марте 1863 года. Проходил послушания: хлебника*, помощника садовника и прислуживал престарелым монахам-

* Хлебник — хлебопёк, пекарь. —
Примеч. ред.

соседям. В келье неопрятен был. Случалось, что в углу его кельи была куча сору. Тут же и шапка его валялась. Везде в келье видна была нечистота. Он, впрочем, и желал бы, чтобы все у него было опрятно и в порядке, но вкуса к тому не имел. Это, однако, не мешало его внутреннему достоинству. При крепости сил физических он был человек трудолюбивый, искренно-послушливый и воздержный. Кушал очень умеренно. Однажды, сидя вместе с ним за вечерней трапезой, скитский иеромонах Платон, жалея постоянно находящегося в трудах послушника, сказал ему: «Емилиан! Что ты так мало ешь? Ешь больше!» А он, застыдившись от этих слов, и вовсе перестал есть. Как человек простой, он не умел выражаться по-благородному. Однажды, угощая чаем своего соседа старичка схимонаха Геннадия, обратился к нему так благожелательно: «Батюшка, пей еще: чаю много, куда ж его девать? Все равно в лоханку-то выкидывать». Немного пожил на свете этот простачок. Привязалась к нему неумолимая чахотка. Не имея понятия об этой болезни, Емилиан называл ее золотухой. Услыхав от кого-то, что от золотухи полезно оттапливать* калиновое дерево и пить этот отвар, он мелко настрогал себе целую кошелку калиновых палок. Указывая на это приготовление, один брат приговаривал: «Это Емилианов чай». Но этот чай остался без употребления. В болезни раз как-то Емилиану захотелось ухи. Сосед-брат [по этому случаю] отправился к старцу отцу Амвросию. Доложил ему об этом. Обратившись к своим келейникам, старец спросил: «Что, уха у нас есть?» Ему ответили: «Есть немного, только на вашу долю». — «Отдайте больному, просит», — приказывает старец. Ему возражают: «Батюшка, ведь нечего давать-то, очень мало. Вам нечего будет кушать». — «Отдать!» — повелительно сказал старец. И отдали. А сам болезненный старец остался в этот день голодным. Чахотка сильно у страдальца развилась. За три недели до кончины умирающего послуш-

* Оттапливать — здесь: делать отвар (настой), «топленую» жидкость. — *Примеч. ред.*

ника по его желанию он был пострижен в рясофор. 3 декабря 1865 года совершено было над ним Таинство елеосвящения, и с сего времени до самой его кончины ежедневно общали его Св. Христовых Тайн. За сутки до кончины прочитан был над ним канон Господу Иисусу и Его Пречистой Матери на исход души из тела. До последней минуты он был в твердой памяти и говорил; и преставился мирною христианскою кончиною 8 декабря 1865 года в 9 часов вечера на 21 году от роду. Спустя несколько после сего времени один брат спросил старца Амвросия о загробной участи отца Емилиана. Старец ответил, что кто-то из братии видел в сонном видении, что Емилиан быстро пролетел воздушные мытарства. [Думается, не сам ли старец видел это.]

45.

Иеромонах Никон

В мире Николай Иванович Огиевский, коллежский секретарь*, из дворян города Глухова, Черниговской губернии. С 1821 года служил в Орловском губернском правлении, где был столоначальником. Оставив гражданскую службу, он, по влечению сердца своего к монашеской жизни, в 1832 году вступил в Оптинский скит под руководство богомудрого старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Проходил в скиту послушания: в братской кухне, в трапезе, а после и пономарем был. В 1834 году он пострижен был в рясофор, а в 1839 году 3 июня — в мантию. В том же году 3 декабря посвящен был в иеродиакона, а в 1842 году 1 февраля в иеромонаха. В 1839 году предположено было перевести отца Никона в Малоярославецкий Николаевский монастырь Калужской епархии для занятия

**Коллежский секретарь — невысокий гражданский чин. Установлен в России «Табелью о рангах» 1722 г., чин X класса. Титуловался: «Ваше благородие». — Примеч. ред.*

в оном должности казначея, но по обстоятельствам назначение это не состоялось. А вместо того в 1843 году 25 января он избран был в казначейскую должность в своей Оптиной Пустыни, но по усиленному его прошению 22 марта того же года уволен был от этой должности и опять возвратился в скит. Отличительные черты отца Никона: он был ревностным служителем алтаря Господня; имел особенное попечение о труднобольных; всегда предупреждал своим старанием о том, чтобы больной удостоен был напутствия Св. Тайнами Христовыми, а по смерти заботился о сорокадневном поминовении преставльшегося, в скиту ли он скончался или в монастыре. В келье же у себя он занимался переплетом книг, чему обучал и некоторых других братий. По словам покойного старца иеросхимонаха Амвросия, отец Никон, между прочим, имел обыкновение переплетать поминания и дарить братиям. — «На что это ты делаешь?» — спросил однажды его старец. — «Э! Ты, видно, не понимаешь дела», — ответил тот. А цель его, без сомнения, была та, чтобы, поминая родных и близких, брат помянул и того, кто подарил ему поминание. Отец Никон был нрава кроткого и тихого и любил уединение. Он был роста небольшого, светлорус, худощав и благообразен. Часто занемогал простудною болезнью — ослаблением груди; почти ежегодно выдерживал по несколько недель горячку. 29 сентября 1850 года он заболел простудой и постепенно ослабевал в силах. 1 октября в 7 часов утра, по исповеди, приобщился Св. Христовых Тайн, а в девять часов пополудни особорован был святым елеем. 2 октября в первом часу пополудни он опять удостоился причаститься Св. Тайн Христовых, а в половине третьего часа, находясь в полной памяти, тихо и безтрудно почил о Господе. 4 числа настоятель обители отец игумен Моисей служил собором в скитской церкви Литургию и

отправил погребение по общелюбимом иеромонахе отце Никоне.

В скитской летописи записано следующее: «В 48 день по кончине отца Никона, 18 ноября, в день воскресный, после утрени новопосвященный иеромонах Варсонофий*, готовясь служить раннюю Литургию, прочел правило ко Святому Причащению и от усталости, в ожидании звона к обедне, присел на стул и тотчас заснул. И показалось ему во сне, что он видит в каком-то незнакомом ему месте многочисленное собрание скитской и монастырской братии, и среди них, к удивлению его, сидит умерший иеромонах Никон. И думает во сне отец Варсонофий: „Как он здесь? Ведь он умер!“ И с такими мыслями обратился отец Варсонофий к братии и сказал: „Смотрите, это отец Никон!“ И братия будто тоже увидели в своей среде почившего иеромонаха. В какой он был одежде, этого отец Варсонофий не заметил, но видел, что на голове его была камилавка, но без клобука, как обыкновенно носят служащие иеромонахи и иеродиаконны во время служения. [После отцу Варсонофию казалось, что он, сидя на чем-то] лицом к востоку, [держал на руках своих] младенца и поминал некоторых имена. Помянув же несколько имен, произнес и имя Никона. Тогда младенец, до того времени молчавший, сказал ему: „Я — Никон!“ И эти слова младенца [как бы] пробудили в отце Варсонофии желание узнать о его загробной участи, и он с [поспешностью] спросил младенца: „Где же ты теперь находишься?“ — „В раю, — отвечал младенец, — между святыми“. Отец Варсонофий спросил опять: „А ка-

* В мире Василий Феодорович Светозаров, товарищ старцу иеромонаху Амвросию по семинарии и по учительству в Липецком Духовном училище. Спустя несколько времени после своего товарища поступил он в Оптину Пустынь, а по получении иеромонашеского сана переведен был 19 декабря 1890 года в Малоярославецкий монастырь в духовники, и там, принявши схиму с именем Варнавы, скончался о Господе. — *Примеч. в рукописи.*

ков рай?“ Младенец хотя и общими и краткими выражениями, но сильно восхвалил красоту рая. А какими словами рай был описан, этого отец Варсонофий упомянуть не мог, но впечатление у него осталось такое, что рай невообразимо прекрасен. Вспомнив о мытарствах, он спросил младенца: „А по мытарствам тебя водили?“ Младенец, как бы вспоминая очень тяжкое, ответил протяжно: „Уж водили, водили! Водили, водили!“ И видом своим, и произношением этих слов младенец выразил, что он прошел мытарства с тяжелым испытанием. „Как же ты от них избавился?“, — спросил отец Варсонофий. „Пришел Архангел Михаил, — отвечал младенец, — и вывел меня оттуда“. Еще о многом спрашивал отец Варсонофий младенца, и младенец отвечал ему на все вопросы его, только все это отцом Варсонофием было забыто. Он помнил только из времени этой беседы, что он обращался к окружающей братии, говоря им, чтобы и они предлагали свои вопросы младенцу, так как он на все отвечает. Но братия стояли молча, и никто у младенца того ничего не спрашивал. Тогда отец Варсонофий вспомнил об аде и спросил: „А ад ты видел? Скажи мне: тяжки в нем мучения?“ И показалось отцу Варсонофию, что младенец не находил слов, чтобы с достаточной силою изобразить лютость адских мучений. И в то же время явилось у ног отца Варсонофия какое-то чудовищное животное, которое беспрестанно на его глазах меняло свой вид, [надымалось], делилось на части и мало-помалу исчезло. Что было это за странное животное, этого отец Варсонофий определить не мог, но ему во сне подумалось, глядя на все его видоизменения, что в них заключен образ многообразных степеней адских мучений. После этого видения отец Варсонофий младенца уже более не видал, а как будто сквозь какую-то отворенную дверь вышел он к братии и рассказывал им об ужасах ада, как сам о них мог понять из своего видения. Проснулся отец Варсоно-

фий в великом страхе и тут пришел будильщик* возвестить о времени идти служить Литургию». Иеромонах Никон был приобщен Святых Тайн только за три с половиною часа до кончины, в полной памяти, хотя говорил тупо и мало и не совсем внятно. По верованию же Святой Православной Церкви умирающий вскоре после сподобления Святых Тайн не проходит мытарств. Поэтому некоторым видение [отца Варсонофия] показалось сомнительным и недостоверным. Действительно, преподобные [Каллист] и Игнатий (в 92 главе о безмолвии) приводят слова св. Иоанна Златоуста о некотором чудном старце, который сподобился «увидети и услышати яко, имущии отсюда отходити, аще Святых Тайн причастятся с чистою совестью, егда умрети имут, доприносяще Ангели, причащения ради онаго, отсюда возносят». Но кто из нас похвалится чистою совестью иметь? Если преподобный Марко Фраческий, которого Святых Тайн приобщали Святые Ангелы, задержан был на мытарствах на целый час, то, как можно сделать решительное заключение о тех, кто в жизни христианской менее совершен этого дивного святого? Задержан же был Марко Фраческий, как уверяют некоторые прозорливцы, сподобившиеся это видеть, за то, что возбуждал и убеждал душу свою перед кончиной не бояться приближающегося разлучения ее с телом, вспоминая многие свои труды и многие слезы и различные скорби, Бога ради понесенные. Злые же мытари представляли на мытарствах, будто бы преподобный Марко перед смертью хвалился строгою и подвижническою своею жизнью, и потому не допускали душу его восходить на небо до тех пор, пока Божественный глас повелел Святым Ангелам: «Принесите мне сосуд избранный!»

* Будильщик — инок, исполняющий послушание будить братию на ранние богослужения. —

Примеч. ред.

46.

Схимонах Иларион

В мире Иван Космич Козлов. [Житель города Москвы.] Был в свое время женат и имел детей и внучат. Был богат и пользовался почетом у московских граждан.

Служил в разных комитетах, и грудь его была украшена медалями; но в нашествии в 1812 году французов лишился всего своего достояния, которое ими было разграблено. В то время и честь его несколько пострадала. Принужденный в Москве Наполеоном, Иван Космич, в числе прочих, состоял во временной Наполеоновской комиссии, за что последовало неблаговоление к нему Государя Императора Александра I. К этим несчастьям присоединилось еще и то, что он овдовел. Так суждено было ему Промыслом Божиим испытать и дознать на себе все превратности мирской жизни. Удалясь из шумной столицы, Иван Космич в январе 1836 года прибыл в безмолвный Оптинский скит, искренно предал себя в послушание старцам и, несмотря на преклонные лета (ему было в то время уже лет 80), доказал ту истину, что усердное произволение в год может сделать более, чем ленивое в пятьдесят лет. Готовый на всякое дело благое, он был для многих примером усердия. К службе Божией приходил прежде всех и любил звонить в колокола. Послушание его было — стоять при свечном ящике и по чреде читать Псалтирь. В 1837 году Иван Космич пострижен был в рясофор и наречен Иларионом, а после, при болезни, — в мантию и схиму. Несколько раз он, по монастырской надобности, отправлялся в Москву и С.-Петербург, откуда доставлял обители обильные пожертвования от своих близких знакомых. С 1845 года он постепенно стал ослабевать силами и зрением, а в 1848 году

ослабела у него и память. Несмотря на то, он до самой своей кончины творил молитву Иисусову. Часто со слезами и сокрушением сердца взывал он: «Господи, не остави мене, внигда оскудевати крепости моей!»*

И Господь, видимо, не оставлял его. Беспамятство его также проявлялось в умилительных действиях. Например, только что возвратившись из церкви, он снова собирался идти в церковь. Или, едва окончив келейную молитву, опять становился на молитву и т. п. Приставленные к нему послушники — Симеон и, за отсутствием его, Павел прислуживали старцу, и с любовью пеклись о нем, как о дитяти. Иногда в беспамятстве, представляя себя семьянином, обратившись к Симеону, старец так любовно скажет: «Сеньюшка! Сходи-ка на мезонин, посмотри там, что внуки-то, встали, что ли? Здоровы ли они?» Ответит Симеон: «Хорошо, дедушка, хорошо!» Затем отправится в свою келью, побудет там несколько минут и, возвратившись к старцу, доложит: «Встали, дедушка, внуки, встали; живы и здоровы, кланяются вам». И старец в самодовольстве поблагодарит Симеона: «О, спаси тебя, Господи!» Часто общался Иларион Св. Христовых Тайн. Удостоившись и в самый день кончины своей причаститься сих пренебесных и животворящих Тайн, он с миром и безболезненно почил от многотрудной жизни своей, оставив по себе добрую память в сердцах всех, знавших его. Кончина его последовала 5 марта 1850 года, в сырное воскресенье*.

От роду ему было, по его словам, более 100 лет, а по увольнительному свидетельству — 96. На надгробной же его плите, вероятно по ошибке, отлито — около 90 лет.

* Сырное воскресенье —
Прощеное воскресенье. —
Примеч. ред.

* Ср.: Пс. 70, 9.

Монах Феодосий

В мире Флор Ильин Жирков, из вольноотпущенных. В 1830 году поступил он в скит, в 1836 году пострижен в рясофор, а в 1837 году 8 ноября — в мантию. Послушание его было — быть на посылках в разные места, и в особенности в Калугу, и исполнять разные монастырские поручения. Был человек воздержный, молчаливый и жизнь проводил скрытно. Страдал сильно грыжею, начало которой получил еще в мирской жизни. 13 августа 1851 года он почувствовал лихорадочные припадки. Несмотря на то, 17-го числа по монастырской, а кстати и своей надобности, отправился в Калугу. Но 19-го числа к вечеру возвратился в скит и уже сильно ослабевал, хотя все еще понуждался ходить. 21-го числа рано утром нашли отца Феодосия в келье лежащим без чувств, с закрытыми глазами. Дыхание у него было тяжелое. По временам он стонал и телом был совершенно недвижим. На оклик никому не откликался. Видя его в таком опасном положении, в восемь часов утра соборовали его святым елеем и ожидали, не придет ли в чувство. На другой день, 22 числа, в среду, он мог принять Св. Христовы Тайны и после проглотил немного теплоты, но глаз не открывал и не отзывался. В тот же день в 6½ часов пополудни настал час разлучения души его от тела. В последнюю минуту жизни окружающие умирающего заметили, что он мало стиснул зубы и как будто проглотил что-то горькое и затем тихо испустил последний вздох на 63-м году от роду. На третий день после кончины настоятель обители отец игумен Моисей служил собором в скиту Литургию, по окончании которой отправил и погребение.

48.

Монах Нил

В мире Николай Павлов, родом из города Мценска Орловской губернии, купеческий сын. Росту он был небольшого и горбат, но был человек умный [и практичный]. Поступил сначала в монастырь в июне 1853 года, лет 20 от роду, и был у настоятеля отца архимандрита Моисея младшим келейником. Вспоминал он после о взаимных отношениях духовных старцев — родных братьев отца архимандрита Моисея и жившего в Оптиной Пустыни на покое отца игумена Антония. Зная, что по словам святого Иоанна Лествичника «кажущиеся мужественными и терпеливыми подвижники, бывши оставлены на время, и как утвердившиеся в добродетели, не получая уже от настоятеля ни обличений, ни поношений, лишаются снисканной кротости и терпения»*, отец архимандрит не переставал упражнять брата своего, болезненного старца в добродетелях послушания, терпения и смирения. Раз как-то отец Моисей налил в малый горшочек супу и подмешал туда разных разностей, так что из супа буквально вышли помои, и велел келейнику Николаю отнести отцу Антонию. Тот отнес. Отведав принесенного снадобья, отец игумен как бы несколько с неудовольствием спросил: «Николай! Какую-то бурду ты принес мне?» Тот обыкновенно ответил: «Это отец архимандрит велел отнести к вам». Отец Антоний только протянул: «А!..» и затем все покушал за святое послушание. К келейникам же своим и вообще к братьям, еще не утвердившимся в монашеской жизни, отец архимандрит был весьма снисходителен. «Однажды, — рассказывал Николай, — залез я в погребок, где хранились для

* Иоанн Лествичник. Слово 4. Гл. 27. — *Примеч. в рукописи.*

угощения почетных посетителей варенье и другие сласти, и вздумал испробовать вареньица: то из той банки съем ложку, то из другой. Вдруг настоятель заглядывает в погребок и, увидев меня, спрашивает: „А что ты тут, брат, делаешь?“ Смешавшись и не зная, что ответить, я только мог промолвить: „Да вот, батюшка, кушаю“. — „Да уж, нужно кушать“, — сказал только настоятель, повернулся и ушел. Таким образом и напугал, намекнув чрез это о должном воздержании, и помиловал. Так поступал этот мудрый старец почти всегда и со всеми братиями.

5 августа 1856 года послушник Николай перешел в скит. Причина сему неизвестна. Но можно полагать, что старцу Макарию нужен был келейник, так как Николай и занял эту должность у старца. 16 марта 1857 года он определен был в число братства указом Консистории, а 19 февраля 1858 года пострижен был в рясофор. Зимой 1862 года [уже по кончине старца Макария] отец Николай стал болеть ногами, которые, наконец, и совсем у него отнялись. Доктора Кустов, Кеслер, Шереметьевский и другие признали болезнь его неизлечимой. Как последнее средство они ему предлагали прижигание спинного хребта с малою, впрочем, надеждою на успех и после этой мучительной операции, почему предложение это больным не было принято. 31 июля 1863 года перевезли больного отца Николая в Задонский монастырь Воронежской губернии и там по молитвам великого новоявленного угодника Божия чудотворца, святителя Христова Тихона, отец Николай при употреблении простых медицинских пособий так поправился, что 4 июня 1864 года прибыл в Оптинский скит исцеленным. Хотя в ногах ощущал он слабость, но все-таки ходил свободно даже и без палки, а по времени ноги у него и еще более укрепились. По возвращении в скит он опять занял должность келейника у нового скитоначальника и старца иеромонаха Илариона. Когда исцеленный прибыл из Задонска в Оптину, бывший в то время еще в живых духовный старец

отец игумен Антоний при личном с ним свидании проговорил ему замечательные слова, изреченные Господом исцеленному Им расслабленному: «Ну, Николай, се здрав еси, к тому не согрешай, да не горше ти что будет!»*

Но в чем заключались согрешения Николая, известно только Господу. По внешности же он был человек исправный: жизнь проводил воздержную, к церковным службам и вообще к молитвенным правилам был усерден, келейное [послушание] исполнял тщательно; словом, — мог служить примером для прочих братий. 28 августа 1866 года отец Николай пострижен был настоятелем обители отцом игуменом Исаакием в мантию, причем дано было ему новое имя — Нил. Проходя по-прежнему келейническое послушание, он в первых числах октября 1868 года заболел опять прежнею болезнью, опять отнялись у него ноги, и эта болезнь его была уже предсмертною. Три с половиной месяца он тяжело хворал. Во все это время он неоднократно сообщался Св. Христовых Тайн, также и особорован был святым елеем. Но по неведомым судьбам Божиим, кончина его, как передавали очевидцы, была трудная. Она последовала 15 января 1869 года. Всего жития его было 35 лет. После его кончины старец его, скитоначальник отец Иларион, сказал: «О нем нужно молиться». И молились скитские братия, по чувству любви братней, кто как мог и сколько мог. Через несколько времени скитский пономарь, рясофорный монах Сергей (впоследствии иеросхимонах Савватий, скончавшийся в 1895 году) увидел во сне отца Нила в смиренном положении. Зная, что он скончался, отец Сергей спросил: «Каково тебе, отец Нил?» Он ответил: «Прежде было плохо, а теперь полегче». Помилуй нас, Господи, помилуй нас, всякого бо ответа недоумеюще, сию Ти молитву яко Владыце, грешнии, приносим: помилуй нас!

* Ср.: Ин. 5, 14.

Монах Иннокентий

В мире Иван Иванович Горбунов, купеческий сын из города Калуги, получил воспитание в Калужской гимназии. Первоначально поступил в монастырь в 1866 году, когда ему было от роду 35 лет*. Там же он и пострижен был в рясофор. Послушание его было помогать главному торговцу-монаху торговать в монастырской лавке. Здесь он так был внимателен к себе и так строго оберегал себя от соблазнов, что, продавая однажды какой-то барыне потребные для нее вещи, во время разговора с нею ни разу не взглянул на нее, так что она очень огорчилась на него за это. По времени сему отцу Иоанну пришлось в монастыре подвергнуться некоему искушению: немалое время ему казалось, что от всех съедобных предметов ощущался весьма неприятный запах. Вместе с тем его смущали бесовские помыслы о безнадежности духовного спасения. Придет, бывало, к старцу батюшке отцу Амвросию и начнет высказывать скорбь свою, что у него никаких добрых дел нет, и что он боится невидимых лукавых татей*, обычных окрадывать людей, ищущих спасения. Но старец его же словами опровергал его опасения. Скажет: «Чего же красть-то? Ведь, говоришь, что доброго у тебя ничего нет. Красть-то нечего». Самому отцу Иоанну покажется смешною эта бесовская философия. Смущение его тотчас пройдет, и он успокоится. Недолго, впрочем, длилось с отцом Иоанном это искушение. По молитвам старца, батюшки отца Амвросия, оно прошло. После этого он был несколько времени келейником у благочинного** монастырского

* Тать — вор, тайный похититель. — *Примеч. ред.*

** Благочинный (в монастыре) — лицо из старшей братии, ответственное за соблюдение благочиния в следовании Богослужебному уставу с правом благословения братии на церковные послушания. — *Примеч. ред.*

* По другим источникам — 23 года. (См. Приложение. С. 242.) — *Примеч. ред.*

иеромонаха отца Анатолия (Зерцалова), бывшего, по кончине отца Илариона, скитона начальником.

Весною 1878 года, когда главный письмоводитель старца иеромонаха Амвросия иеромонах Климент (Зедергольм) скончался и был похоронен, а помощник письмоводителя в то же время заболел и отправлен был в монастырскую больницу, рясофорный монах отец Иоанн Горбунов 3 мая переведен был из монастыря в скит и занял должность письмоводителя при батюшке отце Амвросии. (Кроме того, он заведовал скитскими синодиками.) Здесь он в 1879 году 24 июня, на праздник Рождества святого Иоанна Предтечи Господня, в скитской церкви пострижен был отцом игуменом Исаакием в мантию, причем дано было ему новое имя — Иннокентий. Весьма отличался он кротостью и тихостью. Здоровья вообще был слабого. Медленная чахотка мало-помалу подтачивала его слабые силы. Осенью 1885 года отец Иннокентий уже сильно заболел и потому 27 декабря сего года был осoboван святым елеем. Он постепенно таял как воск, так что к концу жизни, по обычному выражению, у него остались только кости да кожа. 23 января 1886 года накануне кончины он в последний раз приобщен был Св. Христовых Тайн, а на другой день утром в 7½ часов мирно почил о Господе от трудов и болезней своих, прожив в обители около 20 лет, а всей жизни его на земле было около 45—55 лет.

50.

Послушник Максим Горностаев

Из крестьян Ливенского уезда, Орловской губернии, Зубцовской волости, деревни Белого Колодезя, поступил в скит 17 декабря 1887 года 19 лет от роду.

Исполнял общие послушания — куда позовут — и отличался трудолюбием. Во время служб церковных очень хорошо пел на левом клиросе первым тенором. Имел неосторожность в зимнее время сильно натопить печь в своей келье и поспешил закрыть трубу, почему во время сна, [вероятно от угара], скончался 20 декабря 1888 года, прожив в обители только один год. Бог да ублажит и упокоит душу почившего раба Своего Максима в Царствии Небесном.

51.

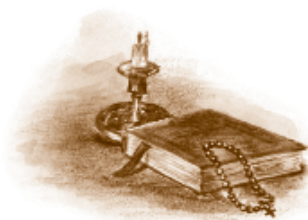
Схимонах Ефрем

В мире Ефрем Иванович Косых. Родом из крестьян Воронежской губернии, Павловского уезда, Нижне-Ламовской области, деревни Островки, родной брат Григорию Ивановичу Косых (см. о нем выше №18). Поступил в скит 3 января 1886 года 28-ми лет от роду. Исполнял разные общие послушания и, между прочим, был певчим на правом клиросе, пел первым тенором. Долго болел и скончался от воспаления легких 4 апреля 1891 года, приняв перед кончиной келейно постриг в схиму. Прожил в скиту пять лет, а всей жизни земной его было 33 года.

52.

Монах Алексей

В мире Александр Степанович Лебедев, заштатный пономарь Перемышльского уезда, Калужской губернии, села

Любемского. Поступил в скит 1875 года 25 мая вместе с сыном, мальчиком [Василием], который, достигши совершенного возраста, призван был к военной службе и уже после в скит не возвращался. Сам же Александр вскоре по поступлении в скит пострижен был в рясофор. Несколько времени был трапезным, читывал Псалтирь по благодетелям. Также и в церкви при богослужениях вместе с другими читал и пел на левом клиросе. Был вежлив и к старшим почтителен. Келейно принял постриг в мантию с именем Алексия. Скончался 31 июля 1894 года 75 лет от роду от старческого истощения сил. На третий день после кончины был похоронен.

Четвертый ряд могил считается от северной стороны к югу.

53.

Рясофорный монах Матфий

В мире Матфий Егоров Кузнецов, из крестьян Калужской губернии, Тарусского уезда, Салапенской волости, села Салапенки. Первоначально поступил в Оптину Пустынь в монастырь 8 мая 1886 года, когда ему было уже лет за сорок. Тут он был несколько времени гостинником*. Но вот было для него большое искушение: он имел пристрастие к винопитию, а в пьяном виде, как известно, человек ни Бога не боится, ни людей добрых не стыдится. «Однажды, — как он сам впоследствии сказывал о себе, — в летнее время едет в экипаже старец батюшка отец Амвросий, а я был в угаре. Снял с себя всю одежду, да и выбежал к нему навстречу в

* Гостинник — монах, заведующий гостиницей обители и наблюдающий за порядком в ней. — *Примеч. ред.*

адамовом костюме. Взглянув на меня, любвеобильный и снисходительный старец только промолвил: „Ну, еще благодать Божия не отступила от него“. Однако, вероятно, по той самой причине, что по временам он лишнее выпивал и безобразил, его уволили из обители 23 августа 1892 года. Вторично он уже поступил в скит 1 июня 1899 года, и сначала дали ему келью на пасеке, а потом перевели в соседство к одному старичку для послужания. В скиту Матвей Егорович, при помощи Божией, укрепился и в продолжение пятилетнего пребывания в скиту вина нисколько не пил. Он имел жену и семейство. Одна из дочерей его выдана была в замужество в город Лихвин, отстоящий от Оптиной Пустыни верстах в 35, но была несчастлива в жизни. При ней жила и мать ее, разделяя с нею горькую долю. И потому Матвей Егорович изредка, с благословения начальства, ходил пешком в Лихвин, дабы по возможности облегчить тяжелую их участь добрым словом, а иногда и вещественным пособием, так как он имел деньжонки и любил помогать не только родным, но даже и не родным, больным и бедным. В порученном ему послушании был исправен, очень послушлив и уважителен. Последняя черта в нем отобразилась преимущественно незадолго до его кончины, как будто он предчувствовал свой близкий исход, смиряясь и низко кланяясь. Любил он еще читать душеполезные книги, а также интересовался и политическими новостями. Временем среди разговоров Матвей любил вспоминать о некоторых замечательных крестьянах своего села. Был, например, у них один блаженный. Случился в селе сильный пожар. В опасности была бедная хата одной бедной вдовы. Блаженный вбежал в эту хату и затворился в ней вместе с бедной крестьянкой. Опасаясь, как бы не загорелась хата и не сгорели бы в ней блаженный с вдовой, находившиеся на пожаре начали употреблять все усилия, чтобы отворить дверь. Но блаженный так уперся в нее ногами, что несколько сильных крестьян никак не могли отворить дверь. Что

же вышло? Все дворы вокруг бедной хаты погорели, а хата [вдовицы] уцелела. Еще: был в ихнем селе один крестьянин, который жил обычно, как и прочие крестьяне, по-грешному, любил иногда и лишнее выпивать. И вот однажды он до того напился, что едва и жизни не лишился. Находясь в таком безвыходном положении, он, однако, помнил и понимал свою опасность. Боясь, как бы не умереть сугубою смертью, душевною и телесною, и ужасаясь Страшного Суда Божия и вечного мучения, он мысленно обратился ко Всеблагому Господу, прося его о помиловании. При этом он дал Богу такой обет: «Господи, если теперь Ты сохранишь мою жизнь, то я уже никогда не буду пить вина». И Господь помиловал его. Крестьянин же этот не только во всю свою остальную жизнь исполнял свой обет — не пил вина, но и вообще вел истинно благочестивую жизнь: отказался от мясной пищи, желал бы даже довольствоваться сухоядением, но от сухоядения мало было силы для домашних работ, потому пищу для него жена подправляла конопляным маслом. Жена его, по наваждению вражью, одно время грешила с другим и имела незаконную дочь, но хозяин-крестьянин нисколько не оскорбился за это на свою жену и даже с любовью нянчил [незаконнорожденную] девочку. Всегдашним любимым чтением его был славянский Псалтирь. Он так полюбил эту книгу и так услаждался ее чтением, что сам собственною рукою, несмотря на постоянные домашние тяжелые работы, всю ее списал. Всегда в разговорах с другими выражался так: «Я жду смерти как праздника». Наконец, перед самою кончиною просил, чтобы и в гроб с ним положили Псалтирь. Это его благое желание и было исполнено. Дал бы Бог, чтобы побольше у нас на Руси было таких крестьян!

Матвей Егорович пострижен был в рясофор, но когда именно, неизвестно. Можно полагать, что это было еще при первом его пребывании в монастыре, так как старых и пожилых послушников постригают в Оптиной вскоре по по-

ступлении их в обитель. Кончина его последовала от паралича 26 ноября 1904 года. Дня за три или за четыре до нее, когда все скитяне готовились к принятию Св. Христовых Тайн, и он вместе со всеми говел, исповедался и причастился Св. Тайн Христовых. [В день самой кончины] утром он еще ходил в монастырь и привез оттуда на тачке тяжелый старый мельничный жернов, имея в мыслях устроить что-то вроде машины на пользу скитян. Но так как голова у него всегда была очень слаба, то думается, не подействовало ли это излишнее напряжение сил на такой печальный исход. Среди дня в послеобеденное время соседи отца Матфия по келье увидели его спящим на пороге своей кельи. Думая, что он проснется, оставили его на несколько времени в таком положении. Но видя, что он не просыпается, доложили о сем скитона начальнику отцу Иосифу и по его благословению позвали фельдшера-монаха, который хотел было привести спавшего нашатырным спиртом в чувство, но не мог. Затем отец Матфий перенесен был на койку, где он и спал остальную часть дня и всю последующую за ним ночь и, наконец, рано утром вышеозначенного числа заснул уже вечным сном. О сем дали знать телеграммой в Москву его родному младшему брату, казначею Новоспасского монастыря, иеромонаху Тихону, который успел прибыть к погребению своего почившего брата, к коему всегда питал любовь и уважение. Отец Тихон и совершил погребение тела. Всей жизни отца Матфия было 65 лет. Мир и спасение душе твоей, добрый и блаженный брате Матфие!

54.

Схимонах Николай

В мире Николай Васильевич Книжников, родом из крестьян Воронежской губернии,

Богучарского уезда, Новокрушинской волости и слободы, малоросс. Поступил в скит 27 мая 1894 года уже в старых летах. Ему было более 60 годов. 30 марта 1895 года был накрыт рясофором. До самой кончины своей он не был приукажен в обители, так как имел жену, которая его пережила. Достигши надлежащего возраста, [он в свое время] успешно занимался торговлей хлебом, скотом и т. п., был очень аккуратен, [экономен] в хозяйственном отношении и сумел нажить хорошее состояние; так что перед поступлением в обитель, по его собственным словам, имел возможность наградить жену с дочерью и невестку от умершего единственного сына с пятью внучатами достаточным количеством денег. Живя в скиту, отец Николай по старости лет не имел особенных каких-либо послушаний. Он только в назначенные часы читал Псалтирь по благодетелям живым и умершим. Жил тихо и скромно. По его собственному желанию он был пострижен келейно сначала в мантию, а потом, года за два до смерти, и в схиму без перемены имени. Был усерден к службам Божиим и молитвенным правилам. Любимым его развлечением как в миру, так и в скиту, было удить рыбу. Но это не мешало его благочестию. Возвратившись с рыбной ловли, он нередко тотчас же становился перед святыми иконами, читал Псалтирь и молился. Сказывал он о своем сыне единственном, умершем [в молодости], Льве Николаевиче, что он был очень добр и всегда принимал живое участие во всех, обратившихся к нему с какими бы то ни было нуждами, и потому, когда скончался он, великое множество народа собралось на его похороны. Отрадное явление! Сам отец Николай в последние годы своей жизни неоднократно болел, кажется, более инфлуэнцией, также жаловался на боль в ногах, а за несколько дней до кончины испытал тяжкие страдания. Был особорован святым елеем и неоднократно сообщался Св. Христовых Тайн. Наконец, 3 декабря 1907 года и скон-

чался мирною христианскою кончиною, прожив на свете, по его собственным словам, около 80 лет. Рядом вместе с вышеупомянутым отцом Матфием Кузнецовым отец Николай жил в келье, рядом они и похоронены.

55.

Иеросхимонах Савватий

В мире Сергей Андрианович Нехорошев, из мещан города Болхова Орловской губернии, по ремеслу кузнец. В детстве обучался грамоте вместе с другими детьми у настоятеля Болховского монастыря, знаменитого архимандрита отца Макария (Глухарева), бывшего Алтайского миссионера. Поступил в скит в ноябре 1856 года, будучи от роду лет 23-х. Он был небольшого роста, но крепкого телосложения и обладал хорошим телесным здоровьем. Послушание поручено было ему быть помощником пономаря. В это время главным пономарем в скиту был монах отец Флавиан (впоследствии казначей Оптиной Пустыни), человек тоже крепких сил и здоровья. По скитскому уставу, в Оптином скиту в будничные дни вместо служб церковных отправляются в определенной келье соборные молитвенные правила. После этих правил большую часть скитяне, разошедшись по кельям, несколько отдыхают. Но послушник Сергей с отцом Флавианом никогда в это время не ложились отдыхать, а, пришедши от правила, занимались каким-либо рукоделием и в зимнее время оба делали ложки, которые в свое время и относили старцу иеромонаху Макарию. Пономарское послушание и одно — нелегкое послушание. Но в описываемое время пономари были вместе и садов-

никами, и цветниками, и занимались парниками, и потому они находились в непрерывных тяжелых трудах. Из этого времени известен один, происшедший с послушником Сергием случай. «Установлено было старцем Макарием, — так передавал впоследствии сам Сергей, — чтобы каждый скитянин, когда, конечно, поспеют плоды, съедал в день не более трех яблок. В один день очень усилился у меня аппетит на яблоки, и я, конечно, не вдруг, а попеременно, даже и незаметно для себя, кушал яблоко за яблоком, даже и сверх положенного, и к концу дня оказалось, что я съел в день 13 яблок вместо трех-то. А вечером каждого дня необходимо было идти к старцу на откровение своих помыслов, и, тем паче, дел. Думаю, что мне теперь делать? Как показаться к старцу и что говорить? Прихожу, становлюсь по обычаю перед старцем на колена и начинаю говорить не прямо, а издалека: „Простите, батюшка, я ныне много яблок поел“. Старец: „А сколько же ты съел? Пять?“ Отвечаю: „Больше“. — „Шесть?“ — „Больше“. „Семь?“ — „Больше“. „Что же десять?“ — „Больше“. Не дождавшись конца этому „больше“, старец как начал меня рукою по голове стучать! Стук!.. Стук! Тем и завершилось мое откровение». 12 августа 1857 года послушник Сергей указом Консистории определен был в число скитского братства, а в начале 60-х годов пострижен в рясофор. К концу 1860 года отец Флавиан, будучи уже иеродиаконем, по распоряжению начальства оставил пономарскую должность, и Сергей после него сделан был главным пономарем. Послушание это он проходил более 25 лет, до самого иеромонашества, и притом с таким усердием и тщательностью, что поистине мог служить примером для всех пономарей. Во всякое время при нем была такая чистота и опрятность в храме Божиим, что как будто он нарочно готовился к какому празднику. Впрочем, в его время он только и знал одно пономарское послушание, а ходить за садом и цветами приставлены были уже другие.

По любви к чистоте и опрятности, он не раз своими руками, конечно при помощи других, тщательно отмывал закоптелые от каждения ладаном стены и потолок в церкви, на каковой труд последующие за ним пономари уже не решались.

26 октября 1866 года отец Сергей пострижен был отцом игуменом Исаакием в мантию и получил новое имя Савватий. 31 декабря 1872 года он посвящен был в Калуге архиепископом Григорием в сан иеродиакона, а в 1878 году 31 декабря, тоже в Калуге, — в иеромонаха. Летом следующего 1879 года вздумали в монастыре промыть закоптевшую от ладана теплую церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Сам ли иеромонах Савватий поревновал принять участие в этом труде или может быть приглашен был начальствующими, неизвестно. Но только случилось тут несчастье. Промывание должно было начаться с потолка. Для того поставлены были подмости, но по недосмотру строителей не совсем прочные. Потому, когда отец Савватий вместе с другими трудившимися братьями взобрался на эти подмости, они обрушились. Все, на них находившиеся, конечно, попадали на пол, но иные зашиблись, и только. А отцу Савватию свалившаяся сверху тяжелая доска раздробила одну ногу в самом суставе около ступни, так что из раны по времени выпадали малые осколки кости. Да кажется, поврежден был при этом и кострец*.

Отца Савватия тотчас же снесли в монастырскую больницу. Приглашен был из ближней деревни Стенино опытный костоправ, который и связал ему ногу в лубки**. А смотритель больницы, монах Филарет, и сам принимавший участие в трудах по церкви и тоже пораненный, хотя несколько легче, постоянно прикладывал лед к его ране и тем не дал возгореться антонову огню***. Месяцев восемь пробыл отец Савватий в больнице и только в 1880 году на

* Кострец — нижняя часть крестца. — *Примеч. ред.*

** Лубок — внутренняя часть коры, чаще липовой, подкорье; использовался на кровли для укладки под тес, для перевязок при переломах в качестве шин. — *Примеч. ред.*

*** Антонов огонь — гангрена, заражение крови. — *Примеч. ред.*

пятой неделе Великого поста вышел из больницы, а в Великую Субботу мог уже участвовать в соборном служении Божественной литургии. Но хотя нога его и зажила, однако уже до самой кончины не давала ему полного спокойствия. Часто ощущалась в ней боль, особенно когда, бывало, отслужит он Литургию; и ходил большею частью, опираясь на палку. В последние же годы жизни отец Савватий сильно страдал от своей больной ноги. Незадолго до кончины он принял постриг в схиму и скончался мирною христианскою кончиною 9 августа 1895 года, напутствованный в жизнь вечную всеми Христианскими Таинствами. Всего жития его на земле было 62 года.

56.

Схимонах Тимон

В мире Тимофей Петрович Трунов, родом из мещан города Коломны Московской губернии, но жил долгое время в Москве на ткацкой фабрике и управлял [некою] частью работавших на фабрике женщин. Рассказывал он, что однажды, во время работ фабричных, едва не поплатился он своею жизнью. По недосмотру как-то нога его попала в ременную петлю, и потянуло было его кверху. Ткавшие около него женщины испугались и закричали, но сам Тимофей Петрович не растерялся, успел вовремя сбросить с ноги петлю и дать знать, чтобы остановили машину. Иначе всего бы его истрепало как мочалу. Поступил он в скит в октябре 1863 года, имея от роду 41 год. Послушание ему определено было быть келейником у отца Константина, впоследствии отца Климента (Зедергольма), на каковом послушании он находил-

ся до самой кончины отца Климента. По времени к этому послушанию ему прибавлено было и другое — печь хлеба на скитскую братию. Все это он исполнял рачительно и с любовью. Нередко, вследствие вспыльчивого [своего] характера, отец Климент и нехотя оскорблял Тимофея, но он, зная доброту сердца отца Климента, переносил это благодушно, ибо отец Климент так был дружелюбен и благожелателен, что готов был, как говорят, последним поделиться со своим келейником. Потому, когда отец Климент скончался, келейник его долго скучал о нем, даже и с болью сердечною. 14 августа 18[6]6 года Тимофей пострижен был в рясофор. В июле 1873 года он сопровождал за границу, в Швейцарию, отца Климента, который по благословению Оптинских старцев ездил туда для христианского напутствия графа Александра Петровича Толстого, бывшего обер-прокурором Святейшего Синода*; а 1 декабря того же года пострижен был в мантию, при чем дано было ему новое имя Тимон. Будучи знаком вообще с механикой, отец Тимон вздумал обучаться исправлять порченные часы. Скоро он в этом успел и, по благословению старца иеросхимонаха Амвросия, очень удачно поправлял стенные и карманные часы за самую умеренную цену. Однажды он очень искусно сделал для старца костыль и в свое время поднес ему. А старец, взявши костыль, нагнул мастера да так-то славно приударил его по спине новым костылем-то дважды. Не довольствуясь этой наградой, отец Тимон по смирению проговорил: «Еще, в третий раз!» Батюшка и в третий раз не поскупился. Так старец при удобных случаях каждого смирял по-своему.

Издавна у отца Тимона был неисправен желудок, а к концу жизни и совсем испортился. В предсмертной своей болезни он, в продолжение сорока дней, не мог принимать никакой пищи, так как все принимаемое тотчас извергалось вон. В это время предлагали болящему принять пострижение в схиму, но он, не имея надлежащего понятия о схиме,

* Обер-прокурор Святейшего Синода — светский чиновник, назначался Императором и являлся его представителем в Святейшем Синоде, высшем государственном органе церковного управления, пользовался правами министра. — *Примеч. ред.*

отказывался. Раз в болезни, лежа на койке, он размышлял: «Что это такое схима? И для чего ее принимают?» Вдруг он явственно услышал обращенный к нему голос давно скончавшегося старца иеросхимонаха Амвросия: «Схимник!» Приняв это за волю Божию, он немедленно выразил желание постричься, что и было исполнено келейно. В сороковой день его неядения он увидел в сонном видении уважавшегося всем православным миром Кронштадтского протоиерея отца Иоанна, который сказал ему так: «Сорок дней ты постился, теперь Бог да благословит причаститься Св. Христовых Тайн». По слову доброго пастыря церкви Христовой отец Тимон сподоблен был причастия Божественных и Животворящих Тайн, причем рвоты не было. Вскоре затем он с миром почил о Господе. Кончина его последовала 22 января 1894 года. Жития его от роду было более 70 лет.

* Гласный — выборный член земского уездного или губернского собрания или городской думы во второй половине XIX — начале XX вв. — *Примеч. ред.*

57.

Иеромонах Палладий

В мире Петр Семенович Белоусов, из зажиточных третьей гильдии купцов города Устюжны Новгородской губернии. Выговор имел на «о».

В тамошней стороне у жителей особое наречие. Например, крапива там называлась стрикива, де вочка — дево чка и пр. В своем городе Петр Семенович служил по городским выборам гласным* три трехлетия, исправлял некоторое время должность городского головы**, был ратманом***, а потом бургомистром****.

В Оптину Пустынь предварительно он поступил в монастырь в 1860 году 9 сентября 40 лет от роду, но 22 марта 1863 года в пятницу, перед Вербным воскресеньем, по

** Городской голова — выборное должностное лицо с 1785 по 1917 гг., председатель городской думы и городской управы. — *Примеч. ред.*

*** Ратман — выборный член органов городского самоуправления — губернских и городских магистратов и ратуш в XVIII—XIX вв. — *Примеч. ред.*

**** Бургомистр — выборное должностное лицо, председательствовал в магистрате и ратуше в XVIII—XIX вв. — *Примеч. ред.*

воле монастырского начальства, перешел из монастыря в скит ради того, чтобы управлять левоклиросными певчими, так как он мог петь басом простое пение. 28 марта того же 1863 года в Великий Пяток пострижен был в рясофор, а указом Духовной Консистории определен в число скитского братства 12 марта 1864 года. 16 декабря 1867 года пострижен был в скитской церкви отцом игуменом Исаакием в мантию, при чем дано было ему новое имя Палладий. 7 сентября 1869 года он был посвящен в иеродиакона, а в 1876 году, 27 июля — во иеромонаха, во время служения Высокопреосвященного Григория в городе Козельске. 26 июня 1883 года награжден набедренником*. Живя в скиту, отец Палладий, кроме пения и очередного, начиная с иеродиаконства, служения, по поручению скитского начальства вел скитскую летопись и кое-что писал по уставу. В обхождении с братьями был очень прост. К слову заметим здесь, что отец Палладий был тучного телосложения, так что монастырский иеромонах отец Леонтий (Мигунов) всегда относился о нем так: «В отце Палладии столько толстоты, сколько же и простоты». Очень хорошо отец Палладий знал церковный устав и к концу своей жизни некоторое время в скиту отправлял должность уставщика. От него были ценные пожертвования в скитскую церковь. Например, 12 февраля 1872 года по его ходатайству привезен был от братьев его на диаконский стихарь** серебряный глаzet*** с прикладом стоимостью в 115 рублей. Кажется, были и еще ценные вклады. Во все время жизни своей отец Палладий пользовался хорошим здоровьем. Но вот в марте 1888 года неожиданно старец отец Амвросий присылает к нему своего келейника с таким решительным повелением: «Скажи отцу Палладию, чтобы он немедленно принял постриг в схиму и оособоровался». Отец Палладий, не быв приготовлен к сему мыслию, отклонил предложение старца, сказав: «Что это? Я здоров». Вскоре затем старец в другой раз присылает к

* Набедренник — четырехугольный плат, подвешиваемый на ленте за два угла к поясу, носится во время Богослужения на правом бедре. С середины XIX в. является первой наградой для священника. — *Примеч. ред.*

** Стихарь — священная одежда: прямая, длинная, с широкими рукавами; богослужебное облачение священно- и церковнослужителей. — *Примеч. ред.*

*** Глаzet — сорт парчи с вытканными на ней золотыми или серебряными узорами. — *Примеч. ред.*

нему келейника с тем же повелением. Отец Палладий и в другой раз отказался от предложения. Наконец старец в третий раз присылает сказать, чтобы скорее постриглся и соборовался. После сего отец Палладий уже согласился, сказав: «Ну, пожалуй!» Но пока собирались и готовились к совершению Святых Таинств, с отцом Палладием последовал паралич. Он весь расслабел, и язык [у него] отнялся, но был в памяти. Потому его предварительно особоровали, а затем спросили, желает ли он сообщиться Св. Христовых Тайн. Не имея возможности говорить, он ясно давал знать губами, что желает. Его тотчас и сообщили. Но постричь в схиму не успели. Он мирно скончался о Господе 22 марта помянутого 1888 года на 68 году от рождения. На третий день после кончины, по обычаю, были похороны. Тело отца Палладия лежало в гробу как живое, ни малейшего мертвенного запаха от него не было.

58.

Иеродиакон схимонах Сергей

В мире Симеон Феодотович Трунов, сын помещика Курской губернии, Щигровского уезда Феодота Саввича, имение коего было в селе Больших Щиграх.

Прибыл в Оптину Пустынь в 1833 году вместе со старшим братом своим Павлом. Оба они ушли в монастырь тайно от родителей, которые немало поскорбели о сем, но впоследствии, узнавши, что дети их поступили в святую обитель на служение Богу, простили им это спасительное своеволие. Павлу в то время было 20 лет, а Симеону не более как лет 16. В скит ли прямо поступил Симеон или предварительно в монастырь, достоверно неизвестно, но только в сороковых

годах XIX столетия он по спискам уже показан в числе скитских насельников. Так как он поступил в обитель в очень молодых летах, то и долго пришлось ему ждать приуказки. Она последовала только 4 декабря 1853 года. А в 1857 году 7 сентября он пострижен был в мантию с получением нового имени Сергия. 17 августа 1862 года посвящен был в иеродиакона, но с февраля 1873 года, по случаю потери голоса, церковных служб не мог отправлять. Иеродиакон Сергий в свое время отличался твердым и точным знанием церковного устава, которое прекрасно усвоил себе под руководством великого Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Келейным его занятием было письмо по уставу. Он прекрасно написал целую книгу, именуемую «Лествицею» святого Иоанна Лествичника. Одновременно с отцом Сергием жил в монастыре искусный писец, монах Астион, который тоже всю эту книгу переписал по уставу своею рукою. По благословению же старца отца Макария «Лествица» монастырского монаха Астиона поступила в скитскую библиотеку, а «Лествица» скитского монаха Сергия — в монастырскую, на память о них обоих. Кроме того, отец Сергий и скорописью писал очень хорошо. Вместе с тем отец Сергий весьма искусно вырезал [параманные] кресты* из дерева и из кости. В настоящее время крест из кости его работы хранится в святом алтаре скитской Предтечевой церкви, надетый на венец Калуженской [иконы] Божией Матери, украшенной серебряной ризой с камнями, которая вместе с другими иконами стоит за престолом на горнем месте.

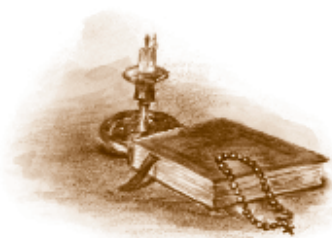
* Параманный крест — принадлежность облачения инока, носится на груди, обычно четырехконечный с двумя ушками на концах вертикальной ветви. — *Примеч. ред.*

При доброте сердца и мирном и тихом характере, добрый отец Сергий имел и недостаток. Пришедши в надлежащий возраст, он побежден был немощью поддаться страсти излишнего винопития. Но так как в скиту строго за этим следят и еще строже взыскивают с ви-

новых, то отцу Сергию приходилось много терпеть за свою оплошность. Его, старика, становили в трапезе на поклоны в продолжение всего братского обеда, запирали в особую келью на несколько дней, на хлеб и на воду. И он беспрекословно подчинялся всем требованиям начальства, стараясь ни в чем не нарушить возлагаемой на него епитимии. Так, однажды, сидел он голодный в уединенной келье. Сжалившись, наблюдавший за ним монах предложил было ему чашку чаю. Но отец Сергей смиренно ответил: «Нет, уж как определено, так и пусть будет». В июле 1884 года отец Сергей заболел внутреннею болезнью и по этой причине перебрался из скита в монастырскую больницу, в которой того же месяца 30 числа был особорован святым елеем и пострижен в схиму без перемены имени. Весь август месяц он постепенно ослабевал в силах, не ощущая при этом в теле никакой боли. Неоднократно в это время сообщаем был Св. Христовых Тайн. Наконец ночью при наступлении 31 числа августа, во время утрени, скончался мирною христианскою кончиною. По опрятании тела и положении во гроб его вынесли во Владимирскую церковь, где братиями денно и нощно читается Псалтирь по усопшим и живым братиям и благодетелям, а 2 сентября, в воскресный день (кстати празднование чудотворной Калуженской иконы Божией Матери), перед раннею обеднею, оно перенесено было из монастыря в скитскую Предтеченскую церковь, и после Литургии, по обычаю было отпето и погребено на скитском кладбище. Чин погребения совершали три скитских иеромонаха и один иеродиакон, а повечерие на погребении пели монастырские. Всего жития иеродиакона Сергия во юдоли сей плачевной* было 67 лет, из коих проведено было им в монастыре 51 год. Царство Небесное доброй душе его!

* Юдоль плачевная (Пс. 83, 7) — долина плача, в духовном значении — жизнь на земле, исполненная бедствий и слез. — *Примеч. ред.*

Схимонах Макарий

В мире Матвей Яковлевич Грузинов, родом из Петербургских купцов. Мать его, принявши ангельский образ, известна была под именем схимонахини Мелании, и была благотворительница Оптиной Пустыни. Отец Макарий предварительно жил в Александро-Свирском монастыре, и был учеником и приближенным человеком великого приснопамятного старца, иеромонаха Леониды (в схиме Льва). Там он в 1826 году и в мантию пострижен с именем Макария. Когда же старец Леонид перешел на жительство в Оптинский скит, тогда и отец Макарий прибыл сюда же. Это было в 1829 году. С того времени, а может быть еще и прежде, он был у старца келейником, и находился при нем безотлучно до самой его кончины. В 1836 году старец Леонид, по воле епархиального начальства, переведен был из скита в монастырь. И отец Макарий следовал за ним. Любил он пребывать в келье и по возможности держался уединения и молчания. Никогда бывало сам не выйдет из кельи, пока его не позовут. Соберутся например келейники старца ужинать, или начнется келейное бдение у старца, вдруг хватятся — отца Макария нет. Его забыли позвать, а он преспокойно сидит в своей келье. Был он хорошим чтецом и на келейных бдениях и молитвенных правилах у старца всегда читал канон. По разрешению старца он в келье у себя прочитывал и газеты, и после передавал старцу вычитанные им новости. Между прочим отец Макарий так пристрастился к газетам, что и после всегда читал их, но это впоследствии нехорошо отозвалось в его духовной жизни. Любимым его занятием в келейном уединении было, по благословию старца, писать иконы и портре-

ты, но только он не очень искусно владел живописною кистью. Замечания, которые приходилось по этому поводу слышать отцу Макарию, принимал он без огорчения, всегда соглашаясь с мнениями других, какого бы рода они ни были. Бывало кто-нибудь, рассматривая его искусство, скажет: «Отец Макарий! Ведь портрет-то у тебя вышел не хорошо!» — «Да, да, — смиренно ответит он, — не хорошо, не хорошо». Если же, продолжая его испытывать, скажет наоборот: «Впрочем, если хорошенько всмотреться, то пожалуй портрет-то и не совсем дурно написан», — он и опять соглашается: «Да, да, порядочно». Вообще отец Макарий имел нрав тихий и кроткий, и был незлобив, как малое дитя. Зная его незлобие, старец Леонид и другие монахи нередко подшучивали над ним, но он все это переносил благодушно с самоукорением и всегда и всем и во всем уступал. По кончине старца отца Леонида отец Макарий возвратился в скит. Тут случилось с ним искушение. 16 января 1849 года он поддался лукавому помыслу сходить без благословения старца, [уже отца Макария (Иванова)], в Козельск, (верстах в двух от монастыря). Но вскоре поднялась сильная вьюга, и отец Макарий сбился с дороги. В глубокий вечер он потерял в снегу валеный сапог с одной ноги и едва добрался до сенных сараев, где и переночевал, а морозу в ту ночь было 24 градуса. Потому он отморозил у себя одну ногу, так что после сего до самой смерти ходил на деревяшке, опираясь при том на костыль, и много пострадал он от больной ноги. Вследствие сего он в 1850 году выключен был за штат. Сочувствуя сильной от ноги боли, Козельский врач Плетнер предлагал отцу Макарию отнять поврежденные морозом части без боли, при помощи хлороформа, но он не согласился и решился терпеть боль как наказание Божие, посланное ему за самочиние. И терпел благодушно, так что братия удивлялись его терпению и пользовались этим примером. Впоследствии, вспо-

миная о старце отце Леониде, отец Макарий сказывал, что старец в свое время неоднократно говаривал ему: «Ерема ты, Ерема! Сидел бы ты дома, точил веретёна!» Под точением веретен, думается, не разумел ли старец занятия в уединенной келье молитвенным четочным правилом? В то время отец Макарий не понимал смысла слов старца, которыми он предостерегал его от искушения, а после понял. С 1850 по 1861 год в соседстве с отцом Макарием жил иеромонах Иннокентий (в схиме Иов), который ради Господа принял на себя труд ходить за больным и покоить

его. И он так свято исполнял свой долг и с таким усердием и любовью заботился об отце Макарии, что когда скончался, то болящий отец Макарий до того опечалился, что и не думал пережить эту потерю. Совершенно растерявшись, он всем прямо говорил: «Нет, уже и мне не жить, нет, умру

и я, — не могу жить после него». Однако Господь судил иначе. Отец Макарий пожил еще несколько лет после отца Иннокентия. Кончина его последовала от паралича. 1 августа 1868 года с ним был первый легкий удар. Немедленно после того он был особорован святым елеем и приобщен Св. Христовых Тайн, после чего ему сделалось легче. 17 февраля 1869 года последовал второй удар, но и после сего ему становилось лучше. Хотя он чувствовал слабость, но все же особенного с ним ничего не произошло. Наконец, 3 мая того же года во время обеда последовал третий, самый сильный удар, после которого он остался без памяти, ничего не говорил и не стонал, а был как бы во сне, и до самой кончины лежал на правом боку. Впрочем, перед самою кончиною сознание к нему возвратилось, и

он мог даже выговаривать некоторые слова. 5 мая вечером, когда уже с часу на час ожидали кончины умирающего, к нему приставлены были два молодых послушника наблюсти за ним. По рассказу одного из них, Владимира Фокина, они, по неопытности своей, обратились к отцу Макарию с искусительным вопросом: «Батюшка! Боитесь ли вы смерти?» А тот, находясь в благодушии, имел неосторожность ответить им так: «Да кажется, не боюсь». Затем послушники сели за столик и при свете свечи занялись чем-то между собою. Вдруг послышался от умирающего такой потрясающий душу стон, что оба они пришли в ужас, и тотчас жизнь старца угасла. Нелишне при сем будет заметить, что до тех пор смерть для нас бывает не страшна, пока не заглянула нам в очи. Кончина отца Макария последовала 5 мая 1869 года в понедельник третьей седмицы по Пасхе, в девять с половиною часов вечера, накануне тезоименитства своего духовного друга и сотаинника, вышеупомянутого иеромонаха Иннокентия, в схиме Иова. Всей его земной жизни было более 80-ти лет. На третий день после кончины, 7 мая, после окончания Литургии, были похороны. На отпевание тела выходил настоятель обители отец игумен Исаакий с шестью иеромонахами. Тело похоронено рядом с могилою иеромонаха Иннокентия. Вечная память простому и незлобивому старцу-страдальцу!

Иеромонах Иннокентий

Иеромонах Иннокентий (в схиме Иов), в мире Иван Владимиров, сын священника. По окончании курса семинарских наук он был посвящен в диакона в село Воскресенское, Городня тож Московской епархии Коломенского уезда, но, овдовев, в 1824 году определил оставшуюся малолетнюю дочь свою Агриппину* в одно из отделений Московского Воспитательного Дома для призрения сирот духовного звания а сам, следуя влечению сердца своего, вступил в Московский Андрониев монастырь. По надлежащем искусстве диакон Иван Владимиров пострижен был в монашество, наименован Иннокентием и посвящен в иеромонаха. Примерное усердие к Божественной службе и рачительное прохождение возложенных на него послушаний скоро обратили на него особое внимание настоятеля обители, и потому, в течение 19-летнего его пребывания в Андрониевом монастыре, на него возлагались разные, соединенные с особым к нему доверием, должности. Так, он временно исправлял должность казначея, долгое время заведовал монастырскою в городе часовнею, которая, при его попечении, получила хорошее благоустройство, и был часто посылаем для служения в домовых городских церквях. Получив же, по положению штатных монастырей, определенную ему сумму денег, он, за необходимым для себя расходом, употреблял их на нужды бедных и, следуя заповеди

* Эта дочь его по окончании своего воспитания занималась несколько лет воспитанием детей со званием гувернантки; но, к утешению своего родителя, года за два до его кончины, познав суету мирской жизни, вступила в лик дев, уневестивших себя Небесному Жениху Христу, в Борисовской Тихвинской пустыни Курской губернии и приняла постриг в мантию с именем Арсения. — *Примеч. в рукописи.*

Спасителя творить милостыню так, чтобы шуйца не знала, что творит десница, тайно разделял, что мог, заключенным в тюрьмах и долговых отделениях.

Несмотря на благоволение к отцу Иннокентию Московского духовного начальства, он, как любитель безмолвия, тяготясь молвою городской жизни, стал помышлять о водворении себя в одной из пустынных обителей и проситься, чтобы уволили его из штатного монастыря. Три года он был удерживаем своим монастырским и епархиальным начальством, которому жаль было потерять в нем на всякое благое дело уготованного инока; но наконец, принуждены были уступить его усерднейшему прошению. Промысл Божий указал ему тихое пристанище в Оптиной Пустыни. Он прибыл в нее 15 декабря 1843 года и, водворясь с благословения настоятеля обители в устроенном при ней ските, прожил в оном неисходно более 17 лет, до самой своей блаженной кончины. Здесь он с самого начала благоустроил свою жизнь сообразно той главной цели, которую имел при перемене пребывания во граде на жительство в пустыни, то есть с редким постоянством и терпением отсекал все поводы, служившие к нарушению любимого им безмолвия, не только внутреннего, но и внешнего. Так, например, во все свое пребывание в скиту он почти никого не принимал в свою келью. Многие из скитских братьев, живших в скиту по несколько лет, впервые переступили порог кельи безмолвнолюбивого старца лишь перед самой его кончиной. Не любил он и бесполезных разговоров и потому старался избегать встреч не только с посторонними, но и со своими братьями. Единственным его собеседником и сотаинником был сосед его по келье, вышеописанный мантийный монах, страдавший от ног, отец Макарий (Грузинов), один из учеников покойного старца иеросхимонаха Льва. Приняв на себя, в виде послушания и единственно ради Бога, по влечению своего доброго сер-

дца, обязанность исполнения необходимых для больного услуг, отец Иннокентий свято исполнял эту обязанность до последней своей предсмертной болезни и, по собственному свидетельству о нем самого отца Макария, был для него всем — попечительным отцом, незаменимым другом и духовным сотаинником. Их духовный союз, основанный на чувстве христианского милосердия, с одной стороны, и на чувстве благодарности — с другой, был образцом для всех братьев.

Вместе с тем отец Иннокентий был весьма усерден к церковным службам. Не обаяваясь, по собственной болезненности, очередными монастырскими служениями, он, однако, никогда не отказывался от приглашения к служению в скитской церкви без какого-либо особенного повода, который заключался, главным образом, в тяжелой его болезни — в кресте, который он безропотно нес в течение многих лет своей жизни. Когда же болезнь эта уступала и он чувствовал себя в силах, тогда, отслуживши в скиту Литургию, любил ходить к поздней обедне в монастырь в воскресные дни, а также и в праздничные; причем ему поручали читать после причастного стиха для народа избранные поучения. Отец Иннокентий имел такой замечательный дар произносить поучения, что, просмотрев назначенное к чтению слово заранее, он усваивал его себе, как собственное произведение, и произносил с такою ясностью, силою и чувством, что не оставалось желать ничего более самому взыскательному слушателю. Впрочем, он не вдруг решился употребить этот дар в дело, из опасения поработиться тщеславию. Он объяснил это опасение жившему тогда в скиту старцу духовной жизни отцу игумену Варлааму и получил от него такой ответ: «Имей в виду не тщеславие, а пользу слушателей, и Бог покроет тебя от первого». С тех пор отец Иннокентий старался по возможности неопустительно своим даром служить Гос-

поду Богу, сказывая в церкви к народу поучения. Между тем одновременно с отцом Иннокентием живший в скиту монах Иоанникий (в схиме Леонид), человек с открытым и твердым характером, по временам смирял его. Идет, бывало, отец Иннокентий в монастырь говорить поучение, а отец Иоанникий встретит его на дорожке у скитских ворот и начнет ему напевать: «Что? Что? Куда идешь? Думаешь, что без тебя-то уж там и прочитать некому?» Но смиренный отец Иннокентий, не отвечая ему ни слова, протрется мимо него боком и уйдет. Видно было, впрочем, что отец Иннокентий нисколько не оскорблялся на отца Иоанникия за его замечания, потому что, когда этот последний перешел на жительство в Калужскую Тихонову пустынь, отец Иннокентий, обратясь как-то к иеромонаху (впоследствии старцу) Амвросию, сказал: «Врач-то, врач-то наш уехал!» Так проповедник Слова Божия смотрел на замечания своего собрата как на врачевство духовное против тщеславия, которое, по слову святых Отцов, приражается ко всем: и к новоначальным, и к средним, и даже совершенным монахам. Богомольцы же, посещавшие обитель, любили слушать старца отца Иннокентия. Когда он всходил на амвон для чтения поучения, после движения народа вперед, для того чтобы стать поближе, водворялась совершенная тишина — знак глубокого внимания. Сказывая какое-либо проникнутое одушевлением слово (что часто встречается у святых Отцов) или читая к народу в Великий пост слезоточивые мольбы святого Ефрема Сирина, старец и сам проникался чувством умиления и изливал обильные слезы, вызывая их и у благочестивых слушателей.

Отец Иннокентий, по свидетельству отца Макария, соседа его по келье и сотаинника, во всех своих поступках отличался необыкновенною точностью и умеренностью. Воздержание его не только никогда не переходило пределов недозволенных, но нередко он отказывал себе и в необ-

ходимом. Занимаясь по целым дням чтением и выпискою замечательных, по его соображению, мест, он нарушал любимое свое молчание лишь только для поведания своему больному соседу прочитанного в истории и учительских церковных книгах. Любимым его чтением, после книг Священного Писания, были Пролог и Четьи-Минеи святителя Дмитрия Ростовского, которые он, обладая счастливою памятью, знал почти наизусть. Когда что-нибудь рассказывал, приводил тексты из Священного Писания или подкреплял свою всегда духовную беседу примерами из действительной жизни святых. Никто из живых в обители современников отца Иннокентия не мог сказать, чтобы он в течение многолетнего своего в скиту пребывания кого-либо обидел или пороптал на что-либо. Бега от людей, он бежал более, как яда змеиного, осуждения, клеветы и злоречия, заграждая от них уста свои и уши. Если кто начинал с ним подобный разговор, он, не взирая ни на какое лицо, тотчас же удалялся, не ответив ни слова, и тем оберегал себя и собеседников от душевного вреда.

Общее всех братий уважение к отцу Иннокентию за его примерную скромность и любовь к уединенной жизни завершилось наконец тем, что одновременно живший с ним в скиту, всеми почитавшийся покойный великий старец, иеросхимонах Макарий, в последние годы своей жизни избрал его своим духовным отцом. Отец Иннокентий напутствовал сего блаженного старца Таинством покаяния и в жизнь вечную; по преставлении же его служил по нем в скитской церкви сряду с лишком 20 дней заупокойные Литургии, а через несколько месяцев после сего и сам отозван был Господом в Горние обители. Как бы предчувствуя близость своей кончины, отец Иннокентий принес в дар упокоившему его на старости лет скиту остаток прежнего своего достояния, устроив тайно в скитскую церковь на местные иконы Спасителя и Божией Матери сребропоз-

лащенные ризы, коими сии украшены были в праздник Рождества Христова в 1860 году. А 24 января следующего 1861 года он заболел внезапным упадком сил и болел ровно две недели, не употребляя в это время ни медицинских пособий и почти никакой пищи, подкрепляясь в духе лишь частым причащением Св. Христовых Тайн. Строго хранивший безмолвие во все время пребывания своего в скиту, отец Иннокентий в предсмертной своей болезни отворил дверь кельи своей для всех, приходивших к нему и, утешаясь общею к нему любовью и уважением братии скита и монастыря, любовно и назидательно беседовал с каждым; притом многим преподавал такие наставления, которые ясно показали, что старец не даром жил в безмолвии. Вообще предсмертные беседы его вполне выразили благодатное настроение духа его и благое уготовление к исходу из сей жизни. Когда приготавлились к совершению над болящим Таинства елеосвящения, которое и совершенно было 4 февраля, один из иеромонахов, обратившись к нему, сказал: «Батюшка, Бог даст, Таинство это послужит вам к исцелению души и тела». — «Верю, — отвечивал отец Иннокентий, — но овым, по апостолу, воня духовная в живот, овым же в смерть»*, — давая сим разуметь, что, веря в спасительную силу Таинства, он, тем не менее, предчувствует, что оно послужит спасительным напутствием к мирному исходу его души из телесного состава его. Далее, когда старец уже находился в крайнем изнеможении, один из старших братий спросил его: «Не желаете ли чего, батюшка?» Собрав последний остаток сил, он ответил с расстановкой: «Желаю... разрешиться... и со Христом быть». И это были почти последние слова его из его благоглаголевых уст. Отец Иннокентий скончался о Господе 16 февраля 1861 года, на 72 году от рождения,

* Ср.: 2 Кор. 2, 16.

удостоившись в тот же день поутру последний раз приобщиться Св. Христовых Тайн, оставив по себе память с похвалою во всех, знавших доброго старца. Когда пострижен был он в схиму, неизвестно, но можно полагать, что, по исстари заведенному в Оптиной Пустыни обычаю, незадолго перед кончиною.

61.

Схимонах Вассиан

В мире Василий Гаврилов, по происхождению был из крепостных крестьян помещицы Филатьевой, Жиздринского уезда, Калужской губернии, в имении которой был старостою, но при помощи Козельского потомственного почетного гражданина Александра Дмитриевича Брюзгина вдовым отпущен с дочерью на волю в 1808 году. Сам он, пробывши три года послушником сначала в Калужском Архиерейском Доме, в 1812 году поступил в Оптину Пустынь, а дочь его в Белевский монастырь Тульской епархии. В 1814 году 13 ноября определен он указом Духовной Консистории в число Оптинского братства. В 1818 году пострижен был в мантию, а в 1820 году всхимусамим Калужским святителем Филаретом. В 1821 году, когда, с благословения [сего] Калужского преосвященного Филарета (впоследствии Киевского митрополита) вызванные им из Рославльских лесов пустыnnики положили начало основания оптинского скита, и отец Вассиан, как трудолюбец, обладая крепким здоровьем и хорошими телесными силами, присоединился к ним и принимал самое живое участие в трудах их, очищая избранное для скита место от вековых сосновых деревьев, собственны-

ми руками вырубая и выкапывая их глубокие и ветвистые корни. Вместе с тем отец Вассиан был неподражаемый постник и весьма усердный молитвенник; по простоте же своей поддался вражиему искушению чрез неблагожелательных к великому старцу Леониду людей и долгое время был противником старца и старчества. Но так как это был грех неведения, то старец, по милосердию Божию, сподоблен был великой милости Божией, чего свидетельством была его блаженная кончина. Выписываем сведения о сем дословно из скитской летописи. Там в сентябре 1857 года написано следующее:

О кончине схимонаха Вассиана

Кончина сего притружденного старца* была, согласно церковной молитве, безболезненная, мирная, тихая. Посему уповаем, что ждет его ответ непостыдный на Страшном Христовом Судище. Он еще на ногах причащался в последний раз в церкви, по обычаю, в наш скитский праздник 29 августа*. Во вторник 3 сентября заболел, чувствуя лихорадку, и стал заметно ослабевать, почему причастился в среду 4-го. Чувствуя себя лучше, подкрепился пищей, но 7-го утром в субботу причастился уже в последний раз. Вечеру, во время вечерни, его осекороваали, а во время бдения он тихо скончался. Во время соборования сидел и прощался с братией словами: «Бог простит! Простите меня грешного!» За несколько часов до кончины беседовал ясно с приходившими. Так, после соборования простился с батюшкой отцом Макарием (старцем), незадолго до бдения — с иеродиаконотом отцом Исаакием (впоследствии настоятелем обители), которому, между прочим, сказал: «Да, рабе

* Притруженный (старец) — утомленный многими трудами. — *Примеч. ред.*

* Усекновение главы честного пророка и Предтечи Господня Иоанна. — *Примеч. в рукописи.*

Божий, путь непроходный!» И на просьбу молитв сказал: «Помолись и за меня, грешного» и свое обычное выражение: «Спасет тебя Бог, рабе Божий!» За несколько минут до кончины уже охладевшей рукою крестился, шепча устами молитву Иисусову, и испустил дух мирно и тихо. Тело при одевании было мягко и гибко, каковым осталось и до погребения. Лицо белое, воскоподобное. Запаху, как все присутствовавшие могли засвидетельствовать, не было ни малейшего. Погребение происходило во вторник 11 числа. Совершал оное после обедни сам отец архимандрит Моисей, который служил и обедню с двумя иеромонахами: Пафнутием и Иларионом, и двумя иеродиаконами: Пахомием и Иларием. На погребение еще облачились два монаха: отец Пимен и отец Ювеналий. Из гостей были: прибывшие накануне казначей Сергиевой Лавры иеромонах Димитрий (впоследствии архимандрит Задонского Богородицкого монастыря), и строитель Тихоновой Калужской пустыни отец Паисий, и почитатель старца (отца Вассиана) Александр Димитриевич Брюзгин. Погребен на скитском кладбище по правую сторону креста (если смотреть лицом на запад) в склепе, выложенном кирпичом. В мирной кончине старца исполнилось, видимо, для всех благоволение Божие о подвижающихся до конца в постнических наших подвигах. Он был старец подвижный*; почти 50 лет провел в монашестве, из коих 30 в уединенном пребывании среди скита, в особой келье, среди небольшой рощицы, им возвращенной. Был воздержен до того, что никогда не разрешал ни по какому случаю вино, не пил вообще чаю, носил власяницу и усердно исполнял свое схимническое правило. К церковной службе был усерден; и в последнее время хотя и не мог всю выстаивать, но всегда ходил в церковь и, уставая, сидел и [иногда] дремал, но всех церковных собраний не оставлял. Каждую субботу за обедней причащался Св. Христовых Тайн. Были с ним в

* Подвижный (старец) — любящий иноческие подвиги (пост, поклоны, бдения, утеснения плоти). — *Примеч. ред.*

течение его долгой жизни и искушения, но происходили более от простоты и внушения недоброжелательных людей, которые возбуждали в нем зависть к апостольскому служению старца (иеросхимонаха Леонида) превратными толкованиями. Они возбуждали его, под предлогом ревности, противодействовать тому, чего он по простоте своей не мог понять. Но все это — искушения человеческие, которые случаются со всеми на пути жизни. Конец же венчает дело. А его дело было увенчано, как мы видели, доброю, мирною и безболезненною кончиною.

Вечная тебе память, притруженный старче! Помолись и о нас, вступивших в подвиг иноческий в день твоей доброй кончины, которая составляет лучшее напоминание иноку в начале его подвигов*. Старцу, по его счету, было около 100 лет, а по спискам 90. Родом из Жиздринских крестьян, пришел в обитель сию еще в 1812 году. Жил сперва в Калуге при Архирейском Доме у преосвященного Евлампия.

Настоятель обители отец архимандрит Моисей имел в свое время отца Вассиана своим сотрудником по очистке места от вековых деревьев для основания скита, почтил его приличным памятником, который отлит из чугуна. На лицевой его стороне в малом виде поясное изображение Господа нашего Иисуса Христа, а под изображением следующая надпись, составленная самим отцом архимандритом Моисеем:

«Под сим памятником погребено тело скитского старца схимонаха Вассиана, скончавшегося с упованием на Божие милосердие сентября 7 дня 1857 года, девяносто семи лет от рождения своего. Сей блаженный старец — схимонах Вассиан родом был Жиздринского уезда, из крестьян.

* Летописец монах Леонид Кавелин (впоследствии архимандрит, наместник Троицкой Сергиевой Лавры) понимает здесь себя, так как он вместе с другими, в самый день кончины отца Вассиана, пострижен был в мантию. — *Примеч. в рукописи.*

В монастырь вступил 1812 года, в монашество пострижен 1818 года, а потом в 1820 году в схиму был пострижен он преосвященным Филаретом Калужским».

На задней же стороне продолжение надписи: «С самого вступления своего в монашество старец сей провождал жизнь более подвижническую: носил на теле своем железные вериги, пищу всегда употреблял он постную, не вкушая молочного и рыбы, кроме самых великих праздников — Св. Пасхи и Рождества Христова; а вина и чаю во всю иноческую жизнь свою не употреблял никогда. К церковному Богослужению был весьма усерден, притом и келейным правилом занимался почти непрерывно, прочитывая ежедневно Псалтирь и акафисты со многими земными поклонами. Каждую неделю приобщался Св. Тайн Христовых. В Великий пост — первую и последнюю седмицу проводил без пищи; а в 1818 году, будучи в силах, поревновал древним отцам испытать себя в чрезвычайном посте Бога ради, не вкушая пищи во весь Рождественский пост, также и во всю Четыредесятницу Великого поста. Притом выдерживал многие искушения козней бесовских силою веры и любви ко Господу. Был неутомимо трудолюбив, любил крайнюю нищету, не имея в келье ничего, кроме икон святых; и по кончине его ничего не осталось, кроме изношенной и ни к чему не годной одежды, — и тем подал братии всей весьма назидательный пример подвижнической зело жизни».

«За все таковые подвиги да упокоит господь Бог душу раба Своего со святыми в Небесном Царствии Своем!»

Иеромонах Иларий

В мире Иван Иванович Червячков или Гурьянов, из Козельских купцов. С детства часто бывал он в Оптиной Пустыни и до поступления в монастырь пользовался наставлениями старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Однажды, — рассказывал он, — готовясь к Св. Причастию и исповедовавшись у одного из монастырских духовников, почувствовал в душе смущение и перед самой Литургией пошел объяснить об этом старцу. Старец, как имевший от Бога дар напоминать относившимся к нему забвенные грехи, сказал: «Вероятно, смущение твое происходит от того, что не все исповедал духовнику, что следовало бы исповедать» и потом в несколько минут искусно напоянул ему сам о всех неисповеданных им согрешениях, говоря так: «Может быть, ты то-то делал и то-то?» Когда же Иван Иванович сознался, что действительно виновен в напоянутых старцем грехах, тогда старец сказал: «Беги скорее к духовнику и покаяйся». После того смущение его исчезло, и он в мирном устроении [души] приобщился Св. Христовых Тайн. В скит поступил Иван Иванович в начале 40-х годов уже после кончины старца Леонида. С января 1844 года по январь 1846 года был он в скиту братским поваром. 14 июня 1846 года указом Духовной Консистории определен в число скитского братства. Из кухни он взят был в келейники к старцу батюшке отцу Макарию, каковую обязанность отправлял до ноября 1852 года. Когда же старцем Макарием было ему сказано, что он должен оставить келейническое послушание, он испросил у старца благословение взять для своих келейных потребностей несколь-

ко полотенцев и другого мелкого белья, чего у старца от усердствовавших благотворителей было всегда в запасе много. Старец дозволил ему взять, сколько ему хотелось, и он забрал потому очень достаточное количество. Келья определена была ему на пасеке. И вот в первую же ночь пребывания его в новой келье, когда он с прочими скитянами ушел на утреннее правило в соборную келью, забрались к нему какие-то воры и все у него покрали. 29 июня 1852 года Иван Иванович пострижен был в мантию с именем Иларию. 16 июня 1855 года рукоположен в иеродиакона, а 13 августа 1862 года — в иеромонаха.

Отец Иларию отличался особою простотою и незлобием и пользовался любовью всей скитской и монастырской братии. При жизни старца Макария отец Иларию имел духовное отношение к нему, а после — к его преемнику батюшке отцу Амвросию в простоте сердца с верою и послушанием. Когда старец Макарий был жив, он произнес об отце Иларии такой отзыв: «Иларию не из таких людей, что, по общепринятому выражению, схватывают звезды с неба, а в дело годится». И действительно, годился в дело. По назначении в 1862 году жившего в соборной келье иеромонаха Илариона скитона начальником и перешедшего в начальнический корпус, отец Иларию перемещен был на его место в соборную келью, а с 1863 года и до кончины своей был помощником монастырского духовника и заслужил общую любовь своих духовных [чад]. Келейным занятием его в свободное время было делание ложек, а также и писание уставом. Он писал уставом хорошо, и когда книга преподобного Исаака Сирина не была еще напечатана, всю ее переписал для себя. А теперь рукопись эта хранится в скитской библиотеке.

С начала 1872 года, когда скитона начальник иеромонах Иларион сильно заболел, отец Иларию почти бессменно один отправлял в скиту церковные службы. Вообще здо-

ровье его было крепкое, изредка только по временам страдал он от головной боли, которая всегда продолжалась у него аккуратно одни сутки, после чего он опять чувствовал себя вполне здоровым. В то время как скитоначальник отец Иларион болел уже предсмертною болезнью, некоторые из братии обращались к нему с такими словами: «Вот, батюшка, оба наши старца (иеромонах Амвросий и иеромонах Иларион) больные. Скончается отец Иларион, вас тогда поставят скитоначальником». На эти слова у отца Илария бывал всегда один ответ: «Э! они еще нас переживут!» По отношению к самому отцу Иларию слова эти были пророчесственными, хотя, без сомнения, отец Иларий не придавал им этого значения. Настал сентябрь 1872 года. Отец Иларий, по заведенному в скиту обыкновению, отправился 14 сентября с некоторыми из скитских братьев на скитскую лесную дачу или хутор собирать грибы — рыжики, которых в этот год был большой урожай. Несмотря на дождливую погоду, они пробыли там двое суток. 16 сентября отец Иларий возвратился в скит и, несмотря на то, что чувствовал сильную простуду, 17 числа в воскресенье отправил полную церковную службу. 18-го же в понедельник он опять ходил, только уже недалеко от скита, в лес за грибами, до которых, кстати сказать, был большой охотник, и еще более простудился. Однако в этот день он еще был на общем послушании, вместе с прочими скитянами чистил свеклу. Во вторник слег в постель, но никто не догадывался, что болезнь его опасная. В пятницу 22 числа, когда болезнь отца Илария еще более усилилась, ему предложили исповедаться и причаститься Св. Тайн. Он изъявил было желание причаститься на следующий день в субботу, но старец батюшка отец Амвросий нашел нужным не откладывать это. В три часа пополудни он посетил болящего, который успел исповедаться у него и объяснил все, что нужно было для его успокоения душевного. После

того отец Иларию был сообщен Св. Христовых Тайн, а во время вечерни совершено было над ним Таинство елеосвещения. В эти дни один из скитских братьев видел замечательный сон: будто отец Иларию лежит в темной комнате, которая была полна бесов. Вдруг сделалось смятение. Послышался голос: «Идет исповедовать!», и бесы, проговорив: «А мы хотели было сделать его миллионером», все исчезли. Тем объяснялся этот сон, что отец Иларию при жизни собирал деньги, как говорили в то время, на постройку кельи для какой-то своей родственницы, но, вероятно, старцу-духовнику не открывал о сем. В субботу, 23-го числа, после скитской обедни, в девятом часу утра отец Иларию мирно почил о Господе на 65 году от роду, а 25-го похоронен на кладбище, подле водруженного креста, с изображением на нем распятого Господа. Через несколько времени больной скитоначальник отец Иларион увидел во сне: идет будто отец Иларию в скиту по дорожке и поет ирмос: «Покрываяй водами превыспренняя Своя, полагаяй морю предел песок, и содержи вся: Тя поет солнце, Тя славят луна, Тебе приносит песнь вся тварь, яко Содетелю всех во веки» (Трипеснец на повечерии Великого Четвертка). И каково же это было пение! Оно было так мелодично и так улаждительно, что, казалось, было отзвуком небесного ангельского пения.

23 же сентября в пятом часу пополудни, в то самое время, когда тело скитского иеромонаха отца Илария выносили из кельи в церковь, три удара большого монастырского колокола возвестили о кончине иного собрата — монастырского иеродиакона Кирилла. Этот блаженный, кроткий и трудолюбивый инок однажды видел в храме Божиим дивное и назидательное видение. Оно в свое время со слов его было записано и приписано некоему благочестивому Афонскому иноку, но это потому, что отец Кирилл не желал [тогда] открывать своего имени. Так как видение это интересно и назидательно, то мы и считаем нелишним оз-

накомить с ним благочестивых читателей. Вот самое сказание*:

«Молитвами Божией Матери души умерших переходят свободно через пропасть, находящуюся пред входом в Небесные обители.

Марта 7 дня 1859 года, вставши в полночь, чтобы идти в церковь к утрени, и пришедши в оную, когда братия читали полунощницу*, стал я в форме** на свое место и размышлял: как Спаситель наш пришел в мир сей и, воплотившись от Пресвятыя Приснодевы Марии, принял столько трудов из любви к человекам. Находясь в сих мыслях и чувствах, я пришел в столь сильное умиление, что слезы, как ключи воды, текли из глаз моих; при сем произнес умственно молитву Иисусову: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй грешного!“ — и пришел в большее еще умиление, и любовь к Богу пылала в сердце моем, как огонь. В это время вижу я лестницу, которой один конец начинался в моем сердце, а другой достигал до небес; и хотя видел я церковь и братию, читавших правило утреннее, а сам не мог молиться и, опустивши в форме доску, сел на оную. В эту минуту уже ничего не видел я внешнего, ни церкви, ни братии, а увидел прекрасный луг, освещенный столь лучезарным светом, что, казалось, он происходил от многих солнцев; причем сей луг испещрен был цветами необыкновенной красоты. Смотря с удивлением на сей луг, которому подобного никогда я не видал, и не постигая, как зашел на оный, увидел на нем множество мужей, кои все были в монашеском одеянии, на главах их были венцы, сияющие необыкновенной красотой (монашеское [же] одеяние на них было не черное, а белое

* Полунощница (полунощница) — Богослужение, совершаемое перед утреней. — *Примеч. ред.*

** Форма (стасидия) — на Православном Востоке специальное кресло с откидным сидением, высокой спинкой и подлокотниками. В стасидии можно стоять, опираясь на подлокотники, и сидеть. Стасидии в монастырях позволяют монахам выдерживать долгие уставные службы. — *Примеч. ред.*

* Сказание это, как предмет вводный, следует, как сверху, так и снизу, отделить чертами, оставив для этих черт достаточный промежуток. — *Примеч. в рукописи.*

светлозолотосияющее). Идя по сему лугу, увидел я другое собрание. Тут все были молодые, и одеяния на них были воинские. Когда я подошел к ним ближе, они отошли от меня и говорили между собою, как бы в один голос: „Кто из нас желает взять этого брата и довести до Царя?“ Тогда один из них воин, как бы полководец, величественного и могущественного вида, превосходивший прочих всех славою и светом, как луна между звездами, сказал: „Я возьму его и провожу“, — и назвал меня по имени. „Вы знаете, — продолжал он, — как он любит меня и молится мне и что много раз я ходатайствовал у Царя за его душу?“ Услышавши это, я подумал: „Кто таков этот воин, которому подобного в красоте и величии никогда я не видел, и как он знает мое имя?“ Тогда воин, приблизившись ко мне, сказал: „Брат! — и назвал меня по имени. — Я знаю, что ты любишь Царя, и меня любишь, а поэтому я и провожу тебя к Нему“. На что я отвечал ему, что я недостоин видеть Царя, и какой это Царь, о котором говоришь? — „Ты спрашиваешь, — сказал воин, — какой это Царь, а между тем, не зная, Его любишь, а также любишь и меня, хотя и меня не знаешь, а поэтому и должен идти со мною к Царю“.

Не находя слов отвечать ему, я пошел за ним по тому лугу, который видел, и думал: „Какой это воин, который меня так любит и так много для меня делает?“ И я хотел спросить его имя, но посовестился, и думал, что узнаю после. Спустя немного времени окончился этот луг, направо коего я увидел две высокие стены и посредине их весьма узкую дорогу. Воин пошел по этой дороге прямо, а я боялся. Заметя это, он остановился и сказал: „Брат, для чего ты боишься идти за мною? Знай, что этот страх происходит от того, что ты не творишь Иисусовой молитвы: „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!“, которую всякий христианин должен творить при каждом своем дыхании“. Услыша это, я начал умственно читать сию

молитву, и вдруг разлилось в душе моей великое умиление, и сама молитва начала изливаться в душе моей, и сделалось мне не только мирно и спокойно, но и сердце мое начало пылать и гореть любовью к Богу, посему весь страх и боязнь от меня совершенно отошли. Воин, остановясь, сказал: „Брат, вижу, что теперь тебе спокойно. Если хочешь всегда иметь мир, какой имеешь теперь, не должен быть ленивым, но часто творить молитву Иисусову. И

всякий человек, который хранит сию молитву, очищается в душе от всякого греха и вкушает сладость любви Божией, как и ты теперь несколько вкусил оной, но доселе ты обленялся и оставил совершенно сию молитву, посему и приказываю никогда не оставлять ее и каждый вечер исповедовать духовнику все свои помыслы хорошие и худые“. Сказав это, он пошел прямо по узкой дороге, а за ним последовал и я. Когда мы дошли до середины дороги, я увидел наверху стены большой крест, и воин, поклонившись три раза кресту, сказал тропарь: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим“. По учинении сего он сказал мне, чтобы и я сделал то же, что он делает, и после сего пошел далее. Продолжая путь, вскоре пришли мы к концу дороги, на краю коей увидел я великую пропасть, которая не имела конца и пределов со всех сторон, а внизу оной была темная бездна. Смотря на эту пропасть, увидел я в чрезвычайной дали высокие горы, достигающие неба, и чрез сию пропасть как бы мост, состоящий из одной узкой круглой жерди, не более кругом как только в одну четверть, и укрепленную одним концом в один конец дороги, а другим достигающую до горы и колеб-

*Лествица Иоанна
Лествичника.
Икона. XII век*

лющуюся как бы древесный лист от сильного ветра. Видя, что воин намеревался идти прямо по этой жерди, я смотрел на правую и на левую стороны, ища, не попадетсЯ ли прохода безопаснее этой жерди. Заметив это и упрекнув, что я не творю молитвы и от того опять смутился и пришел в страх, воин мне сказал: „Подай мне руку“. И когда я подал ему оную, мы пошли по жерди, которая колебалась под нами как нить, отчего я, опять пришедши в смущение, не мог идти далее. Воин, посмотрев на меня, сказал: „Брат, здесь надо призывать имя Божией Матери, Она здесь много помогает!“ Услышав это, я в то же время начал взывать: „Пресвятая Богородице, помоги мне!“ И вдруг боязнь, которую я чувствовал, удалилась, и я пошел за воином безбоязненно. Спустя немного пропасть эта кончилась, и мы достигли какого-то города. Здесь воин остановился и сказал: „Брат, теперь мы прошли все опасности“. Я, смотря на город и видя множество деревьев растущих, похожих на масличные, думал: „Для кого так много растет этих деревьев?“ При входе в город воин хотел оставить мою руку, но я не выпускал ее из его руки и от великой любви, которую ощущал к нему, удерживал его руку. Когда мы дошли до середины города и середины горы, я, немного остановившись, смотря вокруг себя и во все стороны, увидел перед собою еще большую гору, по которой мы пошли далее. Взойдя на верх горы, увидел я большие врата, отворенные на восток. Воин, осенив себя троекратно знаменiem святого креста, приказал и мне то же сделать и пошел во врата, а за ним последовал и я. При вступлении во врата увидел я поле, которому конца не было видно, и оно расстилалось подобно небу, в бесконечность, и лучезарный свет в сем поле был так силен, что казалось, оно освещено было многими солнцами. Самая красота поля и цветов, коими оно было испещрено и усеяно, превосходила не только все доселе мною виденное, но и ум человеческий не может вообра-

зить подобных красот. Когда я, все это видя, помышлял, что желал бы навсегда остаться в сих местах, воин сказал: „Брат, ты думаешь, что желал бы здесь остаться, но тебе должно еще увидеть и другие страны, несравненно лучше этих, а потом увидишь и самого Царя!“ Когда опять пошли мы далее, увидел я большое собрание мужей, число коих так было велико, что глаз не мог обозреть бесчисленность оных, они были все в монашеских одеяниях, но одежды их были не черные, а светлые, а на главах их венцы, лица их сияли как солнце. Они все говорили воину: „Радуйся, Святый Великомучениче Георгие! Благо, что пришел ты сюда!“ — „Радуйтесь и вы, — отвечал святой Георгий, — и я радуюсь видеть вас, угодники Божии“. — „Святой Георгий, — сказали они ему, — ты споручник и попечитель души этой. Этот монах был прежде хорош, а теперь стал ленив к молитве“. И, смотря на меня, сказали: „Брат! — и назвали меня по имени. — Как случилось, что ты прежде был усерден, а теперь стал ленив? Ты хорошо знаешь, что если человек живет на земле и сто лет и наслаждается всеми благами роскоши, пресыщения и удовольствия, не заботясь о душе своей, но придет час смерти, тогда (видел пропасть, чрез которую вы проходили?) эта пропасть поглощает всех, живущих в нерадении и лености, и ходящих по воле сердец своих, и пребывающих без покаяния, как ты пребываешь в лености. Рассмотря, как ты прежде был высок и с какой высоты ниспал и сделался недостойным пребывать в сих местах Царствия Небесного, в котором мы обитаем теперь“. Потом, обратясь к святому Георгию, сказали: „Георгий, возлюбленный Христом! Сопутствуй душе этой и доведи ее до Царя, и мы будем заботиться и молиться о ней“.

После этого пошли мы полем, тогда я вспомнил, как путеводитель мой в первом поле, когда я только что увидел его, говорил о мне своим собратиям воинам: „Вы

* Выя — шея —
Примеч. ред.

знаете, как он любит меня и как молится мне“. Вспомнив это, я упал ему на выю* и, нежно обнимая, не имел сил удерживать чувств моих, и долго лобызал лице его. После сего, взявши его за руку, пошел с ним далее и увидел другое собрание мужей, также в монашеских одеждах, но сияние от одежд их было так лучезарно и венцы на них блистали так светло, что я не мог смотреть на них и переносить блеска их, число сих святых было очень мало. Тогда я святому Георгию сказал: „Святой Георгий! Какие дела совершили на земле эти святые, что они столь превосходят красотой и сиянием тех, коих я видел доселе здесь?“ На что святой Георгий отвечал: „Брат, это души монахов, живущих на земле в настоящее время. Они без наставников и учителей, руководствуясь только одними писаниями и учением древних Отцов и подражая им, совершили подвиги их жизни; и за то Господь прославил и возвеличил их в Царствии Своем“. Тогда я сказал: „Святой Георгий! Теперь уже истощились на земле такие святые, и есть ли еще таковые в наше время?“ Святой Георгий отвечал: „Очень мало теперь на земле святых, все более злые люди. Любви нет, вместо любви ненависть, веры мало, вместо правды царствует ложь, сердца к Богу охладели, и ничего нет для них труднее, как спасение своей души, — все любят суету. Мало, очень мало тех, которые любят спасение и заботятся, как прежние святые, о спасении души своей; а которые и любят спасение, теперь им этот путь очень тяжок и труден“. Сказавши это, святой Георгий замолчал; и мы молча продолжали путь. Спустя немного я увидел на востоке большие палаты, подобные дворцам. Они были так просторны, что и конца им не видно было. Из этих палат разливался сильный свет, который распространялся на всю окружность и освещал сиянием необыкновенного света здания сих палат. Красота, архитектура, форма и размеры их были такой восхитительной и необыкновенной красоты, что ум человеческий

не может вообразить такого вида, и были все как бы из чистого золота. Когда я спросил святого Георгия: „Какие это дворцы и палаты?“ — он отвечал: „Царские, в которых обитает Царь“. За сим подошли мы к сим вратам дворцов. Для входа во дворцы ворота были отперты. Я, подражая святому Георгию во всем, последовал за ним. Когда мы вошли во врата, то представилась нам большая ограда, со стены которой виден был весь дворец и все палаты. Прямо перед нами были другие врата. Когда мы вошли в сии дру-

Вид Иоанно-Предтеченского скита. Рисунок. Вторая половина XIX века

гие врата, увидели большой и необыкновенной красоты коридор, который был прямо от ворот, по коему ходили множество мужей в монашеском одеянии багряного вида, как бы самая чистая кровь, в правых руках держали они кресты, а в левых — финиковые ветви. На главах их были венцы необыкновенного сияния, а лица блистали как молния. Все они подошли к нам и сказали: „Святой Георгий! Ты взял эту душу под свое покровительство, когда же приведешь ее к нам и водворишь у нас?“ Святой Георгий отвечал: „Когда угодно будет Богу“. В конце коридора были большие двери, они были украшены драгоценными бле-

стоящими камнями, которым подобных я никогда не видал. Направо от дверей был образ Господа Иисуса Христа, а налево образ Божией Матери. Святые с молниезрчными лицами сказали мне: „Брат, почему ты не подвизаешься и не трудишься для спасения души своей? Мы давно тебя здесь ожидаем“. Сказавши это, они взяли меня на руки, как бы младенца, и поднесли к дверям, против образа Божией Матери, и все, и я с ними, и святой Георгий, запели: „Достойно есть, яко воистину“, — весь стих этого славословия Божией Матери. Когда они это пели, то каждое слово запечатлевалось в моем сердце. А по окончании пения все положили земные поклоны перед образом Божией Матери и прикладывались к образу Ее. Потом сказали мне: „Мы это делаем для тебя, чтобы ты не думал, что это видение от врага — прелесть, но что Бог, по великой милости Своей, благоволил удостоить тебя видеть все это для блага души твоея“. Сказавши это, они удалились, и я остался один со святым Георгием против дверей. Двери немедленно отворились без помощи рук, великий свет пролился из дверей, и слышен был глас: „Велика милость для сынов человеческих!“ Сквозь отворенные двери я увидел огромную церковь, красота и великолепие коей превосходили все, что только может вообразить прекрасного ум человеческий. Среди церкви был престол наподобие царского, на коем восседал Сам Спаситель. Облачение на Господе было архиерейское, а на Божественной главе Его была возложена корона, наподобие венца царского. Вид Его Божественный был юный — тридцатилетнего мужа. Вокруг престола предстояло множество святых, из коих одни были в одеждах иеромонашеских, а другие в монашеских. Свет лица Господня сиял и превосходил сиянием сто тысяч солнцев, или сказать более, что неисчисленное число солнцев не может сравниться со светом Его Божественного лица и всего Его Божества. Свет, от лица Господня происходил-

ший, изливался и на всех предстоящих Ему святых и так сливался в одно целое, что невозможно было распознать отдельно сияние света от лица Господня от сияния лика святых, окружавших Его и освещенных Его светом. Святой Георгий подошел прямо ко Господу, но я не мог последовать за Георгием и, чувствуя страх, остановился. Святой Георгий, обратясь ко мне, спросил, для чего я не приближаюсь ко Господу? На что Господь сказал: „Он этого недостойн“. Святой Георгий один приблизился ко Господу, и все святые, окружавшие Господа, поклонились Георгию, подобно тому, когда великий полководец приближается к царю земному, все окружающие царя кланяются ему и отдают честь. Сам Господь, когда приблизился к нему Георгий, встал с престола и, отверзши Свои объятия, лобызал его чело и сказал: „Хорошо, что ты пришел ко Мне, возлюбленный Мой!“ Сказавши это, Господь воссел опять на престол, а Георгий, сделав три поклона, облобызал ноги Господа и сказал: „Господи, Ты много возлюбил род человеческий и для искупления и для спасения онаго пролил всю Божественную кровь Свою, прости и сию душу и сподоби ее быть достойною приблизиться к Тебе“. Господь отвечал: „Я не допущу до Себя этого монаха, он прежде был хорошей жизни, но теперь сделался ленивым. Я много даровал ему даров; другие праведники работают и трудятся для Меня 30 или 40 лет, но Я не даю им подобных даров, каковыми удостаивал этого монаха“. На что святой Георгий сказал: „Господи, Ты ведаешь, каков теперь мир, каковы люди — слабые, немощные — не таковы, каковы были прежде. А когда кто из настоящих людей захочет подражать древним святым, другие, некоторые даже духовники и старцы, говорят, что теперь не то время; прошли времена, когда предпринимали такие подвиги“. Господь отвечал: „Я знаю все, знаю, что на земле мира нет, истинных добродетелей нет — они кончились; правды нет, веры мало, любви не

стало; на земле царствуют ложь и ненависть; не только живущие в миру, но и монахи, иеромонахи, духовники, наставники и старцы ходят по стезям неправды и вторично Меня распинают. Я много терпел и терплю, ожидая их покаяния и исповедания. А этот брат, хотя Я ущедрял его Моею любовью, но он проводит дни в лености, и заботится душою только о временной жизни и о теле. Я много раз призывал и говорил ему, он слышал глас Мой и открывался духовнику, который говорил ему, что этот глас от Бога, но он, не внимая этому и не заботясь о Моем глаголе, оставил свои прежние труды, а потому и недостоин прощения“. Когда я услышал эти слова Господа, был объят таким страхом и трепетом, что с ужасом ожидал, что Господь повелит низринуть меня в ад, но любовь ко Господу, которая прежде наполняла мое сердце, скоро изгнала страх оный.

Святой Георгий сказал: „Господи, Ты видишь, что я всю кровь свою пролил из любви к Тебе, ради моей крови отдай мне этого брата, прости его и удостой приблизиться к Тебе“. Тогда Господь милостивым оком и веселым лицом взглянул на Георгия и, взявши его за руку, сказал: „Да будет тебе, якоже ты хочещи“. Георгий встал, а Господь взял сосуд, наполненный чем-то красным, как бы кровью, и, держа его в руке, а десницею благословляя, сказал: „Возьми этот сосуд, он преисполнен Моею кровию, иди и дай этому брату“. Святой Георгий взял и, подошедши ко мне, сказал: „Осени себя троекратно знамением святого креста и пей из сосуда“. Когда я пил из этого сосуда, не знаю, что было в нем, но так было сладостно, что во всю жизнь я не вкушал ничего подобного, и сердце мое запылало в ту же минуту любовью к Богу. Я видел, как святой Георгий, взявши от меня сосуд, передал его Господу уже пустым, в нем не осталось уже ничего; и не стало во мне страха и боязни, и я сам, без посредства святого Георгия, приблизившись ко Господу, повергся к Божественным стопам Его

и, лобызая оные, плакал несколько времени. После сего Господь сказал: „Георгий! Возьми этого брата и иди с ним на землю, он должен потрудиться, чтобы сделаться таким же, как был прежде, и очиститься, как злато в горниле огненном, и после сего Я приму его сюда. Если же пребудет в такой же лености, как был в это время, то он сам видел пропасть, которая поглощает тех, которые живут нерадиво и лениво, и не трудятся для Бога, и не приносят плодов покаяния“. После сих слов Господа святой Георгий взял меня за руку, и он, и я, сотворив по три земных поклона пред Господом и облобызав Его, отправились в обратный путь, и двери за нами затворились. Когда мы вошли опять в тот коридор, то все святые в багряных одеждах приблизились к нам, и когда я сказал святому Георгию, что желал бы навсегда остаться в этих местах, он мне сказал, что того сделать невозможно, потому что Царь повелел, чтобы ты прежде очищен был, как злато в горниле. И святые в багряных ризах говорили мне: „Брат! Спешి очистити душу твою подвигами и трудами, и мы будем ожидать тебя, помни ту пропасть, которая поглощает живущих в лености“. Просили также святого Георгия, чтобы он заботился о моей душе, обещая, что они и сами будут молиться обо мне ко Господу. После сего мы пошли далее и прошли и врата и ограду, а также и другие врата, вошли в поле, где опять увидел я тот небольшой собор святых, превосходивших прочих красотою и величием, которые были души монахов настоящего времени. И я, смотря на них прилежно, старался заметить, не увижу ли посреди их кого-либо из известных мне лиц, но не видел ни одного. А сердце мое преисполнено было такою любовью к святому Георгию, что вся душа моя соединилась с ним. Продолжая путь и прошедши поле, мы достигли горы. Гора эта так была прекрасна, что мы долго утешались ею и, смотря на растущие на ней масличные деревья, восхищались зрением их красот,

причем смотрел я со страхом и на ту пропасть, которая была под горою. Спустившись с горы, когда подошли мы к жерди, перекинутой через сию пропасть в виде моста, святой Георгий взял меня за руку, и я пошел за ним без страха. Когда же достигли мы середины пропасти, святой Георгий остановился и сказал: „Брат! Видишь ли, сколькими милостями и каким благодеянием награждает Господь твою душу? Смотри, не забывай, что видел, подвизайся, не будь ленив и нерадив, приготовляй себя быть достойным опять вкусить из Божия сосуда, Матерь Божия и я будем твоими заступниками“. После сего, осенив меня по лицу три раза крестным знамением, стал невидим. Я же остался один посреди пропасти на жерди, которая колебалась под мною как нить, причем я слышал из пропасти множество голосов, которые вопили: „Пойдем, возьмем этого монаха, — называя меня по имени, — теперь ушел от него святой Георгий, и он остался один, поспешим взять его, видите, что он один хочет по узкому дереву перейти через эту пропасть!“ Слышал я и гром из этой пропасти и ужаснувшись возопил: „Господи, какая душа может перейти через эту пропасть без испытаний и опасностей?“ Тогда услышал я с неба глас, говорящий подобно грому: „Добрые дела помогают перейти через эту пропасть, или когда Матерь Божия молится за какую душу, — тогда только душа эта спасается от этой пропасти“. Услышав это, я возопил: „Матерь Божия и святой Георгий! Помогите мне грешному!“ Тогда, пришедши в себя, увидел я опять свою церковь и братий, оканчивающих утрению».

63.

Иеромонах Климент

В мире Константин Карлович Зедергольм, родом из Москвы, сын лютеранского пастора, отставной коллежский ассессор, магистр Московского университета, прекрасно знал языки: русский, немецкий, французский, английский, латинский и греческий. На последнем свободно объяснялся и своим знанием удивлял даже природных греков. Рожденный и воспитанный в лютеранстве, он в 1853 году по собственному желанию присоединен был к Православной Церкви в скиту Оптиной Пустыни. Восприемником его был покойный старец батюшка отец Макарий. После того он служил по духовному ведомству при обер-прокуроре Святейшего Синода, графе Александре Петровиче Толстом, чиновником особых поручений*. Он всегда имел к графу большую привязанность, а также и граф сердечно, благоволительно относился к нему. В 1860 году по поручению Святейшего Синода Константин Карлович вместе с Петром Ивановичем Соломоном, служившим тогда в Святейшем Синоде, ездил по церковным делам на Восток, был на Афоне и в Иерусалиме. В 1862 году он, по влечению сердца своего, поступил в монашество в Оптинский скит 32-х лет от роду. Это было 31 марта в навечерие** праздника Входа Господня в Иерусалим. Ему была определена небольшая келейка в так называемом Ключаревском корпусе, занимающая северо-восточный угол. «При вступлении моем в скит, — так передавал после Зедергольм (неизвестно только в какой раз), — сердце мое сказало мне: „Сей покой мой во век века, zde вселюся, яко изволих и“*. — И вселился». 3 августа 1863 года Констан-

* Чиновник особых поручений — государственный служащий, состоявший при лице высокого ранга и исполнявший поручения, не входившие в круг обязанностей штатных чиновников. Часто это были особо важные и частные поручения. — *Примеч. ред.*

** Навечерие — канун праздника. — *Примеч. ред.*

* Пс. 131, 14.

тин Карлович пострижен был в рясофор в келье старца батюшки отца Амвросия отцом строителем Исаакием, в присутствии монастырского иеросхимонаха отца Феодота, а 9 сентября того же года определен в число скитского братства указом Духовной Консистории. Летом 1867 года, по благословению скитских старцев, построен был для отца Константина, в счет расположенного к нему графа А. П. Толстого, на южной стороне скита особый приличный корпусок, куда он тем же летом и перебрался из своей маленькой келейки. Вместе с ним перешел туда же и прислуживавший ему брат, отец Тимофей Трунов (впоследствии мантийный монах Тимон). Главным послушанием отца Константина было письмоводительство у батюшки отца Амвросия. В новом же удобном помещении ему прибавилось другое послушание. Здесь он каждодневно, исключая воскресные и праздничные дни, по благословению старца батюшки отца Амвросия, вместе с некоторыми братьями занимался переводом на русский язык свято-отеческих книг. Время расположено было так: утром до обеда писались для старца письма, а после обеда до ужина были книжные занятия. В том же 1867 году 16 декабря день субботный отец Константин пострижен был в скитской церкви в мантию и получил новое имя Климента, а в 1870 году 7 сентября, в день освящения в монастыре главного Введенского собора, по случаю внутренней его перестройки, Высокопреосвященным архиепископом Григорием II посвящен был в иеродиакона.

Летом 1873 года благодетель отца Климента, граф А. П. Толстой, бывши за границей, тяжело заболел в Швейцарии, в Женеве. Супруга его, Анна Георгиевна, по этому случаю была в великой скорби, опасаясь, как бы граф не скончался без христианского напутствия. И потому она убедительно просила письменно и, в особенности, через Наталью Петровну Киреевскую (супругу известно-

го литератора Ивана Васильевича Киреевского) отца игумена Исаакия и старца батюшку отца Амвросия послать к больному графу отца Климента, принимая все путевые издержки на свой счет. Старец с отцом игуменом решились исполнить желание убитой горем графини. Вследствие этого отец Климент немедленно собрался и вечером 6 июля в сопровождении своего келейника отца Тимофея выехал из Оптиной в Калугу. 7-го числа он представился к Высокопреосвященному Григорию, который на следующий день, в праздник Казанской иконы Божией Матери, во время своего служения в Калужском женском монастыре, рукоположил его в иеромонаха. 9-го числа отец Климент выхлопотал себе заграничный паспорт от Калужского губернатора, а 10-го был уже в Москве. Как обрадована была графиня отцом Климентом, это выразила она в письме к батюшке отцу Амвросию от 21 июля в следующих строках: «Вы... поймете, как утешил меня отец Климент. Его неожиданное посвящение, разрешение ему ехать за границу и, наконец, отпуск на три месяца — все это такое благодеяние, такая милость, за которую благодарить трудно. Сам Господь Своим могучим милосердием да воздаст всем за меня!»

Вечером 12 июля отец Климент со спутником своим выехал из Москвы, 14-го был в Варшаве, 15-го в Вене, 16-го в Мюнхене, 17-го проехал в Швейцарию и 18-го числа в два часа утра приехал в Женеву. 19-го утром он исповедал и причастил больного графа Александра Петровича запасными Святыми Дарами, взятыми с собой из Оптиной Пустыни. 20-го утром он вторично его приобщил, а 21-го числа во втором часу пополудни граф Александр Петрович скончался в присутствии отца Климента. Граф перед тем последний раз сообщался Святых Тайн 1 октября 1872 года, но ни в Рождественский, ни в Великий пост не говел. Также и во время своей болезни, несмотря на убеждения Женевского протоиерея и иеромонаха Нестора из города

По, он не соглашался принять Святые Тайны. Огорченный отказом графа, отец Нестор вскоре и уехал из Женевы, а через несколько часов после его отъезда прибыл к графу и отец Климент.

22 июля в десятом часу вечера получена была в Оптиной телеграмма о кончине графа А. П. Толстого. По этому случаю на следующий день, 23-го числа, была в скиту заупокойная по нем Литургия и панихида. В тот же день в Женеве в русской церкви протоиерей отец Афанасий Петров служил также заупокойную Литургию, а после оной вдвоем с отцом Климентом отпевал тело новопреставленного графа, а отец Тимофей стоял в это время в алтаре и читал 17 кафизму. После отпевания гроб с телом покойного заделали в свинцовый гроб, а свинцовый опять в дубовый. По получении от швейцарского правительства дозволения на вывоз покойника дворецкий* и камердинер графа с его гробом 27 июля выехали из Женевы. В тот же день и отец Климент с отцом Тимофеем выехали оттуда на Базель и Франкфурт. Во Франкфурте оставались сутки, а 29 июля, в воскресенье, в девятый день по кончине графа, ездили в Висбаден служить Литургию в русской церкви и виделись там с родным братом покойника — графом Егором Петровичем Толстым. 30 июля путники были в Берлине, где слушали Литургию в русской посольской церкви. Того же дня вечером они выехали оттуда и чрез Вержболово, Динабург и Смоленск 2 августа прибыли в Москву, а 3 августа привезено было и тело графа и со станции отвезено прямо в приходскую церковь Покрова в Кудрине.

В воскресенье, 5 августа, Московский митрополит Иннокентий и викарный епископ Леонид служили над телом графа заупокойную Литургию и панихиду. Сослужащими были: ректор Московской Духовной Академии Александр Васильевич Горский, протопресвитеры Невский и

* Дворецкий — старший лакей, заведовавший домашним хозяйством и домашней прислугой в богатых помещичьих имениях. — *Примеч. ред.*

Богословский, Греческий архимандрит Григорий, 4 протоиерея, 3 священника и отец Климент. После панихиды преосвященный Леонид со всем прочим духовенством сопровождал гроб покойника до Донского монастыря, где граф Александр Петрович и похоронен вблизи родителя своего, графа Петра Александровича Толстого. По окончании погребальной церемонии в доме графини по обычаю был обед для почетных гостей.

Заметим, что граф и графиня были люди религиозные, строгие блюстители правил и постановлений церковных, и искренно преданные старцу батюшке отцу Амвросию и вообще любившие Оптину Пустынь. Потому, когда настало время обеда, отец Климент подумал: «Теперь Успенский пост, когда по уставу церковному на рыбу разрешения нет. Чем же графиня будет угощать знатных гостей?» Оказалось, что графиня, строго держась устава церковного, приказала приготовить весь стол грибной. О рыбе и помину не было.

В разговоре о кончине графа Александра Петровича Преосвященный Леонид выразился так: «В жизни своей граф искал Господа, а перед кончиною его Господь разыскал его». И все, знавшие графа, много удивлялись чудному Промыслу Божию о нем. В жизни своей он много благодетельствовал отцу Клименту и в то время, когда он служил при нем в Петербурге, и по поступлении его в скит, где граф для него, как выше упомянуто, и келью построил. А перед кончиною графа, когда близкие к нему опасались, что он отойдет из сей жизни без христианского напутствия, Господь сподобил отца Климента за все благодеяния воздать благодетелю своему христианским напутствием. 18 августа скитские путники благополучно прибыли из-за границы в скит. После того жизнь отца Климента потекла обычной чередой. Он, как и прежде, писал для батюшки отца Амвросия письма. Иногда писал

мелкие статейки для «Душеполезного чтения». Написана была им вскоре по возвращении из Швейцарии и статейка о своем заграничном путешествии и напечатана в упомянутом журнале*. Отец Климент отличался ревностью к Православию, благочестием и ревностию к ученым трудам, любовью к отечеству, точностью в исполнении устава церковного и правил жития монашеского и особенно детскою преданностью к старцу батюшке отцу Амвросию.

С каким, например, усердием принимал он участие в обращении старцем Амвросием к Православию католиков и других иноверцев! С каким жаром опровергал заблуждения свободно мыслящих христиан! Или еще: как он опечален был присланною ему, вышедшею первым изданием, книгою Фаррара, англичанина, «Жизнь Иисуса Христа» в русском переводе! Сам бывший некогда протестантом, отец Климент очень хорошо понимал протестантские заблуждения, и вот на что особенно он обратил тогда внимание: в книге ничего не сказано о приснодевстве Богоматери. Далее, можно к сему прибавить, там сказано, что Иисус Христос в детстве

* Из этой статейки ясно можно видеть, как далеко уклонилось протестантство от Православия. Например, пишет отец Климент: «Разбирать содержание (швейцарского) катехизиса не берусь, но чтобы дать о нем понятие, скажу о том, *чего в нем нет*. В нем не говорится ни о Святой Троице, ни о Божестве Господа Иисуса Христа, ни о сотворении мира, ни об Ангелах, ни о демонах, ни о рае, ни о грехопадении прародителей, ни об искуплении рода человеческого крестною смертью Сына Божия, ни о Страшном Суде, ни о вечных муках, и даже о бессмертии души говорится как-то очень туманно. Вообще в этом катехизисе отстранена вся положительная, догматическая часть христианского учения; а остались некоторые общие истины о бытии Божиим, некоторые нравственные понятия. Вернее сказать, читая содержащиеся в этом катехизисе рассуждения, чувствуешь, что словами, заимствованными от христианского учения, прикрываются мысли современного неверия». — См. Июль, 1877 г. «Душеполезное чтение». Статья под заглавием: «Поездка за границу». И. К. З. — *Примеч. в рукописи.*

играл. Да, да! Бог явился во плоти, чтобы с ребятами играть! Странно, даже более чем странно! И к чему это еще оставлены в подстрочиях вольтеровские хульные изречения? Разве для того чтобы смущать православные умы, нетвердые в вере? А таких нетвердых какое множество и было, и есть, особенно в наше распущенное время! Или ради того чтобы в чистых умах насеивать помыслы хулы бесовской? Как хитра злоба бесовская, всегда сплетающаяся с добром и омрачающая его светлость*!

Еще случай. Издавна семейство Зедергольмов было в близких отношениях с семейством Филипповых, и потому отец Климент с Тertiем Ивановичем Филипповым, Государственным контролером, были с детства друзьями. И пока Тертый Иванович ратовал против раскола, дружба у них с отцом Климентом продолжалась. Когда же Тертый Иванович стал писать статьи в защиту раскольников, отец Климент стал огорчаться на своего старого друга. И когда этот старый друг для каких-то справок в защиту раскола попросил письменно отца Климента выслать ему в Петербург имевшуюся у него греческую «Кормчую»*, отец Климент по этому случаю сильно расстроился. Старая дружба понуждала послать просимую книгу, а ревность о Православии не позволяла ему это сделать. В недоумении он обратился за советом к старцу батюшке отцу Амвросию. Старец сказал: «Так и напиши, как думаешь и чувствуешь, что совесть твоя запрещает тебе исполнить просьбу друга». Так отец Климент и написал и в книге отказал. За ревность его к

* «Кормчая» (книга) — (греч. Номоканон) принятый из Византии русской церковью сборник правил церкви и государственных узаконений по церковным вопросам. — *Примеч. ред.*

* Отзыв уважавшагося всем православным христианским миром, достойнейшаго пастыря церкви Христовой отца протоирея Кронштадтского Андреевского собора Иоанна Ильича Сергеева о книге Фаррара: «Сколько духовного яда в книге Фаррара! И тот яд глотают юноши и взрослые и пропитываются им. Заподозрено этим писателем приснодевство Богоматери и оставлено под сомнением Богочеловечество Христово! Да это едва не новое арианство!» 22 декабря 1897 года. — Из газеты «Свет». — *Примеч. в рукописи.*

благочестию ручается уже то, что он, несмотря на свое значительное положение в миру, избрал иноческую скромную жизнь с многообразными лишениями. Имея от природы пылкий характер, он, однако, всячески старался, при помощи Божией, по указаниям великого старца батюшки отца Амвросия, исправлять себя и направлять жизнь свою по заповедям евангельским. В особенности не любил отец Климент судить и осуждать людей, а также и слушать пересуды. Находясь за чайным столом со своим келейником, он имел обыкновение во время чаепития беседовать с ним о разных предметах. Но если келейник по неосторожности начинал осуждать людей, отец Климент прерывал беседу и начинал или молча ходить по комнате, или что-нибудь делать и переставал даже глядеть на него.

Ученых трудов отца Климента было немало. Он перевел: 1) «Поучения преподобного Аввы Дорофея» с новогреческого языка; 2) «Двенадцать слов преподобного Симеона Нового Богослова»; 3) исправил, а в некоторых местах и совсем переделал русский перевод «Огласительных слов преподобного Феодора Студита», издаваемый Оптиной Пустынью; 4) исправил русский перевод «Лествицы», снабдив его новыми примечаниями. (Книга эта издана была вторым изданием.); 5) переделал книгу «Царский путь Креста Господня»; 6) составил жизнеописание Оптинского старца Леонида (в схиме Льва); 7) также составил жизнеописание отца игумена Антония, родного брата Оптинского архимандрита Моисея; 8) написал книжку о жизни и трудах Никодима Святогорца; 9) переделал и значительно дополнил «Историческое описание Оптиной Пустыни», напечатанное 2-м изданием; 10) наконец, написано было им немало составленных и переведенных статей для «Душеполезного чтения», как выше упомянуто.

Любовь отца Климента к своему отечеству — России, несмотря на то, что он по природе был немец, была достойна подражания. Он всегда с большим прискорбием относился

ко всем, бывшим в его время, нестроениям на Руси. Во время русско-турецкой войны за Болгарию он где-то отыскал молитвы о даровании Богом победы над врагами, которые, по благословению старцев, и прочитывались на проскомидии служащими иеромонахами. Когда же были неудачи под Плевною, он, вследствие своего пылкого характера, однажды так расстроился, что и служить не мог при наступлении одного из праздничных дней. Спросили в это время старца батюшку отца Амвросия: «Батюшка! Или отец Климент не служит?» — «Да что? — ответил старец. — Плевна доняла нас!»

Касательно церковного устава при отправлении служб церковных, отец Климент ревновал даже о самонаималышх исправлениях. Например, на отпуске нужно помянуть святого. Если в служебнике записано: «Патриарха царя-града», он так и говорил, а где написано: «Патриарха Константинопольского», то опять не заменял другими словами. И вообще говаривал: «Как написано, так и говори, зачем свое сочинять?» В отношении исполнения правил жития иноческого он старался строго держать себя, даже, по-видимому, в мелочах. Так, например, издавна в скиту не дозволяется больше трех чашек средней величины пить чай. И отец Климент никогда не нарушал этого правила. Если где-нибудь в гостях захотят предложить ему четвертую чашку, он только с улыбкой скажет: «Грешим без числа, а чай пьем с числом».

Вообще отец Климент любил во всем точность и строгость, как в отношении к себе, так и к людям. Вспоминая иногда о строгости Императора Николая Павловича, он любил приговаривать: «Вот мой Император!»

Что отец Климент любил детскою любовью старца

Келья преподобного Амвросия Оптинского в Иоанно-Предтеченском скиту. Фотография. Последняя треть XIX века

батюшку отца Амвросия и всюю душою предан был ему, это очень понятно. Ибо старец, как получивший от Господа дар рассуждения, принимая во внимание нежное воспитание отца Климента и его стремление к Богоугождению и спасению своей души, а вместе и немощи его пылкой души, видя также недюжинные его способности, коими он мог принести и приносил великую пользу вообще обители и, в частности, ему — старцу, он оказывал отцу Клименту нежно-отеческую любовь и благоснисхождение. Бывало, расстроится чем-нибудь отец Климент, что случалось нередко, придет к батюшке, запрется с ним наедине один и долго-долго изливает перед ним скорбь души своей плаксивым голосом, звуки которого вылетали из уединенной кельи. Слышен был также и голос любвеобильного старца, убеждающего, умиротворяющего и успокаивающего возмущенную душу отца Климента. Нередко отец Климент, по своей чрезмерной ревности к порядку и при своем вспыльчивом характере, оскорблял некоторых из скитских братьев, но у него та была прекрасная черта, что он сам же первый шел к оскорбленному брату просить у него прощения, иногда даже с земным поклонением.

Кроме вышеупомянутых ученых трудов со стороны отца Климента была еще немаловажная, собственно для скита, заслуга: он привел в порядок поминовенные благодетельские синодики, какового порядка и доселе держатся заведующие синодиками скитские монахи.

Приняв Православие, отец Климент имел большую заботу и о том, как бы привлечь к Православию близких его сердцу дорогих родных. И вот при его содействии, а главное при помощи Божией, первый присоединился к Православию его младший брат Максим Карлович, который после того неоднократно посещал Оптиных старцев и брата своего отца Климента, и подолгу даже гостил в скиту в его корпусе. Затем, под влиянием отца Климента,

имел склонность к Православию и другой его брат, военный генерал, принимавший участие в русско-турецкой войне за Болгарию, но неожиданная смерть, застигшая его еще не в старых летах, не дала ему возможности посерьезнее размыслить об этом важном предмете. Отец Климент очень сожалел об этом печальном исходе. Далее, услышав о предсмертной болезни своей матери, тоже давно склонной к принятию Православия, отец Климент, будучи уже иеромонахом, по благословению старца батюшки отца Амвросия, призвав на помощь его святые молитвы, сам отправился в Москву с целью присоединить мать свою к Православию. По этому поводу у отца Климента с родителем своим — пастором было немало разногласия и споров. Отец сначала отговаривал жену свою, а потом просто не позволял ей присоединиться к Православию. Мать желала сообщить Святым Тайн, а отец-пастор говорил: «Давай я сам тебя сообщу». А какая у лютеран Евхаристия? Одно только название. Наконец после долгих споров и разговоров отец Климент победил родителя его же собственным оружием — главным оружием протестантской теологии. Он остановился на том, что у лютеран принято такое положение: каждый из них может свободно, по-своему, понимать и толковать Священное Писание. «Если, — говорил он, — мать моя разумно и свободно убедилась, что Православие правильнее протестантизма, то зачем же вы хотите стеснять ее свободу?» Отец на основании этого довода уступил. И отец Климент немедленно совершил над своей матерью Таинство миропомазания и причастил ее Божественных и Пречистых Тайн Христовых. Оба — сын и мать — находились по этому случаю в великой радости [духовной]. Отец Климент, по монашескому обычаю, спросил старицу свою: «Как, матушка, ваше имя?» Слабым голосом, но в веселом духе она ответила: «Алена», [т. е. Елена].

Всячески старался отец Климент обратить к Православию и отца своего, и потому между ними была долгая полемика. Желая показать богатство истинно Святой Православной Христовой Церкви, отец Климент дал ему почитать беседы давно почившего профессора Киевской Академии Якова Кузьмича Амфитеатрова «Об отношении Церкви к христианам». Прочитав эту книгу, пастор-отец в недоумении проговорил: «А у нас-то что?»... А у них нет ничего. И отец Климент своими доказательствами довел старика отца до того, что он сознался в превосходстве Православной Церкви перед лютеранской; но вовсе не извинительный стыд человеческий препятствовал ему принять Православие, так как он состарился в лютеранстве и притом был пастор очень умный и ученый. В последнее свидание с родителем, сравнительно с прежними, отец Климент был очень любезно им принят и даже получил от него денежное пожертвование [на скит] рублей 50. Все это очень радовало отца Климента и поселяло в нем надежду на присоединение отца-лютеранина к Церкви Православной. Но скоро затем получено было печальное известие о кончине его, что отозвалось в сердце любящего сына глубокою неутешною скорбью. И только старец батюшка отец Амвросий, этот великий врач духовный, мог разгонять налегавшее на него облако печали и успокоительно действовать на его огорченную душу, отягченную великим крестом, как понимал сам отец Климент.

К концу семидесятых годов отец Климент стал недовождать. Может быть, отчасти причиною тому была нежелательная им смерть родителя в лютеранстве, не дававшая ему покоя по причине злополучной участи его души, отшедшей в вечность. До того отец Климент ходил вместе со скитскими братьями на утренние правила, а теперь он выслушивал их у себя в келье, и притом лежа на койке под теплым одеялом. Чтецом у него был неизменный его

келейник-друг монах Тимон. Несмотря на чувствуемую слабость здоровья, отец Климент не переставал ежедневно ходить к батюшке отцу Амвросию и помогать ему в письмоводительстве. В свободное время, для укрепления сил телесных, он стал было делать по лесу прогулки. Однажды, встретившись в скитских воротах с близким ему монахом, он проговорил так серьезно печально: «Хожу для моциона, да, кажется, уже поздно». В кельях старца по вечерам он иногда, от ощущаемой им болезненности, издавал тяжкие стоны. Настала Страстная седмица 1878 года. Отец Климент был еще на ногах, но уже на Светлой неделе его не видно было. Он слег в постель. Незадолго перед тем ему очень хотелось вызвать к себе старшего брата, бывшего в Тамбове инспектором врачебной Управы, для свидания, а кстати и желая у него полечиться. Об этом отец Климент и писал к нему, но брат-протестант не внял гласу своего родного брата, православного иеромонаха, не поехал. Отца Климента пользовали:^{*} свой монастырский врач монах Нифонт, бывший в свое время военным доктором, и козельский врач Прусский. И первый определял болезнь воспалением легких, но второй не соглашался. Между тем у отца Климента открылась постоянная икота, которая, впрочем, по его же словам, не мешала ему. Прусский для уничтожения икоты велел ему глотать лед малыми кусочками. Средство это хотя оказалось действительным — икота прекратилась, но после того отец Климент совсем уже ослабел, или, как в то время выражался его келейник, как будто его варом сварило. В то время как больной уже не мог вставать с постели, старец батюшка отец Амвросий, видя его опасное положение, предложил было ему через людей принять постриг в схиму. Но отец Климент все еще, вероятно, надеялся хотя сколько-нибудь оздороветь и потому сказал: «Поправлюсь, схожу к батюшке, сам лично поговорю с ним об этом». Однако он не мог поправиться.

^{*} Пользовать — здесь: лечить, то есть «приносить пользу» (телу). — Примеч. ред.

Среди болезни его соборовали святым елеем и неоднократно сообщали Св. Христовых Тайн. Прошла после Пасхи неделя. И вот 30 апреля в день воскресный — неделя святых жен-мироносиц — отец Климент по окончании скитской Литургии, причастившись в последний раз Пречистых и Животворящих Тайн Христовых, мирно почил о Господе, оставив по себе добрую память и сожаление в сердцах многих преданных ему людей. Незадолго до его кончины проходил слух, что начальство духовное намеревалось поставить его в настоятеля Малоюрославецкого Николаевского монастыря, но преждевременная смерть отца Климента разрушила эту надежду. Да, по замечанию батюшки отца Амвросия, и к лучшему так Господь устроил. При своем очень вспыльчивом характере едва ли бы он мог управлять счастливо монастырем. Потому, когда отец Климент скончался, батюшка отец Амвросий, с сожалением относясь к своему особенно любимому им духовному сыну, в то же время сказал: «Как благовременно взял Климента Господь!» Всего прожил отец Климент в скиту 16 лет, а всей его земной жизни было 48 лет. На третий день после кончины отца Климента были похороны, которые отличались некоторым торжеством. Служил Литургию и затем погребение любивший отца Климента братскою любовью скитоначальник иеромонах Анатолий собором с двумя иеромонахами и иеродиаконом, в светлых праздничных облачениях. После кончины отца Климента осталась большая библиотека, в которой было немало книг на иностранных языках, и в особенности на греческом. Покойник любил греческий язык как священный. Всех книг было до трехсот, если не больше. И все они, за исключением нескольких экземпляров, поступили в скитскую библиотеку. На могиле отца Климента, по благословению скитских старцев, положена большая чугунная плита с приличной надписью. Могила его находится, если стоять лицом к востоку, на правой стороне водруженного на кладбище Крес-

та Господня с изображением Самого распятого Господа. (В скитской библиотеке об отце Клименте есть книжка, составленная известным литератором Константином Николаевичем Леонтьевым.)

64.

Иеросхимонах Михаил

В мире Максим Лукич Андреев, родом из московских мещан. Занятие имел на ткацкой фабрике и управлял некою частью работавших там женщин. Некоторые из последних, как признавался он, во время работы покушались пошалить со своим управляющим, но он, оберегая свое девство, очень просто поступал с таковыми. Даст хорошую оплеуху, тем и оканчивались все любезности. Живя в Москве, Максим Лукич был в тесной дружбе с вышеупомянутым Тимофеем Петровичем Труновым (впоследствии монахом Тимоном), каковая дружба не прерывалась у них и в скиту. Первым их удовольствием в Москве было ходить в великие праздники к Божественной литургии в ту церковь, где служил митрополит Филарет. Проживши уже более половины своей жизни в миру, оба они соглашались поступить в монастырь. Максим Лукич первый порвал связь с миром. В летнее время 1860 года он, предварительно уволившись с фабрики, пошел постранствовать в Киев к угодникам Божиим Печерским и по другим монастырям. И так как родился он и вырос в Москве и никуда с фабрики не отлучался, то даже не имел надлежащего понятия о всех хлебных растениях. «Пошел я странствовать, — так после рассказывал он, — смотрю — растет просо, но не понимаю, что за

* Былка — травка, былинка, стебель. — *Примеч. ред.*

растение, так как вижу это в первый раз в жизни. Сорвал одну былку*, иду и помахиваю ею. Встречается мужик, и я спрашиваю: „Что это такое?“ Мужик смотрит на меня и улыбается. „Да скажи, пожалуйста, — говорю ему, — ведь я всю жизнь прожил в Москве, не знаю, на чем и хлеб растет“. — „Да просо“, — ответил он. — „Ну, вот и спасибо тебе“, — сказал я и пошел в путь далее». Побывавши в некоторых обителях, странствующий Максим прибыл, наконец, в 1861 году в Оптинский скит. Здесь увидел его батюшка старец Амвросий и, узнав о его намерении поступить в монастырь, стал уговаривать его остаться в скиту. И Максим, после некоего колебания, остался. Это было Великим постом, в марте помянутого года. От роду ему тогда было 40 лет. Помещен он был на жительство сначала в Ключаревский корпус (на восточной стороне от Предтеченской церкви), а потом в 1863 году 24 февраля взят был в келейники к старцу батюшке отцу Амвросию. Келейником у старца он пробыл более 20 лет. 15 апреля 1864 года послушник Максим пострижен был в рясофор, а в 1870 году 5 апреля в неделю вайи** — в мантию, причем получил новое имя Михаил. 16 мая 1877 года отец Михаил посвящен был в Калуге архиепископом Григорием II в сан иеродиакона, а 29 июня 1883 года в городе Козельске в соборе посвящен был в иеромонаха уже епископом Калужским Владимиром.

Отличительные свойства отца Михаила — большая любовь и преданность к старцу батюшке отцу Амвросию, соединенные с беспрекословным послушанием. Келейническая обязанность, сама по себе трудная и суетная, при старце Амвросии вследствие многочисленности посетителей в особенности была тяжела. Но отец Михаил долгое время, хотя не без скорбления, проходил это святое послушание, пока, наконец, будучи уже иеромонахом, определен был на другое послушание — в соборную келью отправлять вместе со скитскими братьями известные скитские правила. В разго-

* Неделя вайи — Вербное воскресенье. — *Примеч. ред.*

ворах он был грубоват, но имел доброе сердце и был человек благожелательный. Кроме того, отец Михаил отличался практичностью в хозяйственном отношении, почему какие бы хозяйственные дела ни предпринимались старцем Амвросием, всегда он поручал отцу Михаилу присматривать за ними. Так, например, нужно было поставить корпус для отца Климента Зедергольма, или перестроить внутренность кельи самого отца Амвросия и переложить в ней печь, или только что купленное у Калыгина Шамординское, почти развалившееся имение, привести на первый раз несколько в порядок и т. п., везде отец Михаил был в числе главных деятелей. И в миру, и в скиту он был сторонником любителей состязаться с раскольниками и сам по возможности принимал в этом деле некое участие. Он даже некоторое время имел по этому поводу переписку с известным профессором Московской Академии Субботиным. К службам Божиим отец Михаил был очень усерден и, несмотря на свои престарелые годы с ослаблением сил телесных, не отказывался служить в скиту Божественную литургию до последней возможности. Раз, взглянув на отца Михаила, старец Амвросий как бы в шутку проговорил: «Еще попущением Божиим может быть старцем». И вправду, хотя много людей к нему не относилось, однако все-таки некоторые пользовались его советами.

Незадолго до кончины своей отец Михаил был под сильным искушением от помыслов, которые побуждали его перейти из Оптинского скита в Гефсиманский, при Троице-Сергиевой Лавре, где, как он говорил, были в то время близкие знакомые ему монахи, но по молитвам старцев живых и отшедших искушение это миновалось. С течением времени отец Михаил все более и более ослабевал в силах и келейно принял постриг в схиму без перемены имени. К концу 1897 года он уже не в силах был выходить из кельи, был особорован святым елеем и часто сообщаем Пречистых Тайн Христовых.

Настало, наконец, 21 декабря помянутого года. Утром часов в девять сидел он и спокойно разговаривал с прислуживавшим ему братом. Вдруг последовал с большим удар. Он упал на пол, издал предсмертный стон и испустил дух. На третий день после кончины по обычаю служилась в скиту Божественная литургия, а после были похороны. Всех лет его жизни было 76. На надгробной его плите означено 72 года, но это, вероятно, по ошибке.

Пятый ряд могил считается от юга к северу.

65.

Монах Арсений

В мире Александр Андреевич Леонов, родом из купцов города Ростова Ярославской губернии, поступил в скит в 1860 году, в последний год жизни старца отца Макария, спустя 19 лет после кончины старца иеросхимонаха Льва. И так как он был слабого здоровья, а человек был зажиточный, то, как говорили в свое время скитские монахи, испросил благословение у батюшки отца Макария поставить для себя отдельный маленький домик, чтобы жить одному без соседа. Благословение было дано, и домик был поставлен вблизи корпуса, в котором жил старец отец Макарий, а после него скитские начальники, на северо-западной стороне. Домик этот и теперь цел.

26 марта 1863 года послушник Александр пострижен был в рясофор, а 6 июля того же года причислен был к составу скитского братства указом Духовной Консистории.

1 декабря 1873 года он пострижен был в скитской церкви отцом игуменом Исаакием в мантию, причем дано было ему новое имя Арсений. Рост его был несколько выше среднего, и вид его был довольно представительный. Келейным занятием его было обделывать рамки на иконы и портреты. И он обделывал их с замечательным вкусом и искусством. По слабости здоровья он не имел в скиту какого-либо особого послушания, а только читал в назначенные ему часы Псалтирь по благодетелям. Короткое время заведовал монастырскою лавкою и в этом случае оставил по себе добрую память. До него монастырская лавочка маленькая находилась в самых Святых воротах — в стороне и была холодная и притом на сквозном ветру. Вследствие же попечения отца Арсения и по его указанию построено было для лавки новое здание, просторное и теплое, на косогоре между Святыми воротами и колокольнею. В этом здании и теперь лавка помещается. В скитскую церковь была пожертвована отцом Арсением икона, изображающая 12 великих праздников, с образом посредине Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Все праздники изображены на финифти и обрамлены серебропозлащенным окладом. Впрочем, на свои ли средства приобрел отец Арсений эту икону или, может быть, чрез благотворителей, хорошо неизвестно. Отец Арсений был очень любопытен и любил выпрашивать и выпытывать у людей о разных новостях, за что некоторые его недолюбливали и даже прямо осуждали. Но думается, что за претерпение этих братских осуждений Господь сподобил его мирной христианской кончины. Долго он немоществовал. У него было сильное расширение вен в ногах, так что он и ходить почти не мог, и если иногда через силу приходил в храм Божий для слушания службы церковной, то выслушивал непременно сидя. Кроме того, он жаловался на неисправность желудка. В последний год своей жизни, в Великий

пост, когда по уставу церковному не разрешается рыба, отец Арсений не знал даже, чем в это время питаться, так как приправленная одним елеем пища не питала его и он, по необходимости, чтобы не умереть с голоду, употреблял понемногу икры. В июле 1898 года отец Арсений уже слег в постель и часто сообщался Св. Христовых Тайн. Предлагали ему принять постриг в схиму, но он, считая себя в отношении употребления пищи нарушителем церковного устава и скитских правил, отказался, сказав: «Какой я схимник?!» 24 июля он очень ослабел и потому приставлен был к нему один брат побыть при нем неотлучно. При наступлении вечера больной благодушно, лежа на койке, разговаривал кое о чем с приставленным к нему братом. Вдруг брат заметил начавшееся у него хриплое дыхание и сказал: «Не благословите ли, батюшка, позвать к вам иеромонаха сообщить вас Св. Тайн?» Отец Арсений охотно согласился. Немедленно по приглашению пришел к нему иеромонах Венедикт (в настоящее время [архимандрит], настоятель Боровского монастыря) и приобщил его. И как только отец Арсений проглотил Св. Тайны, тотчас и душа его отошла ко Господу. На третий день его кончины было в скиту соборное служение Литургии и затем отправлены были похороны. Как раз в это время привезена была в Оптину и принесена в скит чудотворная Калуженская икона Божией Матери. По обычаю перед обедней ее обнесли по всем кельям скитян, а при начале Литургии внесли в церковь, и она простояла в церкви всю Литургию, когда тело покойного отца Арсения лежало во гробе перед Царскими вратами, готовое к отпеванию. По-видимому, дело это было случайное, но благорассудительные монахи сочли это знаком милости и благоволения Царицы Небесной к покойнику и Ее благословения на путь, ведущий к Царству Небесному. Случай этот в скиту был единственный.

Схимонах Геннадий

В мире Герасим Иванович Туманов, сын государственных крестьян* Тверской губернии, Бежецкого уезда Ивана и Евдокии Тумановых. Он был единственный сын у родителей и любимец отца. Неизвестно по какой причине жил несколько времени в Петербурге в услужении по найму у одного богатого немца-лютеранина, в доме которого постов никто не соблюдал. Потому и Герасиму Иванову, как после вспоминал он, по необходимости приходилось нарушать установленные Святой Церковью посты, и только говел он на первой и Страстной седмице Великого поста. Но скоро наскучил ему этот, вводящий в пагубу, широкий путь жизни, и он решился с одним единоклубным товарищем покинуть веселую столицу и повседневный разгул. Ему в то время было приблизительно лет 25. Пошли они постранствовать по святым русским обителям, и так как у них обоих было одно доброе намерение — подвизаться ради душевного спасения, то с самого же начала пути они и стали преследовать эту цель. Только не зная установленных Святой Церковью правил, они стали подвизаться по-своему — шиворот-навыворот: в будничные дни они подкреплялись пищей обычным порядком, а когда наставал какой-либо праздник — целый день постились. В 1838 году Герасим Иванович прибыл в Оптинский скит, товарищ же его с этого времени теряется из виду. Скитона начальником тогда был иеромонах Антоний, родной брат настоятеля обители отца Моисея. Заметив в молодом Герасиме детскую простоту, он стал уговаривать его по-детски остаться в скиту. «Идет со мною мимо тополя по дорожке, — вспоминал после отец Генна-

* Государственные крестьяне — особая категория крестьян в XVIII — первой половине XIX вв., была оформлена указами Петра I из остатков незакрепощенного земледельческого населения. Государственные крестьяне жили на казенных землях, пользовались отведенными наделами, были подчинены контролю государственных органов, считались лично свободными. — *Примеч. ред.*

дий, — поднял тополевый сучок и, показывая его мне, говорит: „Оставайся у нас, Герасим: посмотри-ко, какие у нас деревья-то: понюхай-ко, как пахнут-то!“» Привлеченный любовью скитона начальника, Герасим остался и определен был в кухню помощником повара. Через год по поступлении в скит Герасима прибыл в пустынь Александр Михайлович Гренков (впоследствии известный старец Амвросий). Поживши несколько времени на монастырской гостинице, а затем в монастыре, он, наконец, в ноябре 1840 года переведен был в скит и определен на место Герасима помощником повара, а Герасим сделан был главным поваром. Общим их удовольствием было на досуге побеседовать. Беседы эти, впрочем, не препятствовали их благочестивой жизни, и они мирно проводили дни свои. Но вот Герасиму нужно было сходить в свой губернский город Тверь, чтобы выручить из Казенной палаты засвидетельствованный увольнительный приговор свой от общества, который почему-то очень долго не высылался из палаты. Сурово принял его секретарь палаты: «Эти мне монашеские, как нож по горлу, — зашумел он на Герасима, — только чай пить да калачики есть. Ты, брат, подожди!» А так может каждый рассудить: если бы самого секретаря-то посадить в монастырь да заставить каждый день неопустительно к службам церковным ходить, да пищу на братию готовить, да помои выносить — так не рад бы был и калачикам. Да еще откуда взять-то их монаху в общежительном монастыре, где доходов монахам никаких нет? Впрочем, как бы там ни было, а просьба Герасима увенчалась успехом. Ему выдали из палаты увольнение, и он в радости возвратился в скит. Но тут встретило его новое горе. В его отсутствие Александр Михайлович занял место главного повара, и когда возвратился Герасим, его определили быть помощником повара, значит, понизили. Расстроился Герасим. Придет в кухню, сядет на лавку, болтает ногами и

ничего не делает. «Что же ты ничего не делаешь?» — спрашивает повар. — «Я не мирен», — отвечает помощник. Впрочем, немирство это длилось недолго. Сходил он к старцу Макарию, открыл ему свою немощь и, получив от него душеспасительное наставление, стал по-прежнему в мирном устроении духа усердно трудиться в кухне в качестве помощника. 29 марта 1844 года Герасим определен был в число скитского братства указом Духовной Консис- тории. Затем он несколько времени исправлял послушание пономаря в скитской церкви. Но еще в молодых годах заболел и отставлен был от всех послушаний. Из опасения

близкой кончины он даже келейно принял постриг в мантию. Когда же несколько оздоровел, тогда его уже формально представили к мантии и, по разрешении, он пострижен был настоя- телем отцом игуменом Мо- исеем 17 ноября 1851 года. Нужно при сем заметить, что постриг в мантию не

повторяется, так как раз данные монахом Господу обеты и без повторения остаются навсегда во всей силе. Если же монах хочет обеты свои повторить, то для сего должен принять пострижение уже в схиму. Так было и с отцом Ге- расимом. При формальном пострижении в храме Божиим отец настоятель постриг его, по-видимому, в мантию, но по чину пострига [схимнического]. Неизвестно только, ког- да дано ему имя Геннадия, при первом или втором постри- жении. Здоровье отца Геннадия от времени все-таки не ис- правилось как должно; и потому он уже не годился к по- священию в сан иеродиакона и прожил, так сказать, в тени всю свою последующую долгую жизнь. 14 марта 1860 года,

*Трапезная
в Иоанно-
Предтеченском
скиту. Фотогра-
фия. Начало
XX века*

по-старинному, уволен был за штат. Вследствие своего слабого здоровья отец Геннадий проводил жизнь уединенную. В положенные в скиту служебные дни он всегда своевременно приходил в церковь к службам Божиим, в прочие же дни пребывал в келье; сам вычитывал для себя все скитские молитвенные правила, во время которых, как и во время служб церковных, часто по немощи сидел. Бывало же нередко, что труженик сей на целый день впадал в совершенное расслабление, называя себя в это время «оловянным» (говорил он на «о»). Но в таком положении он не опускал молитвенных правил, и если от бессилия не успевал иногда с вечера прочитать молитвы на сон грядущим, то прочитывал их уже по прошествии ночи, утром, а затем начинал уже читать утреннее правило наступающего дня. Любимым его занятием в келье было чтение духовных книг. Он ежедневно поставлял себе в обязанность прочитать житие дневного святого и, таким образом, ежегодно прочитывал весь круг Четьи-Миней святителя Дмитрия Ростовского. Любил и другие назидательные книги читать, а затем упражнялся в Иисусовой молитве. Также ежедневно, когда был в силах, читал вместе с другими братьями Псалтирь по благодетелям в положенные часы. Во всем он любил точность и аккуратность. Все келейные занятия расположены были у него по часам: в положенные часы помолиться, в положенные часы книгу почитать, пообедать и проч. В утреннее время он никогда не позволял себе пить чай раньше восьми часов, когда обыкновенно в монастыре отходит ранняя обедня. По двенадцатым праздникам всегда ходил в монастырь к поздней обедне и чаю уже утром не пил. В характере отца Геннадия заметна была детская простота и искренняя ко всем любовь. Он не стеснялся высказывать старцу свои немощи и недостатки даже и при посторонних людях. Бывало, старец батюшка отец Макарий, желая побудить дру-

гих братий к откровению помыслов, спросит при всех скитянах: «Геннадий! Что ты там наделал?» И отец Геннадий, если с кем, например, повздорил, все выскажет без утайки, нисколько не стесняясь присутствием других. Ко всем старшим братиям он относился с почтением и смирением, и вообще ко всем с искреннею братскою любовью. Каждого [брата] не иначе называл, как только «Красное солнышко!» Причем, бывало, по своей привычке, ласково потреплет брата рукою по плечу или еще как-либо. А когда по должности благочинного делал выговор неисправному брату, называл его «горемычный». За такие боголюбезные качества душевные любили отца Геннадия все старцы, начиная с отцов Льва, Макария, Амвросия и проч. Да и все братия скитские и монастырские относились к нему с любовью, а некоторые даже и с уважением. Сам же отец Геннадий при своей евангельской простоте и незлобии всегда был в мирном и веселом настроении духа. Иногда при случае говаривал: «У меня нет скорбей; кроме шуток, — у меня нет скорбей». Так исполнялись на нем слова старца батюшки отца Амвросия: «Кто из поступивших в монастырь прямо пойдет путем смирения, во страхе Божиим и охраняя по совести очи, и слух, и язык, а в ошибках прибегая к самоукорению, тот мало увидит неприятных случаев». Нельзя, впрочем, сказать, чтобы у отца Геннадия совсем не было скорбей. Немалое время он отправлял в скиту должность благочинного, и потому приходилось ему делать замечания, в особенности младшим братиям, которые, по своей неопытности в жизни духовной, со своей стороны делали отпор отцу благочинному, нанося ему оскорбления своими грубыми ответами, но отец Геннадий, по своему смирению, все это [переносил терпеливо].

За такую благочестивую и благоговейную жизнь отец Геннадий имел и особую благодать от Господа. Случалось

* Бездожие — отсутствие дождя. — *Примеч. ред.*

иногда, в летнее время при бездожии*, скитоначальник отец Иларион скажет ему: «Отец Геннадий! Помолись, чтобы Господь послал дождя». — «Благословите, батюшка!» — ответит отец Геннадий, и молился за святое послушание, и Господь посылал дождь. Но иногда молитва его оставалась без успеха. Тогда отец Геннадий только скажет: «Нет, должно быть, много нагрешили».

За несколько месяцев до кончины Московского митрополита Филарета отец Геннадий имел знаменательное сновидение. Так он рассказывал о сем: «Стою будто я в каком-то чудно украшенном месте, наподобие храма, наполненном обильным светом, у стены. Вдруг отверзаются совне двери, входят два Ангела и ведут как бы некоего отрока. Слышу, чей-то голос говорит: „Это Филарет, митрополит Московский“. Всматриваясь в черты отрока, я припоминал, как будто видел его, и находил сходство с портретом митрополита Филарета. Когда же идущие приблизились ко мне, я ощутил какое-то неизъяснимо-радостное чувство. Потом Ангелы провели отрока в противоположную сторону, которая в особенности была украшена и сияла чудным обильным светом». Тем сновидение окончилось. Об этом сне, до кончины митрополита, отец Геннадий никому не говорил, считая его сомнительным, так как слышал, что митрополит здравствует, между тем как сон, по мнению отца Геннадия, предвещал его кончину. По получении же известия о кончине владыки отец Геннадий уже рассказал свой сон некоторым скитским отцам и братьям.

Несмотря на то, что отец Геннадий не пользовался хорошим здоровьем, Господь судил ему пожить долгое время. Только к концу жизни он все более и более ослабевал в силах и испытывал недуги: некоторое время страдал мочезадержанием, голова у него, может быть от худосочия, покрывалась кровавыми шишками вроде чирьев, и силы его совсем ослабевали, так что он не мог уже по-прежнему

сам вычитывать молитвенные правила, а вычитывал ему сосед, молодой послушник. О недугах своих больной много не беспокоился, а только, бывало, вздохнет и скажет: «Что делать?! Нужно и поболеть, и поболеть нужно». В течение долговременного недугования отец Геннадий еженедельно в субботу в своей келье сообщался Св. Христовых Тайн, которые приносились ему скитскими иеромонахами. Был он особорован святым елеем и благодушно ожидал, когда настанет час воли Божией отойти ему от временной сей жизни.

Интересно было в это время его свидание с Калужским Преосвященным Макарием. За год до кончины отца Геннадия, именно летом 1898 года, Владыка прибыл в Оптину Пустынь и по обычаю, отслуживши в монастыре Литургию, посетил скит. Нужно было ему проходить мимо геннадиевского корпуса, и больной отец Геннадий пожелал получить от Владыки благословение. Вот вывели его под руки два монаха на крыльцо. Когда приблизился Преосвященный, отец Геннадий, с детскою любовью и благоговением взирая на святителя Христова, протянул к нему руки и, приняв от него благословение, проговорил: «Ножку бы, ножку бы вашу поцеловать!» А где там ножку поцеловать, когда спина не гнется и двое держат под руки? «Сколько тебе, старец, лет?» — милостиво спросил Преосвященный. — «Восемьдесят шестой», — ответил с детскою улыбкою отец Геннадий. — «Ну, это еще что за старость?» — шутливо промолвил Владыка и пошел далее. Последний год жизни отца Геннадия быстро протек, и к осени старец совсем ослабел. Посетившему его близкому монаху сказал: «Вот-вот, уже и с постели встать не могу. Простите!» — и поцеловался с ним в уста. В предсмертное время он ежедневно сообщался Св. Христовых Тайн. Настало, наконец, 2-ое число сентября 1899 года — празднование чудотворной Калуженской иконе Божией Матери, и в три часа пополуд-

ни старец мирно почил о Господе, на 87 году своей жизни, проживши в скиту более 60 лет. На третий день после его кончины было в скиту соборное служение Литургии и затем погребение. На надгробной чугунной плите его изображены следующие стихи:

По летам старец древний,
Дитя душою был,
Молебник к Богу теплый,
Он всех равно любил.

67.

Схимонах Феодот

В мире Феодор Иванович Герасимов, из крестьян Тульской губернии, Ефремовского уезда, [Дмитриевской волости, деревни Лоташка]. В раннем детстве остался от родителей сиротой. Сказывал он, что в начале 40-х годов прошлого XIX века в их местности было сряду два голодных года, и потому приходилось по целому дню работать у зажиточных крестьян за один ломоть хлеба, чтобы только не умереть с голоду. Но зато по прошествии этих голодных годов уж и урожай был хорош! Феодор Иванович в свое время был женат, но был бездетный и потому вместо детей воспитывал у себя двух мальчиков племянников сирот, которые почитали его как родного отца. Занятие его, как сельского жителя, было обычное крестьянское — хлебопашество. А кроме того, он занимался рыболовством, и очень удачно. «Бывало, — вспоминал он, — крестьяне наши везут на базар в Ефремов огромные воза сена или соломы, а я повезу рыбки пуда три или побольше. Ее в телеге-то и не видать, а денег выручу

больше всех». Так жил он и нажил, судя по-крестьянски, порядочное состояние. Когда же скончалась у него жена, а племянники выросли, тогда он увидел, что ему не для чего уже оставаться в миру, и потому в 1874 году поступил в Оптиную Пустынь в число братства. Ему тогда было от роду около 50 годов. И так как в миру он занимался рыболовством, то и в монастыре послушанием его было, вместе с другими, ловить рыбу. Сказывал он, что перед тем как идти на ловлю, никогда не пил чаю, а только закусывал, другие же товарищи его чай пили. Но как вскоре за тем приходилось всем рыболовам быть мокрыми, то все они потеряли на этом послушании здоровье и в ранних летах померли, а он, при своей аккуратности, здоровье свое сберег и долго пожил на свете. Затем Феодор Иванович был несколько времени гостинником и пострижен в рясофор, но не был приукажен к Оптиной Пустыни.

Проживши здесь годов десять с лишком, он по обстоятельствам должен был перейти в Лихвинский Покровский Добрый монастырь, где и приукажен и пострижен в мантию с наречением его Феодотом. Тут он исполнял должность келейника настоятельского и вместе был свечником*. В 1894 году, когда Добринского настоятеля перевели на ту же должность в Мещовский Георгиевский монастырь, и отец Феодот перешел туда же за ним, где и прожил три года, проходя послушание свечника. В ноябре 1897 года, когда настоятель этот по нездоровью был уволен от должности и прибыл на покой в Оптинский скит, и отец Феодот в то же время перешел в скит за своим настоятелем. Здесь он, по старости лет и по слабости сил, уже никакого послушания не нес. Но чтобы не быть в тягость обители, он пожертвовал в скит почти все сберегавшиеся у него деньжонки. А кроме того сделана была в его счет сребропозлащенная риза на икону Божией Матери «Споручница грешных» в скитскую церковь, стоимостью в 150 рублей.

* Свечник —
здесь: монах, занимающийся продажей свечей. —
Примеч. ред.

Главным отличительным свойством отца Феодота было его усердие в Божественной службе и вообще к молитве. В каком бы монастыре он ни жил, всегда неопустительно ходил ко всем службам церковным — к утрени, к обедне и вечерне, что составляет для монаха немалый подвиг и требует от него крепости физических сил. Кроме того, он каждый день, как сам признавался, проговаривал по 7000 Иисусовых молитв. Грамоте же он почти не умел — так как едва мог разбирать слова, только довольно порядочно затвердил молитвы на сон грядущим и иногда прочитывал для своего настоятеля. В употреблении пищи был воздержан. Вспоминал он про своего первого настоятеля Оптинского архимандрита Исаакия, который в свое время дал ему совет никогда не наедаться досыта, а выходить из-за стола с малым ощущением голода. Этого правила и держался всегда отец Феодот. Кроме того, он был человек верный и исполнял поручавшиеся ему послушания по совести. Немного пришлось пожить ему в скиту — всего два года и два месяца со днями. Прибывши в скит, он постепенно, видимо, ослабевал в силах, но все продолжал ходить, хотя чрез силу и с оханьем, на скитские молитвенные правила и к службам церковным. Наконец, идя однажды, кажется, в январе 1900 года, от утреннего правила, он около крыльца своей кельи упал без чувств. Его подняли и внесли в келью. Затем он свезен был в монастырскую больницу, там был особорован, пострижен в схиму и несколько дней ежедневно сообщался Св. Христовых Тайн, а 16 января сподобился мирной христианской кончины. Кончина его была так тиха, что из бывших при нем монахов никто не заметил ее. Думали, что он спит, а он уже уснул вечным сном. Скончался лет 72-х. Тело покойника перенесено было в скит и на третий день, после соборного служения Литургии и чина погребения, похоронено было по обычаю.

68.

Игумен Феодосий

В мире Феодор Афанасьевич Попов, из купеческого звания города Балашова Саратовской губернии. С детства имел большую веру ко Господу и Пречистой Его Матери и усердие к молитве. По вере он часто получал от Господа просимое, конечно, не противное Его святой воле. По кончине его остались автобиографические записки, из которых видно, что он с детства имел стремление к разным подвигам. Так, однажды, будучи еще мальчиком, обнаженным телом сидел в муравьиной кочке до тех пор, пока муравьи искусили его до крови. Ходил пешком в Киев на богомолье, и даже, все еще малолетком, ушел было, без ведома родителей в Оптину Пустынь с целью совсем остаться на жительство в монастыре, но, по неимению паспорта, чрез Козельскую полицию возвращен был домой. В мужеском возрасте, живя еще в миру, некоторое время носил вериги до тех пор, пока на теле его открылись раны. Имел наяву искушения от бесов, от которых милостью и помощью Божией избавлялся, но как человек подвергался иногда и немощам человеческим. Видал замечательные сны, которые у него всегда сбывались. Но только Оптинский старец Макарий, к которому отец Феодосий в свое время относился, всячески предупреждал его, чтобы снам отнюдь не верил, так как через них легко впасть в прелесть бесовскую. Да и святой Иоанн Лествичник говорит: «Кто верит снам, тот вовсе неискусен»*.

Имея с юных лет стремление к иноческим подвигам и вообще к монашеской жизни, Феодор Афанасьевич не свя-

* Иоанн Лествичник. Слово 3. Гл. 28. — *Примеч. в рукописи.*

зывал уже себя узами брака. И так как он некоторое время служил по питейным откупам в городе Лебедяни Тамбовской губернии и уже знаком был с Лебедянским Троицким монастырем, то по благословению известного Троекуровского затворника отца Илариона и поступил сначала в число братства в этот монастырь. Это было 27 июля 1860 года. Тут он был и в мантию пострижен 28 июля 1863 года и наречен Феодосием, затем рукоположен был во иеродиакона 15 июля 1864 года и в иеромонаха 28 января 1868 года. По обстоятельствам же пришлось ему переместиться в Оптину Пустынь 1875 года 19 ноября. По благословению старца батюшки отца Амвросия он поместился было в скиту, но тут ему пришлось пожить недолго. 8 апреля 1877 года по определению Священного Синода он назначен был настоятелем Перемышльского Лютикова Троицкого монастыря Калужской епархии, где и возведен был в сан игумена 31 марта 1885 года.

Находясь в Лебедянском Троицком монастыре, отец Феодосий по благословению доброго настоятеля отца игумена Иоасафа, с самого поступления в монастырь до перехода в Оптину Пустынь, жил в монастырском саду, в уединенной келье. Так, как видно из его записок, он проводил строгую подвижническую жизнь: временем по целой ночи проводил в молитве и слезах, но притом, как видно из его же записок, очень строго относился в суждениях своих к немощам своих собратий, начиная с самого отца настоятеля, казначея и так далее. Потому, промыслительно попустилось и ему самому впасть в те же погрешности, которые он осуждал в своих собратиях, когда Господь судил ему самому быть настоятелем Лютикова монастыря. Он даже так ослабел в жизни духовной, что приехал однажды к старцу батюшке отцу Амвросию и просил у него благословения оставить настоятельскую должность. Но старец сказал ему так: «Живи до тех пор, пока прогонят». И слова стар-

ца не остались без исполнения. Дело было так. 1893 года, когда Калужскую архиерейскую кафедру занимал епископ Анатолий (впоследствии член Московской Синодальной Конторы и настоятель Новоспасского монастыря), в Лютиковом Троицком монастыре украдена была, неизвестно кем, вся капитальная монастырская сумма в несколько тысяч рублей. Скрыть это было нельзя. И хотя, по опубликовании, деньги вскоре нашлись, тем не менее Владыка приписал это неосмотрительности настоятеля и велел ему подать в отставку. 10 февраля 1894 года отец игумен Феодосий и был отставлен от настоятельской должности. Для более внимательной жизни Промысл Божий, через высшее начальство, указал отцу Феодосию самое благонадежное место — скит Оптиной Пустыни. Тут он жил очень скромно и своим простым обращением заслужил любовь братии. Нередко за святое послушание он ездил в Шамординскую женскую обитель для отправления богослужений наряду с другими иеромонахами. Там жила его родная сестра Екатерина Афанасьевна, которая пострижена была келейно в схиму и скончалась раньше своего брата дней на пять или на шесть. И сам отец Феодосий, незадолго до своей кончины, тоже желал быть постриженным в схиму, но почему-то это дело не состоялось. В скиту он прожил немалое время — лет девять с лишком. Любил часто служить Божественную литургию и служил с умилением сердечным. А в свободное время имел привычку удить рыбу, в чем находил всегда большое удовольствие. Вообще он был добрый и благожелательный монах и в свое время гостеприимный настоятель. Смерть застигла его неожиданно. Дня за три или за четыре он служил, и это было последним напутствием его в жизнь вечную. Затем, как говорили, у него открылась сильная рвота, и 10 октября 1903 года он мирно скончался на 80-м году от рождения. На третий день была соборная Литургия и похороны.

Схимонах Нестор

В мире Николай Васильевич Фуфаев, родом из мещан города Торопца Псковской губернии. Поступил в скит холостым в молодых летах 24 декабря 1864 года. Ему было от роду годов 20. Когда появилось у него желание иноческой жизни, он, по его словам, стал рассуждать так: «В монастыре, без сомнения, чай не пьют, куплю же я себе табачку и буду от скуки понюхивать». Как вздумал, так и сделал. Но, поступивши в скит, он увидел, что здесь делается совсем наоборот: чай пить дозволяют, а табак нюхать не велят. Так и пришлось его выкинуть в навоз. С июня 1865 года он проходил послушание келейника у скитона начальника иеромонаха Илариона до самой его кончины, последовавшей 18 сентября 1873 года, после чего он перешел по собственному желанию из скита в монастырь. После сего 1 декабря того же года он пострижен был вместе с другими в мантию и наречен Нестором. Пострижение совершено было отцом игуменом Исаакием в скитской церкви. Восприимным отцом его от Евангелия был старец батюшка отец Амвросий. Летом следующего года отец Нестор смертельно заболел тифозной горячкой, так что доктора — монастырский отец Нифонт и козельский Кустов заявили, что надежды на выздоровление никакой нет. И потому его готовили уже к смерти: особоровали святым елеем, каждый день сообщали Св. Христовых Тайн и наконец, по благословению отца настоятеля и старца, постригли в схиму. Ему было тогда 28 лет. Но к удивлению всех, и в особенности докторов, отец Нестор по молитвам старца батюшки отца Амвросия, при помощи Божией, стал понемногу поправляться

и наконец совершенно оздоровел. В феврале 1896 года он опять перешел на жительство в скит.

В продолжение всего своего пребывания в монастыре и в скиту отец Нестор имел непреодолимую охоту к пению, обучался хотя по малоспособности с трудом, ноте церковной и партесной, стоял на правом клиросе и неустанно лет 40 воспевал [хвалу] Богу. Голос у него был сильный, тенор первый, но только не имел он вкуса в пении и потому не гнался за стройностью, а чтобы только погромче пелось. В этом было все его удовольствие. Вообще он был человек добрый и благожелательный. Но только к старости последовало с ним искушение. По временам он стал предаваться винопитию. За то уже и скорбей много понес. Его поневоле перевели в скит, где проводится жизнь более строгая, становили в трапезе на поклоны во все продолжение обеда, делали строгие замечания. К концу жизни отец Нестор стал болеть мочезадержанием и другими недугами и болел долго. Вследствие своей болезненности перешел в монастырскую больницу и там скончался 1905 года на 25 января около полуночи, будучи приготовлен к исходу из сей жизни всеми Христианскими Таинствами. Кончина его была мирная и покойная. Всей жизни его было более 60 лет. Тело его перенесено было в скитскую церковь и, несмотря на то что стояло в тепле, нисколько не издавало мертвенного запаха. На третий день после соборной Литургии совершенно было и погребение.

Иеродиакон Мартирий*

В мире Михаил Павлов Касинов, из крестьян Тульской губернии Ефремовского уезда Старогольской волости, деревни Нижнегольской. Родился в 1854 году и был холост. Еще мальчиком, кажется, в начале 60-х годов поступил было в Оптину Пустынь в число братства, но, поживши немного, опять по обстоятельствам, возвратился в мир. Между тем желание иноческой жизни не ослабело в нем, и он в 1884 году 17 апреля опять прибыл в Оптину и поступил в скит. 1895 года 3 июля пострижен в мантию и наречен Мартирием. Главным его послушанием в скиту было варить квас. Это очень трудное послушание. Варят в скиту квас обыкновенно Великим постом на второй неделе, когда снег начинает уже несколько таять. Квасовару приходится быть то в сильном тепле у кипящей воды или вынимать из горячей печи котлы с запаренным для кваса тестом, то, распотевши, выходить на холод для наблюдения за прочими работами. И потому отец Мартирий всегда почти за этим послушанием простужался. Как хороший квасовар, он в мае 1899 года вытребован был в Калугу в Архиерейский Дом сварить квас, и за удачное исполнение сего послушания Преосвященным Макарием посвящен был 27 мая в иеродиакона. В конце 1907 года он готовился было и к посвящению в сан иеромонаха, но почувствовал нездоровье — с ним часто стала случаться рвота. Потому он перешел в больницу. Тут рвота у него все более и более стала учащаться. Доктор козельский Карасев нашел, что у отца Мартирия рак в желудке. Потому он был особорован, пострижен в схиму и,

* См. Приложение. С. 214. — *Примеч. ред.*

пока было возможно, сообщался Св. Христовых Тайн. Он также до последней возможности перебирал четки с молитвой Иисусовой. Пред самым же исходом души из тела он был в большой тревоге, бился и руками, и ногами. Когда же он троекратно осенен был иерейским благословением и окроплен святой Богоявленной водою, тотчас стал утихать. Когда же прочтен был над ним канон на исход души, он совершенно успокоился и вскоре мирно почил о Господе 2 января 1908 года, лет 53-х. Тело его перенесено было в скитскую церковь и там, по обычаю после Литургии, погребено.

71.

Монах Пахомий

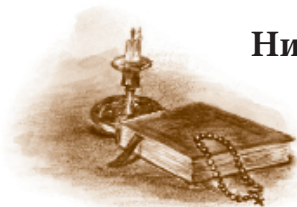

В мире Петр Игнатъевич Сабодаш. Казак Полтавской губернии Роменского уезда Баумановской волости, села Бауманова. Родился 1869 года 21 декабря. Достигнув лет 20-ти, он лишился матери. И так как у родителя его были еще дети младшие и даже маленькие, то все односельчане по смерти хозяйки дома переговаривали между собой: «Пропали Сабодаши!» — «А у нас, — сказывал впоследствии Петр, — после смерти матери стало еще тише в семье. Я, как умевший шить на машине, всех семейных обшивал. И вообще все наши домашние дела шли добрым порядком». Когда исполнилось Петру 30 лет и прочие члены семейства уже выросли, он, по влечению сердца своего к монастырской жизни, оставил родной дом и поступил в скит Оптиной Пустыни в число братства 13 июня 1900 года. Так как он имел порядочный бас, то несколько времени был певчим на правом клиросе и исполнял некоторые другие послушания. Но вскоре взят был старцем Иосифом к

себе в келейники, каковое хлопотливое послушание и проходил лет шесть, до самой своей кончины. 1907 года 21 сентября он пострижен был в мантию, причем получил новое имя Пахомия. Находясь под разными искушениями, отец Пахомий неоднократно собирался оставить скит и перейти в другую обитель, забывая о том, что от искушений никуда невозможно уйти. По убеждению настоятеля обители отца архимандрита Ксенофонта и старца отца Иосифа, он, однако, отлагал свое намерение навсегда проститься со скитом, куда Всеблагий Промысл Божий привел его для спасения души. Наконец в исходе февраля 1908 года он заболел пятнистым тифом и перевезен был в монастырскую больницу. Здесь он был исповедан, сообщен Св. Христовых Тайн и особорован. После сего он скоро впал в беспамятство. Но для всех замечательно и удивительно было, что, находясь в беспамятстве, отец Пахомий постоянно твердил Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Оказалось, что вскоре, по поступлении в скит и потерявши голос, он по необходимости во время служб церковных становился в храме Божиим позади и, вместо того чтобы петь басом, пел уже мытаревым гласом, непрестанно повторяя про себя молитву Иисусову, и так свыкся с ней, что даже и в беспамятстве повторял ее. 1908 года 9 марта, на память святых сорока мучеников, отец Пахомий скончался и похоронен на скитском кладбище. По кончине его на столе в его келье осталось приготовленное им письмо, в котором он убедительно просил одного настоятеля из другого монастыря о принятии его в свою обитель. И это было последнее для отца Пахомия предсмертное искушение. Такое же явление, как непрестанно произносившаяся в беспамятстве отцом Пахомием молитва, показывает, как полезно всем и каждому из православных христиан навекать Иисусовой молитве, ибо, при исходе из сей жизни, только в молитве душа и находит для себя опору и утешение.

72.*

Рясофорный монах Никита (Иванович Костинский)

Мещанин города Покрова Владимирской губернии. Вдов по первом браке. Одет в под-
рясник 21 ноября 1902 года**, 58 лет от роду.
Пострижен в рясофор 25 мая 1905 года по указу Калужской
Духовной Консистории от 2 мая 1905 года за № 5162. Обу-
чался в доме родителей чтению и письму. Скончался 3 апре-
ля 1913 года от паралича, 68 лет от роду. Погребен 5 апреля
на скитском кладбище. Погребение совершали: начальник
скита иеромонах Феодосий и иеродиакон Зосима.

73.

Монах Рафаил***

Изкрестьян Орловской губернии,
Ливенского уезда, Знаменской воло-
сти, села Космодамианского. В ми-

* С №72 начинается дополнительная запись. Почившие отцы и
братия скита, занесенные в эту книгу под №№ 1—71, вписаны были в
том порядке, как расположены их могилы. Теперь же порядок записи
по необходимости изменяется, уступая место хронологическому, то
есть покойные теперь записываются в порядке времени их кончины.
Расположение же могил не совпадает с хронологической последова-
тельностью: отцы Никита, Рафаил и Иов заняли чередные места в по-
следнем (пятом) ряду могил, брат же Павел погребен на краю второго
ряда, иеромонах Ираклий почивает на предпоследнем и брат Виктор
на последнем (то есть около дорожки) месте третьего ряда.

В этот дополнительный список не вошли скитяне-схимонахи
Димитрий и Памфил, как погребенные на монастырском кладбище
(умерли в больнице). — *Примеч. в рукописи.*

** Время внесения в братскую книгу, т. е. оформления принятия
в число добровольных послушников. — *Примеч. в рукописи.*

*** См. Приложение. С. 220. — *Примеч. ред.*

ре Роман Васильевич Фомин, холост. Записан в братскую книгу (одет в подрясник) 22 мая 1898 года (22 лет от роду). Пострижен в рясофор 12 апреля 1902 года, определен в число братства (приукажен) 19 февраля 1903 года; пострижен в монашество 16 декабря 1907 года в Оптиной Пустыни. Проходил в 1912 году послушание цветника. Обучался в сельской школе чтению и письму. Скончался 13 апреля 1913 года от туберкулеза легких, 37 лет от роду. Перед смертью пострижен в схиму, исповедывал и приобщал его иеромонах Пантелеимон. Погребен 15 апреля на скитском кладбище. Совершали погребение: иеромонах Кукша и монастырский иеродиакон Макарий.

74.

Указный послушник Павел Яковлевич Бородин

Из крестьян Орловской губернии, Ливенского уезда, Вышне-Ольшанской волости, села Студеного Колодезя. Запасный писарь Амурской речной флотилии. Родился 1 июня 1884 года. Обучался в сельской школе чтению и письму. Холост. Записан в братскую книгу 5 мая 1904 года, 19 лет от роду. 5 октября 1905 года выбыл на родину для отбывания воинской повинности. Возвратился с военной службы и вновь поступил в обитель 22 ноября 1911 года. Пострижен в рясофор 12 апреля 1913 года. Определен в число братства (приукажен) по указу Духовной Консистории от 25 ноября 1913 года за № 20096. В 1913 году проходил разные послушания в скиту. Скончался 28 мая 1914 года от туберкулеза легких, 28 лет от роду. Исповедывал и приобщал перед смертью иеромонах Дионисий. Погребен 30 мая на

скитском кладбище. Совершали погребение скитские — иеромонах Осия и иеродиакон Зосима.

75.

Иеромонах Ираклий

Из государственных крестьян Ливенского уезда, Никольской волости села Казанского. В мире Илья Глебов Дорогавцев. Обучался в сельской школе чтению и письму. Холост. Записан в братскую книгу 17 декабря 1869 года, 22 лет от роду. Пострижен в монашество 8 мая 1883 года в Оптиной Пустыни. Рукоположен во иеродиакона 9 мая 1893 года, во иеромонахи — 5 июля 1899 года. Скончался 30 сентября 1915 года от старческой дряхлости, 67 лет от роду. Исповедывал и приобщал пред смертью иеромонах Досифей. Погребен 2 октября на скитском кладбище. Совершали погребение соборне: игумен Феодосий, монастырский иеромонах Серапион, иеромонах Вениамин (скитский) и иеродиакон Ефрем (из Казанской Академии).

76.

Монах Иов

Из мещан города Ефремова. В мире Иван Григорьевич Краснобаев, холост. Поступил в Оптину Пустынь в январе 1875 года, 33 лет от роду. Пострижен в монашество 9 апреля 1888 года в той же Пустыни. Проходил послушание садовника

в скиту. Скончался 28 декабря 1915 года от старческой дряхлости в Оптиной Пустыни (в монастырской больнице). Перед смертью напутствован иеромонахом Досифеем; погребен 29 декабря того же года на скитском кладбище. Отпевание совершали соборне: скитоначальник игумен Феодосий, иеромонах Кукша, иеродиакон Зосима. Скончался 73 лет от роду.

77.

Указный послушник Виктор Алексеевич Вейденгаммер

Из потомственных дворян, рожден 13 декабря 1843 года. Поступил в Оптину Пустынь 12 июня 1900 года, 56 лет от роду. Пострижен в рясофор в декабре 1901 года. Определен в число указных послушников Оптиной Пустыни указом Калужской Духовной Консистории от 15 мая 1904 года за № 6557. Проходил послушание по техническим работам. Скончался вечером 17 апреля 1916 года, в своей келье в скиту, от припадка сердечной астмы, 72 лет от роду. Напутствован перед смертью не был вследствие скоропостижной смерти. Отпевание совершено в скитской церкви, отдельно от опущения в могилу, последнее совершили соборне: иеромонахи Пиор, Кукша и Вениамин 2-ой (скитский) и иеродиакон Иоанникий 22 апреля 1916 года.

78.

Монах Афанасий

В мире Афанасий Степанович Саприкин, крестьянин села Тележья, Скарятинской волости, Малоархангельского уезда, Орловской губернии. Был женат. Поступил в скит Оптиной Пустыни и записан в братскую книгу 1893 года 30 марта. Был малограмотный. Проходил послушание белевщика. В скиту был пострижен в рясофор. Проживши в скиту более 20 лет, заболел. 21 декабря 1917 года утром был напутствован Св. Тайнами скитским иеромонахом Осиєю. В тот же день перевезен был в монастырскую больницу. К вечеру того же дня пострижен был в мантию без перемены имени смотрителем больницы иеромонахом Досифеем, а через два часа скончался от болезни сердца, 83-х лет от роду. Погребен на кладбище в ограде монастыря, около стены алтаря церкви преподобной Марии Египетской, рядом с могилой своего сына по плоти, рясофорного монаха Мирона. Погребение совершал напутствовавший покойного скитской иеромонах Осия, со скитским же иеродиакonom Иоанникием.

79.

Монах Иоанникий — тайный схимник

В мире Иван Павлов Королев. Холост. Родился 7 мая 1872 года. До 4 января 1900 года значится московским 2-ой гильдии купеческим сыном,

а с 4 января 1900 года — московским мещанином Хамовой слободы. Обучался у причетника чтению и письму. Поступил в скит Оптиной Пустыни 1895 года 26 сентября на праздник преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. В рясофор пострижен в 1897 году, указом Консистории определен в число братства 1901 года 22 марта. В монашество пострижен в сей Оптиной Пустыни 1905 года 24 июня на праздник Рождества святого Иоанна Предтечи. В 1901 году проходил в скиту послушание трапезного, а потом — разные. Последние годы был письмоводителем скитоначальника. Годов за 15 до смерти, по благословению старца иеросхимонаха Иосифа, принял келейно постриг в схиму. Постригал живущий на покое архимандрит Агапит.

Аттестация в списке за 1903 год: «Качеств хороших. К послушаниям по слабости здоровья малоспособен». За 1905 год и дальше: «Качеств хороших и к послушанию способен». Скончался 1918 года 8 августа в своей келье в скиту, и погребен 10 августа на скитском кладбище. Отпевание и погребение совершал скитоначальник игумен Феодосий соборне с иеромонахами: монастырским Моисеем и скитским Зосимой. Иеродиаконствовал Пантелеимон — скитянин.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Схимонах Николай*

Весь 1876 год до осени провел я в странствии и в сентябре пришел в Петербург. Неприветливо встретила меня столица нового моего отечества. Подыскал я себе недорогую квартиру в Гончарной улице и решил сокращать свои расходы до последней возможности, ограничиваясь лишь самым необходимым. Подал я прошение на Высочайшее имя, ходатайствуя о выдаче пособия и об определении на гражданскую службу. Прошло месяца три. Ответа не было. Но вот однажды явился ко мне полицейский и предложил идти за ним к начальнику тайной полиции генералу Колинако. Когда я явился, генерал потребовал от меня мои документы и начал подробно расспрашивать о том, кто я такой, почему принял православную веру и приехал в Россию; наконец объявил, чтобы я шел домой, а документы мои оставил у себя. Вообще генерал отнесся ко мне крайне подозрительно, считая меня, вероятно, за турецкого шпиона. Дело мое принимало вид весьма неблагоприятный. На пособие уже нельзя было рассчитывать, а тем более на поступление на русскую службу; приходилось опасаться за личную свободу, чтобы не быть арестованным и, чего всего больше я боялся, чтобы, как турецкому подданному, не быть отправленным в Турцию, где, конечно, в таком случае ожидала меня неминуемая казнь, и притом самая ужасная как изменника отечеству и Магомету.

* Из книги «Жизнеописание схимонаха отца Николая». Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003. С. 87—106.

Летом 1891 года я вторично прибыл в Оптину Пустынь. Отец Амвросий в то время жил в Казанско-Горской женской общине, близ села Шамордина, отчего она и называется иногда Шамординскою. Община эта устраивалась под непосредственным, личным надзором старца. От Оптиной Пустыни отстоит она в верстах семнадцати, и посему я отправился туда, чтобы получить благословение от старца и совет: продолжать ли мне странствовать или остаться в обители и в какой именно? В Шамордине я встретил великое стечение богомольцев, из которых каждый желал видеть отца Амвросия, получить от него благословение и разрешение на тот или иной вопрос своей жизни. Я изложил свою просьбу на бумаге и подал ее старцу чрез находившегося при нем иеросхимонаха отца Иосифа, иначе мне пришлось бы очень долго ожидать очереди. Намерение мое было отправиться в Ташкент, где я рассчитывал поступить на службу к великому князю Николаю Константиновичу. Но Бог судил иначе. Странствование в этом году по святым местам было уже последним в моей скитальческой жизни. Мне наступил 71 год, и хотя здоровье мое было еще крепкое, но невольно приходила в голову грустная дума: где Господь укажет мне последний жизненный приют? Впрочем, я особенно по этому поводу никогда не смущался, возложив все упование свое на Господа, и сим упованием успокаивал себя.

Получив мою записку, старец потребовал меня к себе. Явившись к нему, я рассказал ему, как и где провел время после первого посещения Оптиной Пустыни, то есть с июня 1879 года, в течение двенадцати лет, и затем начал просить благословения идти в Ташкент. Но отец Амвросий не только мне в этом отказал, но сказал, что лучше я сделаю, если останусь в Оптиной Пустыни навсегда. Я глубоко верил, что через блаженного старца Господь указывает мне конечную жизненную пристань, и посему немедленно изъявил полное согласие на предложение старца.

Вскоре прибыл в Шамордино начальник скита иеросхимонах отец Анатолий, которому отец Амвросий и объявил, что благословляет мне поступить в скит, в число братства. Вступление мое в эту святую обитель состоялось 2 июля 1891 года, и я определен был послушником скита. Послушание дано было очень легкое: отец Ана-

толий благословил мне читать Псалтирь в церкви скита ежедневно по два часа, чередуясь с прочими братьями. Псалтирь читается о здравии и о упокоении усопших из числа братии скита и благодетелей из мирских лиц. Благодарение Господу, что Он сподобил меня застать отца Амвросия в живых. Опоздай я всего на каких-нибудь три-четыре месяца, и тогда неизвестно, как и чем решилась бы моя участь. 10 октября того же года отца Амвросия не стало. Кончина сего великого подвижника была поистине великою и незаменимою утратою всей Русской земли.

Поступив в скит, я не знал, как возблагодарить Господа за оказанную мне столь дивную и великую милость. Кто я, окаянный, и что доброго сделал, что Он вселил меня в сию святую обитель, в сонм преподобных отцов и братии, проводящих равноангельную жизнь? По заповеди, данной мне моим духовным отцом, иеросхимонахом Анатолием, я старался всеми мерами искоренять прежние свои наклонности и привычки.

Больше всего я старался воздерживаться от осуждения ближних и все внимание свое сосредоточить на том, чтобы познавать свои греховные скверны и врачевать их. При помощи благодати Божией, «немогущая врачующей и оскудевающая восполняющей», и за святые молитвы духовного отца моего, я несколько начал преуспевать в сем моем благом намерении. Хотя я как прежде был, так и по сие время остаюсь великим грешником, сплошь покрытым греховными язвами, но с самого начала поступления в скит и до настоящего времени ощущаю в сердце своем великое спокойствие, а по временам и великую радость. Жизнь во святой обители, при помощи благодати Божией, дала мне познать, что такое есть духовная жизнь во Христе, в чем заключается сокровенная, таинственная сущность этой дивной жизни. Некоторое познание этой жизни открыло мне такие тайны, о существовании которых я прежде и не помышлял. Блаженным опытом познал я ныне высокое значение и глубочайший смысл иноческой жизни.

Жизнь эта слагается из внешнего подвига и внутреннего духовного делания. Начало внешнему подвигу я положил тем, что всеми силами старался, во-первых, неупустительно посещать все службы, совершаемые в церкви и в сборной келье, в которую братия скита

сходятся для чтения дневного правила в дни, когда по уставу скита не положено совершать церковных служб; во-вторых, по силе выполнять положенное для скитян келейное правило, не прибавляя к оному без благословения моего духовного отца, а также ничего и не опуская из оногo, кроме, конечно, исключительных случаев, например во время болезни и тому подобное; в-третьих, служить по силе каждому из братии, за что и терпел нередко от оных скорби и гонения, воздвигаемые врагом человеческого рода; в-четвертых, довольствоваться тем, что давала мне обитель, ограничиваясь в своей келейной обстановке существенно необходимым, избегая излишеств. О стяжании денег и вообще какого бы то ни было имущества никогда не заботиться.

Внутреннее мое делание состояло в том, что я старался, во-первых, безропотно и благодушно переносить всякие скорби и злоключения, какие мне попускались по Божию промыслению и смотрению; во-вторых, сознавать себя грешником, непотребным паче всех человек, каков и есть на самом деле; в-третьих, молиться как за благодетелей, так и за врагов своих, по заповеди Господа; и, в-четвертых, непрестанно молитвенно призывать сладчайшее имя Господа и Спаса моего Иисуса Христа.

Проживши в скиту год, я впал в недуг и думал, что приходит конец моего жития на земле. В скиту нашем установился святой обычай, в силу которого немедленно постригают в мантию всех послушников, если болезнь их начинает внушать опасения. Поэтому отец Анатолий благословил постричь меня в мантию, хотя я и не имел еще рясофора, что и было совершено отцом Венедиктом, скитским иеромонахом. Сей великой милости я сподобился от Господа 10 мая 1892 года. В этот день совершалась память святого апостола Зилота.

С пострижением в мантию усилились мои скорби, скорби внутренние. Но Господь, не хотящий *смерти грешника, но еже живу быти ему**, с усилением скорбей внутренних, даровал мне облегчение от недуга телесного. Хотя прежнее мое здоровье уже не возвратилось,

* Иез. 33, 11.

но все-таки я опять получил возможность посещать службы церковные и совершаемые на правиле в соборной келье.

Никаких особенных искушений со времени поступления моего в скит со мною не случилось, как в бытность мою послушником, так равно и после пострижения в мантию.

Так прошло около года. Но после Святой Пасхи сего 1893 года прежняя моя болезнь — страдание спины и ног — усилилась, так что я уже лишен был возможности выходить из кельи. Жизнь моя опять была в опасности и посему, по совету и благословению отца Анатолия, отец Венедикт постриг меня в схиму, что совершилось 26 апреля сего года, в день памяти святого Василия, епископа Амасийского. И так я, паче всех окаянный грешник, вторично сподобился великой и сугубой милости Божией — облечения в великий ангельский образ. Господи! Господи! Поистине милосердие Твое неизреченно и Ты «всем хочещи спастися и в разум истины прийти»*. Пришел Ты не праведников, но грешников призвать к покаянию, *от нихже первый есмь аз***.

Благоговейно повергаюсь пред неисповедимыми судьбами Твоего смотрения. Из какой пучины погибели, каковая есть поистине мерзостное и богохульное магометанство, Ты исторгнул меня в чудный Твой свет!

Достоин внимания и то обстоятельство, что пострижение меня в великий ангельский образ совершилось в день памяти святого Василия Амасийского. Город Амасья (древняя Амасия)*** отстоит в трехстах верстах от города Сиваса (древняя Севастия), в котором был расположен наш полк, и мне приходилось бывать в Амасье по делам службы. Мог ли тогда думать, что ожидает меня через сорок-пятьдесят лет!

С пострижением в схиму здоровье мое еще более ухудшилось, а внутренние скорби и вообще вражеские искушения весьма усилились.

После пострижения я в продолжение трех дней испытывал многообразные искушения от бесов. Об искушениях этих до того

* Молитва свт. Василия Великого ко Святому Причащению.

** 1 Тим. 1, 15.

*** Амасья — главный город одноименного вилайета в Турции.

времени я не имел почти никакого понятия; знал только из отеческих книг и от духовного отца моего иеросхимонаха Анатолия, что все греховные помыслы влагаются в нас бесами и что многие, не зная сего, принимают такие помыслы за собственные свои мысли. Теперь же я опытно дознал, что греховные помыслы, как-то: хульные, блудные, памятозлюбные и прочие, действительно влагаются в ум наш бесами, и ум наш как бы разговаривает, входит в собеседование с бесами. Так бесы неоднократно наполняли мою келью, представляясь мне в чувственном виде, произнося ругательства и хулы на Церковь Христову, на Божию Матерь и на Самого Господа Иисуса Христа. Голоса бесов я слышал так же чувственно, как слышал обыкновенно слова людей, и видел их мрачные образы. Главная цель бесовских искушений состояла в том, чтобы отвлечь меня всевозможными способами от молитвы. Неописуемый ужас овладевал тогда моею душой. Поэтому самые сильные искушения от бесов я испытывал тогда, когда начинал молиться. Искушения и нападения бесовские продолжались не только ночью, но и днем.

В четверг 13 мая утром, часу в третьем, я начал читать акафист Святителю Николаю Чудотворцу. Господь даровал мне такую благодать при этом, что слезы неудержимо и обильно текли из моих глаз, так что вся книга была омочена слезами. По окончании утрени я начал читать 50-й псалом «Помилуй мя, Боже...», а после него Символ веры, и, когда окончил оный и произнес последние слова: «... и жизни будущего века. Аминь», — в это самое мгновение невидимая рука взяла мои руки и сложила их крестообразно, а голову мою обнял со всех сторон огонь, похожий на желтый цвет радуги; огонь этот не опалял меня, и наполнил все существо мое неизглаголанною радостью, дотоле совершенно мне неведомую и неиспытанною. Радости этой нельзя уподобить никакую земную радость. Не помню, как и через какое время я увидел себя перенесенным в некую дивную и неизреченно прекрасную местность, исполненную света. Никаких земных предметов я не видел там; видел только одно — бесконечное и беспредельное море света. В это время я увидел около себя с левой стороны двух стоящих людей, из коих один был по виду юноша, а другой — старец. Мне было дано знать, что один из

них — святой Андрей, Христа ради юродивый, а другой — ученик его, святой Епифаний. Оба они стояли молча. В это время я увидел перед собой занавесь темно-малинового цвета. Я взглянул вверх и увидел над занавесью Господа Иисуса Христа, восседающего на престоле и облеченного в драгоценные одежды, наподобие архиерейских; на главе Его была надета митра, тоже похожая на архиерейскую. С правой стороны Господа стояла Божия Матерь, а с левой — Иоанн Креститель, на которых были одежды наподобие тех, в каких пишутся они на иконах. Только святой Иоанн Креститель держал в одной руке знамение креста Господня. По сторонам Господа стояли двое светоносных юношей дивной красоты, державшие пламенное оружие. В это время сердце мое наполняла неизглаголанная радость, и я смотрел на Спасителя и несказанно наслаждался зрением Его божественного лика. На вид Господу было лет тридцать. Потом во мне явилось сознание, что вот я, величайший грешник, худший пса смердящего, удостоился от Господа такой великой милости и стою пред престолом Его неизреченной славы... Господь кротко смотрел на меня и как бы ободрял меня. Также кротко взирали на меня Божия Матерь и святой Иоанн Креститель. Но ни от Господа, ни от Пречистой Его Матери, ни от Иоанна Крестителя я не сподобился слышать ни единого слова. В это время увидел я пред Господом схимонаха нашего скита отца Николая, скончавшегося в полдень 10 мая и еще не погребенного, так как ожидали приезда из Москвы его родного брата. Отец Николай совершил земное поклонение пред Господом, но только на нем была не схи́ма, а одежда послушника, в руках его были четки и голова не была покрыта. Сказал ли ему какие слова Господь, равно и предстоящие Ему Богородица и святой Иоанн Креститель и светоносные юноши, я не заметил. После сего я взглянул и вот с правой стороны заметил великое множество людей, которые приближались ко мне. По мере их приближения я начал слышать пение, но слов его не мог разобрать. Когда этот великий сонм приблизился ко мне, то я увидел, что некоторые из них были в архиерейских облачениях, некоторые были в иноческих мантиях, иные держали в руках ветви; между ними видел я и женщин в богатых и прекрасных одеждах. В лике этом я узнал многих святых, известных мне по изображениям на святых иконах: пророка

Моисея, который держал в деснице своей скрижали завета; пророка Давида, державшего некое подобие гуслей, издававших прекрасные звуки; своего ангела, Святителя Николая.

В этом же сонме я видел наших в Бозе почивших старцев, иеросхимонахов Льва, Макария и Амвросия, и некоторых из отцов скита, находящихся еще в живых. Все это великое множество святых Божиих взирало на меня. В этот же момент я внезапно увидел перед собою, то есть между мною и занавесью, великую и неизмеримую пропасть, исполненную мрака, но мрак этот не воспрепятствовал мне увидеть в ее страшной глубине князя тьмы в том виде, как он изображается на церковных картинах; на руках его сидел Иуда, державший в руках подобие мешка. Возле князя тьмы стоял лжепророк Мухамед в рясе зеленого цвета и такого же цвета чалме. Вокруг сатаны, который составлял как бы центр пропасти, на всем беспредельном пространстве ее, видел я множество людей всякого состояния, пола и возраста, но никого из знакомых между ними не заметил. Из пропасти доносились до меня вопли отчаяния и неизглаголанного ужаса, которых невозможно передать никоим словом.

Видение это окончилось. После этого внезапно я поставлен был в другом месте. Исполнено оно было великого лучезарного света, однородного, как мне показалось, с виденным мною в первом месте. Святого Андрея и святого Епифания со мною уже не было. Трудно передать словами даже самое отдаленное подобие красоты этого места — красоты поистине негибнущей и неизглаголанной. Если мы нередко встречаем великое затруднение, чтобы изобразить пред кем-либо красоты земные, и, не довольствуясь словами, берем для этого краски и звуки, то как же мне, худородному, передать виденные мною неземные красоты рая! Скуден и беден человеческий язык для изображения дивной и пречудной его красоты. Видел я там великие и прекрасные деревья, обремененные плодами; деревья эти стояли как бы рядами, образуя аллеи, конца которых невозможно было видеть; вершины деревьев, соединяясь между собою, образовывали над аллеями как бы свод; устланы были аллеи как бы чистым золотом, необыкновенного блеска. На деревьях сидело великое множество птиц, несколько напоминавших своим видом птиц наших тропических стран, но только бес-

конечно превосходящих их своей красотой. Пение их было исполнено великой гармонии, и никакая земная музыка не в состоянии была бы передать сладость их звуков. Пели они без слов. В этом великом саду протекала река, в которой вода была необыкновенно прозрачна. Между деревьями я заметил пречудные обитатели. Похожи они были на дворцы, подобные виденным мною в Константинополе, но только обитатели эти были несказанной красоты; цвет стен их был как бы малиновый и похожий на рубин. Видом своим рай несколько напоминал мне наш Оптинский скит, в котором кельи иноков тоже стоят каждая отдельно от другой, а пространство между ними заполнено фруктовыми деревьями. По чьей мысли устроен таким образом скит наш, я не знаю. Рай окружала стена, которую я видел только с одной южной стороны; на стене я прочитал имена двенадцати апостолов, но на каком именно языке они были написаны, не упомяну. В раю я увидел человека, облеченного в блестящие одежды и сидящего на престоле белоснежного цвета; на вид ему было лет 60, но лик его был, несмотря на седины, как бы у юноши. Крутом его стояло великое множество нищих, которым он что-то раздавал. Внутренний голос сказал мне, что человек этот — Филарет Милостивый. Кроме него, никого из праведных обитателей рая я не сподобился видеть. Посреди сада, или рая, увидел я животворящий крест с распятым на нем Господом. Невидимая рука указала мне поклониться кресту Господню, что я и исполнил, и в то время, когда я поклонился пред ним, то неизреченная и великая сладость, подобно пламени, наполнила мне сердце и проникла все мое существо. После сего я увидел великую обитель, видом подобную прочим, находящимся в раю, но только неизмеримо превосходящую их своей красотой. Вершина ее, наподобие исполинского церковного купола, возносилась в бесконечную высь и как бы терялась в ней. В обители этой я заметил как бы подобие балкона, на котором восседала на богато убранном троне Царица Небесная. Вокруг Нее стояло великое множество прекрасных юношей в белых блистающих одеждах и державших в руках подобие оружия, но какой оно имело вид, разглядеть я не мог.

Царица Небесная была облечена в такие же одежды, какие обыкновенно изображаются на иконах, но только разноцветные. На гла-

ве Ее была корона, наподобие царской. Царица Небесная милостиво взидала на меня, но слов от Нее я слышать не сподобился. После сего я сподобился созерцать Святую Троицу — Отца, Сына и Святаго Духа, — подобно тому, как изображается Она на святых иконах, то есть Бога Отца — в виде святолепного старца, Бога Сына — в виде мужа, державшего в деснице Своей честный и животворящий крест, и Бога Духа Святаго — в виде голубя. Изображение Святой Троицы видел я в воздухе. Мне казалось, что я долго ходил среди рая, созерцая дивные красоты его, превосходящие всякий человеческий ум.

Когда я очнулся от этого видения, то возблагодарил Господа за сие великое и неизреченное утешение, которого я, великий грешник, сподобился. Весь этот день я был как бы вне себя по причине великой радости, наполнявшей мое сердце. Ничего подобного этой радости до тех пор я никогда не испытывал.

Видение отца Мартирия*

Среди благоуханного цветника оптинских сказаний существует одно, почти неизвестное большинству людей, — из жизни последнего оптинского старца Нектария, а в то же время оно бросает яркий свет на духовный облик его. Эпизод этот был передан отцом Адрианом**, записанный Тимофиевичем.

— Вы знаете, чем была для меня Оптиная? — Она вскормила меня, взлелеяла своею лаской и любовью, она воспитала меня своим духом, она же и облекла меня в ризу спасения. И я всегда, особенно при жизненно тяжких обстоятельствах, стремился под ее благодатный покров за помощью и утешением, а на заре своей пастырской деятельности это стало для меня просто необходимостью. Ведь наступало грозное время открытой борьбы света со тьмой, и нужно было иметь и духовный опыт и знания, глубокую веру и особую благодать, чтобы иметь мужество и силу вступить

* Русский паломник. № 18. 1998. С. 99—102.

** Впоследствии архиепископ Русской Зарубежной Церкви. Скончался 29 июня/12 июля 1978 г.

в этот, казалось бы, неравный бой. У кого же можно было почерпнуть эту силу на ратный подвиг скромному воину Христову, где же было найти ее, как не в последнем оплоте Православия — Оптиной? И туда я спасался при первой возможности. Иногда, правда, приедешь к батюшке весь измученный и обессиленный от житейских бед и волнений, бурь и ударов, сомнений и переживаний, с целым рядом самых неотложных вопросов, поведать, раскрыть свою душу. И казалось в то время, что если этого не сделаешь сейчас же, немедленно, то, пожалуй, и сердце и ум не выдержат этих страданий. Но не тут-то было.

У старца в хибарке народу скапливалось не мало, и все тоже тяжело израненные в жизненной борьбе и жаждущие утешения. Батюшка выйдет, бывало, благословить, иногда скажет что-нибудь ласковое, но к себе в келью не берет. И часто проходит и день, и два, а то и поболее, пока, наконец, не откроется заветная дверь. И сколько за это время мучительного ожидания переживешь, весь измаешься, истоскуешься, исстрадаешься.

В такие тяжелые для меня минуты, прождавши иногда напрасно у порога батюшкиной кельи до самого вечера, я невольно спешил к одной из самых замечательных насельниц Шамординского монастыря — современнице еще батюшки Амвросия — схимонахине Марии (Головиной), чтобы в общении с ней несколько рассеять свои мрачные мысли...

В нескольких минутах ходьбы от Оптиной, к югу от монастыря, одной стороной почти примыкая к величественному скитскому бору, находится группа строений своеобразной архитектуры, разбросанных в живописном беспорядке, который так люб русскому сердцу. Среди просторного двора возвышается большая двухэтажная постройка, увенчанная чем-то вроде башенки. К ней с боков, как цыплята к наседке, прижимались какие-то клетки, подклеты, ходы, переходики, крылечки. Против главного корпуса находился амбар, далее флигели и другие хозяйственные службы. Все это было срублено из прочных больших бревен, покрыто тесом и окружено высоким частоколом, через который вели узорчатые с резьбой ворота, еще более усиливающие впечатление какого-то уголка, как бы перенесенного в наши дни из XVI—XVII веков.

Это и было подворье Шамординского монастыря, — любимое детище отца Амвросия. Управляла же этим подворьем монахиня Мария, в то время уже глубокая старица, всеми любимая и почитаемая. Это была исключительная личность даже в масштабе Оптиной и Шамордина. Это была живая летопись монастыря. Да и немудрено. Поступивши в обитель еще при жизни старца Амвросия и пройдя ряд обычных монастырских послушаний, она вскоре за свое благочестие, доброту, умение ладить с людьми и особенно за милосивость к ближним была назначена старцем Амвросием на почетную и ответственную должность начальницы Шамординского подворья. Батюшка отец Амвросий очень уважал ее, ценил и не раз доверял ей самые деликатные поручения, в особенности в тех случаях, когда правая рука не должна была знать, что делает левая.

Преемники отца Амвросия, старцы Иосиф, Анатолий и Нектарий, продолжали оказывать ей самое искреннее и сердечное внимание. Она была одна из тех редких натур, которые не знают, что такое иметь врагов, всегда серьезная, сосредоточенная, никогда не улыбающаяся, внешне хлопотунья, а в то же время от всех утаивает свои ночные подвиги, ибо только в это время она и могла им всецело отдаться, она умела как-то расположить к себе сердца всех окружающих и первая спешила на помощь в беде. Больного ли навестить, бедняку ли помочь, поддержать ли упавшего в немощи, утешить ли скорбящего или унывающего — это было для матери Марии призванием всего ее существа, влечением ее чистого и любящего сердца.

Да будет ей вечная и светлая память, ибо крепко верю я, что и по ее святым молитвам Господь доселе хранит меня.

Да, любил я ее за эти качества души, да и меня она как будто жаловала своим доверием и ответной лаской. Взойдешь, бывало, в ее горенку, помещающуюся в самой верхней части главного корпуса — в башенке, уже один вид этой скромной кельи с прекрасным большим образом Богоматери «Взыскание погибших», с постоянно теплящейся пред ним лампадой, неуловимый, но в то же время очень приятный запах не то росного ладана, не то каких-то душистых трав уже действовал успокоительно, когда же сама матушка в своем

обычном сереньком подряснике, в белом апостольнике и с темным платком на плечах встречала тебя, как мать обычно встречает свое чем-либо огорченное дитя, ласковым укором: «Ну, чего, родимый, болелуешь? Что не повидал старца?.. В свое время, Господь даст, и повидаешь. Потерпи, у нас здесь сам воздух проповедует. Поживи, отдохни, и мысленные твои очи сами откроются, и многое для тебя станет ясным и понятным, — то на сердце станет совсем легко». А тут еще матушка и подарит какую-нибудь драгоценность из своего неисчерпаемого ларца воспоминаний.

Вот в одну из таких поездок в Оптину, под Покров 1922 года, я возвращался вместе с матушкой Марией от ранней обедни, которую совершал по случаю годовщины своего рукоположения.

В молитвенно приподнятом настроении шел я этим погожим тихим осенним утром по шуршащим от опавших листьев дорожкам монастыря, с наслаждением вдыхая бодрящий воздух. Матушка, вся ушедшая в себя, молча сопровождала меня. Так же молча поднялись мы в ее келью и напились чаю.

«Ну, вот, батюшка родной, — прервала она, наконец, свое молчание. — Все думала я, чем бы утешить тебя в этот знаменательный для тебя день, так вот, пожалуй, поведаю тебе одну тайну жизни моей, что и твоей душе будет на пользу».

«Был у нас в Оптиной один иеродиакон, Мартирий по имени. Скромный, благоговейный, в страхе Божиим совершавший свой путь. Кто он был — Бог весть. Об этом у нас не любопытствуют, и частенько знает об этом только отец настоятель да духовный отец его. За его примерную жизнь уже не раз предлагали ему иерейский сан, но он всячески уклонялся, отговариваясь слабостью здоровья, но все доподлинно знали, что истинной причиной было его глубокое смирение. Дивный раб был Христов. Я глубоко почитала его. Однако годков через восемь его иеродиаконства действительно крепко захворал наш Мартирушка, как любила называть его братия, и слег в монастырскую больницу. Частенько навещали мы его и, как могли, утешали своим приношением. Когда совсем стало трудно отцу Мартирию, призвал он меня да и говорит: „Спаси тебя, Господи, матушка, за все твои заботы о мне грешном. Господь да воздаст тебе сторицею за твою любовь и в сей жизни и в будущей.

А мне нечем и отблагодарить тебя. Были последние 20 копеек, да и те отдал. Так вот, матушка, прошу тебя напоследок, не оставь меня в своих молитвах, когда Господь призовет меня к Себе“.

Он трудно дышал и кашель мешал ему говорить. Хотя земная храмина его, видимо, быстро разрушалась, каким-то неземным миром и покоем веяло от его облика.

„Ну, батюшка, — отвечала я, — беру и я с тебя слово. Если заслужишь у Господа милость, то помолись и ты о мне грешной, чтобы Господь вразумил бы, как заслужить спасение“.

С тем мы и расстались. А через два денька мы и хоронили отца Мартирия. Заказала я сорокоусты в наших храмах, да и сама, как умела, молилась о его святой душе. И вот, когда уже кончалось поминовение (тут матушка понизила голос, как бы не желая, чтобы тайна ее сердца могла быть кем-нибудь услышана, она продолжала далее), я, возвратившись из храма домой, присела на минутку в креслице, вот в котором и ты изволишь сидеть (и матушка строго-строго на меня посмотрела), присела да сразу как-то больно необычно, видимо, была уставши, задремала. И вдруг передо мной, как живой, предстал отец Мартирий и изрек такие мне слова: „Ты, матушка, просила меня помолиться за тебя, как тебе спастись, и Господь милосердный допустил меня к тебе. Помни крепко, что нести свой крест и жить нужно так, как бы находясь все время пред очами Самого Господа, в постоянном страхе Божиим, испытывая свое сердце и не жалеючи себя. Вот и я, хоть и прошел мытарства, с Божией помощью, но трудно было, ибо не раз при жизни был рассеян и служил не с тем вниманием, как подобало бы, и леность обуевала порой...“

Здесь матушка на минутку умолкла, поникла головой:

— И еще одно открыл он мне, — и как сказал он мне это, так я вся и затрепетала... Тут внезапно открыла я глаза, а в келье никого-то и нет! И стало мне так страшно, и так я оробела, что кинулась, не помня себя, поскорее к старцу. Бегу, сама не своя, не знаю, как и добежала, и бросилась отцу Нектарию в ноги, плачу да кричу: „Батюшка, спаси меня, уже, не ровен час, никак наваждение со мной. Ведь, отец Мартирий-то являлся ко мне“. И только я начала ему второпях, всё перепутавши, рассказывать, как тут батюшка ласково взял меня

за руку и говорит: „Ну, чего ты, мать, испугалась? Нет, не так тебе он, матушка, сказал... А не говорил ли тебе отец Мартирий, что он временами рассеян бывал, и невнимателен, и подвержен лености?“ — И тут батюшка, помедлив немного, повторил и то, что напоследок открыл мне отец Мартирий. „Иди, спасайся с Богом и молись за него. Великий раб Божий был отец Мартирий“.

Так-то, — закончила матушка свое повествование, — и нам грешным нужно во все дни наши ходить в страхе Божиим, чтобы не потерять, упаси Боже, ни одной капли из елєя благодати, туне даруемой человеку по неизреченной Его милости».

Беседа наша кончилась. Душа невольно ликovala перед приоткрытой еще одной тайной Божьего домостроительства о спасении рода человеческого. Как хотелось мне в то время из уст самого батюшки услышать подтверждение всего этого, о чем старец в беседах со мною никогда не упоминал.

Горячо поблагодарив матушку за этот драгоценный дар моему сердцу, я как на крыльях летел на благословение к старцу. В хибарке уже было достаточно народа, ожидавшего выхода батюшки. Я с несколькими собратиями стал отдельно в приемной. Вскоре слышались столь характерные для батюшки шаркающие шаги, и он медленно вышел в своем обычном подряснике, опоясанном широким поясом, со скуфьей на голове. Помолившись перед образом со словами: «Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию», — обернулся к нам, держа в руках какую-то печатную брошюру.

— Вот, — сказал он, — С. А. Нилус изволит называть Оптину Божией рекой, а себя — рыбаком, вылавливающим жемчужины из этой реки. И сейчас подарил он нам одну из таких жемчужин (и батюшка протянул руку с брошюрой). Здесь описывается одно явление, бывшее некогда у нас с покойным иеродиакoном Мартирием. Да, великий раб был Божий (повторил батюшка несколько раз с особенным ударением в голосе и внимательно посмотрел на нас). Истинного смирения ради не принимал он иерейского сана, с трепетом проходя свое иеродиакoнство у престола Божия во славу Его святого имени. Выйдя однажды из нашего храма, вот отсюда (и батюшка рукой указал на видневшийся в окно скитской храм), отец

Мартирий взглянул на небо и перед его духовными очами неожиданно открылось дивное видение. Он увидел большой прекрасный строящийся храм, но еще как бы недоконченный, без купола, и далее снова какие-то постройки, и слышал голос: «Когда достроится, тогда конец всему». Да, много тайн было открыто этому чистому сердцем рабу Божию о грядущем, но только не дано ни времени, ни сроков их исполнения. Ведь вот храм, который видел отец Мартирий, хотя и был почти достроен, но сколько кирпичиков еще осталось доложить и в какие сроки — этого никому из людей, кроме Бога, неведомо.

И батюшка после этих слов еще раз помолился, благословил нас и тихой старческой походкой пошел далее. (Какая прозорливость!)

Вы представляете себе, с каким чувством уезжал я на этот раз из Оптиной.

Жизнеописание схимонаха Рафаила (Фомина)*

Схимонах Рафаил, в миру Роман Васильевич Фомин, родился 18 ноября 1876 года в селе Космодамианском Ливенского уезда Орловской губернии. Его родители, Василий Георгиевич и Матрона Савельевна, были людьми набожными, происходили из крестьян и всю жизнь занимались хлебопашеством. У них было пятеро детей: четыре сына и дочь, которая умерла малолетней, как и старший брат Романа.

Василий Георгиевич был человек строгий, неграмотный, но прекрасно знал и помнил все церковные праздники. Он любил ходить в церковь и приучил детей к Божью храму. Его супруга, напротив, обладала характером мягким, нежным, любила и жалела детей. Но как не старался Василий Георгиевич строго наказывать старшего сына за курение табака, тот бросил курить только после его смерти.

Роман был средним сыном, похожим на отца, и особо им любимым. В отличие от старшего брата, он хорошо учился, и за три года

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 53. Ед. хр. 5.

окончил земскую школу. Василий Георгиевич мечтал отдать Романа в Городское училище, но средств на учебу не нашлось, и он был оставлен дома. Василий Георгиевич любил слушать божественные книги, и заставлял любимого сына читать их вслух. Когда старшему из сыновей исполнилось шестнадцать лет, Роману тринадцать, а младшему минуло всего три года, вся семья заболела тифозной горячкой, которая длилась полтора года. Мать Романа болезни не перенесла и 8 сентября умерла, оставив троих детей сиротами. В этот же день занемог отец, и, проболев всю зиму, весной скончался. При жизни отца Роман не слушался старшего брата, а после его кончины будущий схимонах Рафаил сделался послушным старшему брату, чего тот никак не ожидал. Верно, так Божия благодать коснулась сердца Романа. Кончина отца побудила его задуматься о монастыре, избегать мирских забав. Он полюбил душеполезное чтение и церковные службы. Имея с малолетства слабое здоровье, и, особенно страдая головными болями во время жары, он с большим трудом занимался хлебопашеством, что вызывало постоянное недовольство жены старшего брата. С годами его все больше тяготила суета мирской жизни. Отбыв воинскую повинность, от которой его навсегда освободили по слабости здоровья, он решил оставить мирскую жизнь.

В мае 1827 года Роман заехал в Оптину Пустынь, а затем отправился в Тихонову пустынь, где ему не понравилось, и он вернулся в Оптину. Здесь все ему пришлось по духу. Роман попросился в число братии, но настоятель отправил его в скит. Начальником скита в то время был старец Иосиф. Отец Иосиф отказал Роману в его просьбе, сказав, что жить у них тяжело, но молодой человек настаивал и соглашался на любые послушания. Старец принял его и назначил помогать в саду и нести послушание на хлебне. Роман часто страдал лихорадкой, а сырой, скитский воздух еще больше ухудшил его и без того слабое здоровье. Вскоре послушника Романа назначили помогать пономарю, а через три года постригли в рясофор и назначили старшим хлебником. В течение пяти лет он исполнял это послушание, одновременно помогая садовнику. На восьмом году жизни в скиту отца Романа постигла лихорадка, длившаяся семь месяцев. На следующий год он заболел воспали-

ем легких, от чего началось кровохарканье. В это время он ничего не ел, сидел в кресле, не имея возможности даже шевелиться, чтобы не вызвать приступ кашля. Все ждали его кончины. Поэтому по благословению старца отца Иосифа ему предложили тайную мантию. Отец Роман, не надеясь поправиться, согласился. Пригласили козельского доктора, который сказал, что надежды на поправку мало, и, несмотря на то, что был пост, доктор приказал больному пить молоко. Но отец Роман от этого отказался, решив, что лучше умереть, чем нарушить пост на Страстной неделе. После этого отец Роман начал поправляться, и вскоре вышел из больницы. Он по-прежнему помогал работать в цветнике и пел на клиросе.

16 декабря 1907 года был совершен его постриг в открытую мантию с именем Рафаила. После этого отец Рафаил был назначен старшим цветником, а в 1909 году игумен Варсонофий перевел его на правый клирос регентом. В то время отца Рафаила мучила сильная мокрота, отчего петь ему было так трудно, что он хотел от этого отказываться, но предался воле Божией и с тех пор уже терпел все неприятности уже до смерти. Претерпел он немало и от людской клеветы, но с Божиею помощью перенес и это. За полгода до смерти отца Рафаила иеродиакон Зосима с родным братом отцом Стефаном видели его во сне в голубом стихаре и решили, что отца Рафаила скоро посвятят в иеродиаконы. Но сон, как, оказалось, значил совсем другое. Весь пост отец Рафаил чувствовал себя хорошо: пел на клиросе, ухаживал за цветами, а в день Благовещения Пресвятой Богородицы, в восемь часов утра, когда вышел работать в цветнике, сказал своим помощникам: «Что-то меня лихорадит, — и добавил, — вы работайте, а я пойду в келью». Придя в келью, он лег, укрылся двумя одеялами, но согреться не мог. Помощник, приходивший к нему во время вечерни, долго не мог до него достучаться. Насилу отворил он родному брату, который спросил: «Что у тебя болит, отец Рафаил?» «Ничего не болит, — отвечал отец Рафаил, — только сильный озноб, а по временам бывает жар, хотя боли никакой не чувствую». На следующий день брат опять спрашивает: «Как твое здоровье?», на что отец Рафаил отвечает: «Сильная слабость, ничего не хочу». Так отец Рафаил пролежал в келье пять дней, ничего не пил и не ел. В результате он так ослабел, что насилу мог

дойти до повозки, отправляясь в больницу. Там, на седьмой день, его причастили Святых Христовых Таин, а на следующий день пособоровали маслом. После этого он стал впадать в забытие, и врачи решили, что это тифозная горячка. На двенадцатый день болезни ему стало легче, он пришел в себя, болезнь, казалось, отступила, и все ждали выздоровления. На шестнадцатый день силы вдруг настолько оставили его, что никакой надежды на жизнь не осталось, и ему предложили принять схиму. Он согласился. В Великий Четверток отец Рафаил причастился и принял схиму, а Великою Пятницею ему стало совсем плохо. В четыре часа утра, в Великую Субботу, 13 апреля 1913 года во время выноса плащаницы, отец Рафаил отошел в вечность. Его погребение состоялось в Светлый понедельник, под радостное пасхальное пение: «Христос Воскресе!»

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ
О НАСЕЛЬНИКАХ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
И ДРУГИХ ЛИЦАХ ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ,
УПОМИНАЕМЫХ В РУКОПИСИ «СКИТСКОЕ
КЛАДБИЩЕ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ»**

Агапит (Беловидов Андрей), схиархимандрит

Из духовного звания. Окончил курс Тамбовской духовной семинарии. В число братства определен 4 апреля 1867 г., в монашество пострижен 17 июня 1872 г. Послушание клиросное в скиту. Рукоположен во иеродиакона 28 августа 1873 г., во иеромонаха 28 июля 1876 г., награжден набедренником 1 августа 1881 г., определен настоятелем Лихвинского Покровского Доброго монастыря 4 августа 1883 г., награжден наперсным крестом 18 марта 1886 г., возведен в сан игумена 13 апреля 1890 г., награжден орденом св. Анны 3-й степени 15 мая 1894 г., перемещен в настоятели Мещовского Георгиевского монастыря 30 сентября 1894 г., возведен в сан архимандрита 26 мая 1896 г., назначен исполняющим должность благочинного половинной части монастырей Калужской епархии, уволен по прошению от должности настоятеля 24 октября 1897 г., согласно желанию помещен на жительство в Оптину Пустынь 4 ноября 1897 г. Духовный писатель, автор жизнеописания старца Амвросия и др. Скончался 23 февраля/8 марта 1922 г. Похоронен близ южной алтарной стены Никольского придела Введенского собора.*

Александр (Лихарев Александр Николаевич), монах

Штабс-ротмистр, бывший Каширский уездный предводитель дворянства. Женат на Надежде Сергеевне Темирязовой, детей нет. Поступил в октябре 1869 г., в скит 5 ноября 1869 г., 49 лет. Супруга поступила в Белевский женский монастырь. Пострижен келейно в мантию 8 февраля 1873 г. Скончался 5 марта 1873 г., 56 лет (по

* ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2159. Л. 131—132; Оп. 3. Д. 1002. Л. 42 об.—43; АОП. Синодики. № 1 (Чулкова).

другому источнику — на 53-м году). Похоронен на скитском кладбище.*

Алексей (Иванов Алексей), монах

Из крестьян Великолукского у., Псковской губ., Вязовской вол., дер. Марково, писарь Кронштадтской крепостной артиллерии. Поступил в мае 1888 г., 32 лет. Скончался 28 ноября 1888 г. Постриг келейный. Похоронен на скитском кладбище.**

Алексей (Лебедев Александр Степанович), монах

Отставной пономарь (дьячок) Пермшльского у., с. Любимска, 56 лет, с сыном Василием 16-ти лет поступил в скит в мае 1875 г. Пострижен келейно. Скончался 31 июля 1894 г., 75 лет. Похоронен на скитском кладбище.***

Алексей (Гуляев Алексей Иванович), послушник

Из обер-офицерских детей, служил в Сенате, затем в Смоленской удельной конторе. Получил знак отличия 15-летней беспорочной службы. Поступил в скит в начале 1840 г. из Коневского монастыря. Из 500 руб. ежегодной пенсии уделял на обитель 150 руб. Холост. Перед смертью болел, исповедался, причастился, соборовался. Скончался 4 февраля 1845 г., 73 лет, отставной коллежский советник.****

Амвросий (Гренков Александр Михайлович), преподобный, иеросхимонах

Из духовного звания. Студент Тамбовской Духовной семинарии, окончил по 1-му разряду. Определен 2 апреля 1840 г., в монашество пострижен 29 ноября 1842 г., рукоположен во иеродиакона 4 февраля 1843 г., во иеромонаха 2 декабря 1845 г., 29 марта 1858 г. указом Св. Синода, по болезни, исключен из монастырского штата. Духовник братства. Награды: наперсный крест, бронзовый крест. Скончался 10 октября 1891 г. Прославлен в лике святых на Поместном Соборе 1988 г. Мощи обретены 27 июня/10 июля 1998 г. и перенесены в Введенский собор.*****

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 166; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2; Ф. 214. Опт-350. Л. 186 об.

** Там же. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 229 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2

*** Там же. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 187; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2.

**** Там же. Ф. 214. Опт-350. Л. 36 об.

***** Там же. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1128—1129; Ед. хр. 3. Л. 5; АОП.

Амвросий (Протасов Алексей Иванович), архиепископ

Епископ Тульский с 10.01.1804 г. по 07.02. 1816 г.; архиепископ Казанский и Свияжский с 07.02. 1816 г. по 06.11.1826 г.; архиепископ Тверской и Кашинский с 06.11.1826 г. — †01.07.1831 г.*

Амвросия (Оберучева Александра Дмитриевна), монахиня

Родилась в 1870 г. в г. Сочи в дворянской семье. Окончила Александровский институт, затем медицинский институт в С.Петербурге. Работала врачом Обуховской больницы (СПб.), в больнице г. Одессы, врачом Фатерского земства Курской губ., в больнице ст. Новоспасская Симбирской губ., в г. Херсоне. С 1914 г. по 1916 г. находилась на войне, на Юго-Западном фронте. В 1916 г. поступила в Шамординский монастырь, в марте 1917 г. пострижена в монашество. В монастыре пробыла до его ликвидации в 1922 г., затем переехала в Козельск. Арестована 12 сентября 1930 г. Находилась в тюрьме г. Сухиничи, затем переведена в тюрьму г. Смоленска. На следствии отказалась признать за собой ложную вину в «контрреволюционной деятельности», никого не оговорила. 27 ноября 1930 г. была осуждена к пяти годам ссылки в Севкрай и 4 января 1931 г. направлена этапом в г. Соликамск. По воспоминаниям близких (вероятно — мон. Марии (Добромысловой), мон. Амвросия после 1933 г. поселяется в г. Загорске (ныне г. Сергиев Посад). Переезжала из Загорска в Тарасовку, в Москву, в деревню Владимирской обл., где и скончалась 27 августа/9 сентября 1944 г. Похоронена на старом кладбище г. Сергиева Посада.** Брат — Михаил Дмитриевич Оберучев, подполковник. Убит 10/23 марта 1917 г. в г. Ревеле. Похоронен на монастырском кладбище Оптиной Пустыни.

Анатолий (Станкевич Александр Андреевич), епископ

С 12.07 по 30.10.1892 г. временно управлял Калужской епархией в связи с болезнью и последующей кончиной преосвященного Виталия (Иосифова; †15.09.1892). С 30.10.1892 г. по 31.01.1893 г. —

* Смолитч И.К. История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 1. С. 696, 759, 764 // История Русской Церкви. Кн. VIII. М., 1996.

** УФСБ по Калужской обл. Д. П-13910; Духовный Собеседник. Самара. №3(23). 2000. С. 58—71.

епископ Калужский. Затем уволен на покой с званием члена Московской Синодальной канцелярии и настоятеля Заиконоспасского монастыря.*

Анатолий (Зерцалов Алексей Моисеевич), преподобный, схиигумен

Отставной губернский секретарь, сын диакона, по окончании курса в Калужской Духовной Семинарии поступил в Казенную Палату Калуги с чином коллежского регистратора 3 декабря 1847 г. В Оптину Пустынь поступил 29 июня 1853 г., 30 лет. Послушания: в братской кухне, с апреля 1854 г. перепись церковной описи. Накрыт рясофором в апреле 1856 г. В число братства определен 20 июня 1857 г., в монашество пострижен 17 ноября 1862 г. рукоположен во иеродиакона 5 июня 1866 г., во иеромонаха 7 сентября 1870 г. В 1871 г. указом Св. Синода назначен настоятелем монастыря в Вятскую епархию, но вследствие прошения, по слабости здоровья, уволен. В 1874 г. определен братским духовником и скитона начальником. Награжден набедренником 28 июля 1876 г., наперсным крестом 20 апреля 1880 г., саном игумена 14 апреля 1893 г. Скончался 25 января 1894 г. Похоронен у паперти Введенского собора с южной стороны. Сделана часовня. Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. Обретение мощей 27 июня/10 июля 1998 г. Мощи перенесены во Владимирский храм Оптиной Пустыни. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 г. прославлен в лике святых (в числе и других оптинских старцев).**

Андрей (Сланский Андрей Федотович), монах

Коллежский асессор, вдов. Поступил в Оптину Пустынь 14 декабря 1848 г., 53 лет. Послушание в чредном чтении Псалтири и на общих послушаниях. 7 сентября 1851 г. переместился в скит. 29 февраля 1852 г. накрыт рясофором. Скончался 10 октября 1856 г., 63 лет.

* Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования (16 октября 1799 г. — 16 октября 1899 г.). Калуга, 1900. С. 26.

** ОР РГБ. К. 1. Ед. хр. 1 Л. 1228; Ед. хр. 2. Л. 70; Ед. хр. 3. Л. 136 об.-138; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 1666. Л. 76 об.-77; Ювеналий, митрополит. Канонизация святых в Русской Православной Церкви. М., 2004. С. 14—15.

Похоронен на скитском кладбище. В списках похороненных указан как монах Андрей.*

Андрей (Свешников Андрей Иванович), монах

Коллежский асессор, поступил в скит в октябре 1861 г. Накрыт рясофором. Скончался 4 декабря 1864 г., 47 лет. Похоронен на скитском кладбище.**

Антоний (Путилов Александр Иванович), преподобный, схиигумен

Из московских купцов. Определен 2 марта 1922 г., в монашество пострижен 23 декабря того же года, во иеродиакона «произведен» 24 августа 1823 г., во иеромонаха 15 августа 1827 г., скитоначальник. Произведен во игумена Малоарославского Николаевского Черноострожского монастыря 3 декабря 1845 г. Награжден наперсным крестом 21 апреля 1845 г. Уволен от настоятельской должности по прошению «по болезненному состоянию» на покой в Оптину Пустынь 21 января 1853 г. Скончался «игумен схимонах Антоний» 7 августа 1865 г. Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. Мощи обреты 27 июня/10 июля 1998 г., перенесены во Владимирский храм Оптиной Пустыни. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 г. прославлен в лике общецерковных святых (в числе и других оптинских старцев).***

Арсений (Леонов Александр Андреевич), монах

Из купцов г. Ростова Ярославской губ., поступил 2 апреля 1860 г., 28 лет. Болезненный. Определен 6 июля 1863 г., накрыт рясофором. Послушания разные в скиту. Пострижен в монашество 1 декабря 1873 г. Скончался 24 июля 1898 г. «тихою кончиною тотчас по принятии Св. Тайн». Похоронен на скитском кладбище.****

Астион (Крошин Арсений Феодорович), схимонах

Из г. Карачева, 3-й гильдии купеческий сын, холост. Поступил в мае 1846 г., 28 лет. Послушание в братской кухне, в хлебе,

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 39 об.-40; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 104; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3.

** Там же. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 118 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1 об.

*** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 684, 893; Ювеналий, митрополит. Указ. соч. С. 14—15.

**** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 106 об.; Ед. хр. 3. Л. 322 об.-323; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 5; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 1002. Л. 44 об.-45.

с 1848 г. — канонарх и пишет полууставом. Определен 19 января 1850 г., накрыт рясофором 24 марта 1853 г., в монашество пострижен 7 сентября 1857 г. Послушания келиарха и синодичного. Келейно пострижен в схиму. Скончался 7 марта 1875 г., 54 лет. Похоронен у храма прп. Марии Египетской.*

Афанасий (Саприкин или Сапрыкин Афанасий Степанович), монах

Крестьянин с. Теляжья, Скарятинской вол., Малоархангельского у., Орловской губ., женат. Поступил в скит 1893 г., 56 лет. Послушание бельевщика в скиту. Скончался 21 декабря 1917 г. /3 января 1918 г. 83 года от болезни сердца. Перед смертью пострижен в мантию. Похоронен в монастыре у алтаря храма прп. Марии Египетской.**

Варлаам (Давыдов Василий), игумен

Из московских купцов. Игумен Валаамский в 1830—1833 гг. Указом Св. Синода определен в Оптину Пустынь «под особенный надзор настоятеля» 7 февраля 1839 г., «подвигнут был ревностию о беспорядках в Валаамском монастыре, от нового настоятеля, доносил о том императору. Виновные были наказаны, а отцу Варлааму назначено Св. Синодом пребывать в сей Оптиной Пустыни». Указом от 6 мая 1841 г. освобожден «от дел по Валаамскому монастырю». Скончался 27 декабря (по другому источнику — в 12-м часу ночи 26 декабря) 1849 г.***

Варсонофий (Плиханков Павел Иванович), преподобный, схимархимандрит

Родился 5 июля 1848 г. Из потомственных дворян Оренбургского казачьего войска. Обучался в Оренбургском юнкерском училище, Полоцком кадетском корпусе, Павловском военном училище. В 1865 г. «выписан урядником с назначением в Оренбургское казачье войско». Последняя должность — старший адъютант штаба Казанского военного округа. Уволен со службы 25 января 1892 г. в чине полковника. В братскую книгу Оптиной Пустыни вписан

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 551, 848, 1225; Ед. хр. 2. Л. 29 об.; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 38.

** Там же. К. 11. Ед. хр. 3. Л. 3; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2447. Л. 157; АОП. Синодики. № 1 (Межекова).

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 501, 537, 540; Ф. 214. Опт-350. Л. 55.

25 декабря 1891 г. Послушания в скиту. Пострижен в монашество 13 декабря 1902 г. Рукоположен во иеродиакона 29 декабря 1902 г. Во иеромонаха 1 января 1903 г. Награжден набедренником в тот же день. Назначен помощником духовника братства (старца) и духовником Шамординской пустыни 13 октября 1903 г. Командирован на Дальний Восток во время Русско-японской войны 4 апреля 1904 г. Награжден наперсным крестом 14 июня 1904 г. Вернулся 1 ноября 1905 г. Братский духовник с 15 декабря 1905 г. Преподано благословение Св. Синода в 1906 г. Возведен в сан игумена 14 мая 1907 г. Награжден орденом св. Анны 3-й степени 18 мая 1907 г. Скитоначальник с 18 июня 1907 г. Указом Св. Синода № 1801 от 6 февраля 1912 г. назначен настоятелем Старо-Голутвина монастыря с возведением в сан архимандрита. Скончался 1 апреля 1913 г. Погребен 9 апреля в Оптиной Пустыни на монастырском кладбище. Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. Мощи обретены 27 июня/10 июля 1998 г., перенесены во Владимирский храм Оптиной Пустыни. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 г. прославлен в лике общецерковных святых (в числе и других оптинских старцев).*

Варсонофий (Светозаров Василий Федорович), иеромонах

Из студентов Тамбовской духовной семинарии. Определен 15 мая 1843 г. Накрыт рясофором 28 августа т.г. Пономарь в скиту. Рукоположен во иеродиакона 11 декабря 1849 г., во иеромонаха 29 октября 1850 г. По прошению в 1851 г. перемещен в Малоярославецкий Черноострожский монастырь.**

Василий (Живой Василий Степанович), послушник

Вольноотпущенный помещика Рахманова (по другим данным — помещика Бутурлина). Поступил в скит в 1838 г. Послушание повара. В 1842 г. перешел в Мещовский монастырь вместе со строителем Никодимом (Демутье; † 7.02.1864 г.) в качестве его келейника. В сентябре 1843 г. вернулся в скит больной (сильный ревматизм ноги). Скончался 2 мая 1845 года. Похоронен на скитском кладбище.***

* РГВИА. Ф. 330. Оп. 35. Д. 222. Л. 3, 4, 8—16 об.; ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 133, 635; К. 61. Ед. хр. 25. Л. 79; Ед. хр. 27; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1833. Л. 103; Там же. Ед. хр. 1725. Л. 106; Ювеналий, митрополит. Указ. соч. С. 14—15.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 434, 545, 582.

*** Там же. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1. Ф. 214. Опт-359. Л. 38, 45, 47, 52;

Вассиан, иеромонах

Из крестьян Московской губ. Пострижен в монашество в Троице-Сергиевой лавре 17 февраля 1826 г. Рукоположен во иеродиакона 5 июля т.г.. В 1829 г. перемещен в Пешношскую Пустынь. В 1831 г. рукоположен во иеромонаха. В 1832 г. переведен в Московский Данилов монастырь. В мае 1853 г. перемещен по прошению в скит, «в число больничных», вне штата. Скончался 28 мая 1859 г. Похоронен на скитском кладбище.*

Вассиан (Гаврилов Василий), схимонах

Из крестьян Жиздринского у. Отпускной от госпожи Филатьевой. Поначалу находился в Калужском архиерейском доме. По желанию переведен в Оптину Пустынь в 1812 году. Определен 13 ноября 1814 г. Пострижен в монашество 2 марта 1818 г., в схиму 20 октября 1820 г. В 1839 г. указом консистории предписано «за строптивость, непослушание и неповиновение начальству... никуда из скита не выпускать». Скончался 7 сентября 1857 г., 97 лет. Похоронен на скитском кладбище.**

Венедикт (Дьяконов Виктор Петрович), схиархимандрит

Из духовного звания. По окончании Смоленской духовной семинарии рукоположен во диакона 27 мая 1873 г., во священника в с. Чеботово, Дорогобужского у., Смоленской губ. 3 июня 1873 г. Награжден набедренником 30 декабря 1879 г. По прошению уволен за штат 31 декабря 1881 г. Поступил в Оптину Пустынь в 1882 г., 35 лет. Определен 21 июня 1884 г., пострижен в монашество 14 марта 1887 г. Награжден наперсным крестом 6 мая 1900 г. Назначен на должность настоятеля Боровского Пафнутьевского монастыря с возведением в сан архимандрита 11—20 марта 1903 г. Пострижен в схиму 26 апреля 1915 г. Скончался 6 мая 1915 г. в 10 ч. утра от воспаления легких. Чин погребения возглавлял настоятель Оптиной Пустыни архим. Исаакий (Бобраков).***

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 642; Ед. хр. 2. Л. 70; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3; Ф. 214. Опт-350. Л. 105.

** Там же. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 106, 390; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 99.

*** Там же. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 209; Там же. Ед. хр. 3. Л. 577; Русский инок. Июнь, 1915. Вып. 126. С. 686.

Викентий (Никольский Виктор Александрович), преподобномученик, монах. Память 28 ноября/11 декабря.*

Виктор (Вейденгаммер или Вандергаммер Виктор Алексеевич), рясофорный монах. Из потомственных дворян, губернский секретарь. Род. 13 декабря 1843 г. Окончил Императорское Московское техническое училище. Старший ревизор службы подвижного состава и тяги Средне-азиатской Казенной железной дороги. Инженер-механик. Вдов по 1-му браку. Поступил в 1900 г. Определен 15 мая 1904 г. Послушание по техническим работам. Скончался 17 апреля 1916 г. Похоронен на скитском кладбище.**

Владимир (Кавелин Владимир Александрович), послушник

Сын козельского помещика Александра Александровича Кавелина, обучался в коммерческом училище в С.Петербурге. Поступил в скит 19 июля 1854 г., послушание на братской трапезной. Помещен на пасеке. Заболел и взят родителями домой в сентябре 1854 г. Скончался 6 марта 1855 г., похоронен в скиту. Покоится в общей могиле с монахом Феодосием (Жирковым; † 1851).*** Родной брат Льва Кавелина (архим. Леонида).

Владимир (Никольский Василий Степанович), епископ

Епископ Калужский с 14 мая 1881 г., с 21 мая 1888 г. — епископ Пермский и Соликамский, с 1892 г. — епископ Нижегородский. Скончался 29 декабря 1900 г.****

Владимир (Фокин Владимир Федорович), послушник

Из крестьян Рязанской губ., Зарайского у. Поступил 20 июня 1868 г., холост, 24 лет. Послушания в булочной, пекарне, в скиту.*****

* Жития новомучеников и исповедников Оптиной Пустыни, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2009. С.139—152.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 613; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2159. Л. 163; АОП. Н. Чулкова.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 74; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3; Ф. 214. Опт-350. Л. 73—74 об.

**** Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования. С.23-25; История иерархов Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. М., 2006. С. 629-630.

***** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 159 об.

Гавриил, казначей

Из карачевских мещан. В монашество пострижен 15 августа 1807 г. в Бранской Белобережской пустыни, в том же году рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха 5 сентября 1809 г. 14 июля 1810 г. определен в Карачевский Одрин монастырь. Определен в Валаамский монастырь 29 ноября 1812 г. Определен в Оптину Пустынь 17 ноября 1823 г. Назначен духовником 14 октября 1836 г. Определен казначеем 16 октября 1840 г. Скончался 31 декабря 1842 г. Похоронен на монастырском некрополе, к северу от Введенского храма.*

Геннадий (Щелкунов Климент Никитич), рясофорный монах

Из путивльских мещан. Овдовев, путешествовал на Афон, где и пострижен в монашество. В Оптину определен 6 сентября 1823 г. С 1833 г. в оптинских списках числится как Климент Никитин. 26 ноября 1835 г. исключен из штата по старости лет. Послушник Климент Никитин скончался 2 сентября 1851 г. Похоронен на скитском кладбище.**

Геннадий (Туманов Герасим Иванович), схимонах

Из крестьян Тверской губ. Поступил в скит в 1838 г. Послушание в братской поварне. Определен 29 марта 1844 г. Пострижен в монашество 17 ноября 1851 г. Послушание клиросное. 14 мая 1860 г. по определению Св. Синода отчислен за штат. Скончался 2 сентября 1899 г., 86 лет. Похоронен на скитском кладбище.***

Георгий, послушник.

Из московских мещан. Поступил в скит в 1831 г. Скончался 24 декабря 1833 г., 24 лет. Похоронен на скитском кладбище.****

Геронтий (Васильев Егор), игумен Тихоновой пустыни

Из московских купеческих детей. Определен 5 июля 1830 г., 30 лет. Послушание при пасеке. В монашество пострижен 29 октября 1833 г. Послушание пономарское. Рукоположен во иеродиакона 14 сентября

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 394, 412; Ф. 214. Опт-350. Л. 33.

** Там же. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 189, 206, 238, 251, 263, 295, 358, 539, 589.

*** Там же. Л. 375, 435, 609, 835; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 5.

**** Там же. Л. 2 об.

1834 г., во иеромонаха 24 июня 1836 г. С 1837 г. по 1857 г. — строитель Тихоновой пустыни. Скончался 6 июля 1857 г.*

Григорий II (Миткевич Николай Васильевич), архиепископ

Был ректором Казанской духовной академии, хиротонисан во епископа Калужского 9 декабря 1851 г., с 20 апреля 1869 г. — архиепископ. Скончался 13 апреля 1881 г. Погребен в Троицком соборе г. Калуги. По воспоминаниям современников в личной жизни был подвижником, отказывая себе в самом насущном, постником, нищелюбцем, нестяжателем. Тот день считал для себя потерянным, когда болезнь не позволяла ему участвовать в церковном богослужении.**

Григорий (Косых Григорий Иванович), монах

Крестьянин Воронежской губ., Павловского у., Нижнее-Мамонской вол., дер. Островки. Поступил в скит в 1885 г., женат, 31 год. «Болел чахоткою». Скончался 16 декабря 1893 г. Похоронен на скитском кладбище.***

Димитрий (Алексеев Димитрий Алексеевич), монах

Козельский мещанин, холост. Поступил в марте 1853 г., 26 лет. Послушание в булочной. В апреле 1853 г. переведен в скит на пасеку. Определен после 1858 г. Накрыт рясофором. Видимо, по болезни, келейно пострижен в монашество. Скончался 29 марта 1864 г. Похоронен на скитском кладбище.****

Диомид (Кондратьев Диомид), схимонах

Новгородский мещанин, холост. Извольноотпущенных кн. Салтыковой. Первоначально поступил в Свирский монастырь. В Оптину Пустынь поступил в 1829 г., до 1840 г. носил рясофор. На разных послушаниях в скиту. «Больной чахоткою». Пострижен келейно в схиму по болезни в Площанской пустыни. Скончался 1 мая 1849 г. в воскресенье в 6 часов утра. Похоронен на скитском кладбище.*****

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 230, 262, 273, 286, 305; Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования. С. 38.

** Там же. С. 22—24.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 218 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3 об.

**** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 865; Ед. хр. 2. Л. 66 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2.

***** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 391; Там же. Ед. хр. 2. Л. 30.

Дионисий (Федоров Денис Феофанович), рясофорный монах
Мещанин г. Епифани Тульской губ. Поступил в 1854 г., женат,
62 лет. Послушание привратника у Никольских ворот, затем про-
давец хлеба, затем вновь привратником. Скончался 20 июля 1882 г.
Похоронен на всехсвятском кладбище.*

Дмитрий (Лавров Димитрий Николаевич), послушник
Сын священника «Спиридоновской в Москве за Никитскими
воротами церкви». Поступил в октябре 1861 г., 22 года. Послушание
в скиту трапезным. В 1865 г. переведен в монастырь, послушание
келейника у казначея. В 1867 г. покинул монастырь.**

Досифей, монах
Родом из единоверцев г. Карачева. Скончался 22 декабря 1828 г.,
более 75 лет. Похоронен на скитском кладбище.***

Евламий (Введенский Евфимий Иванович), епископ
Управлял Калужской епархией с 16 апреля 1809 г. до своей кончи-
ны 22 мая 1813 г. Погребен в Калужском кафедральном соборе.****

Емилиан (Андреев Емельян), монах
Из дворовых людей Чапкиных Мценского у. сельца Прудница.
Поступил в марте 1863 г., 18 лет. Послушание сапожника, затем в
скиту. Болел. Скончался 10 (по др. источникам — 8 и 9) декабря
1865 года. Похоронен на скитском кладбище.*****

Ефрем (Косых Ефрем Иванович), схимонах
Крестьянин Воронежской губ., Павловского у., Нижне-Мамонс-
кой вол., с. Островки. Поступил в скит 23 декабря 1885 г., женат, 28 лет.
Скончался 4 апреля 1891 г. Похоронен на скитском кладбище.*****

Зосима (Амелин Стефан Васильевич), иеромонах
Из крестьян Калужской губ., Жиздринского у., Зимницкой вол.,
д. Каменки. Запасной старший унтер-офицер 25 пехотного Смолен-
ского полка. Поступил в 1896 г., 26 лет, холост. Определен 22 марта

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 76; Там же. Ф. 214. Опт-350.
Л. 223 об.

** Там же. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 118.

*** Там же. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

**** Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епар-
хии за столетний период ее существования. С. 16—17.

***** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 129 об; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3.

***** Там же. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 218; Ед. хр. 3. Л. 79; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3 об.

1906 г. Пострижен в монашество 16 декабря 1907 г. Послушание келейника скитоначальника старца Иосифа, затем старшего келейника старца Нектария. Рукоположен во иеродиакона 1 апреля 1911 г. Дата рукоположения во иеромонаха неизвестна. Скончался от тифа 26 марта (по данным синодика Л. Межековой – 10 апреля) 1919 г. в с. Засека (Засецкий?).*

Иаков (Сущенко Яков Максимович), послушник

Из крестьян Харьковской губ., Старобельского у., Городищенской вол., с. Городища. Поступил в скит в 25 апреля 1900 г., холост, 18 лет. Скончался 7 декабря т. г. Похоронен на скитском кладбище.**

Иван (Беляев Иван Митрофанович), рясофорный монах

Потомственный почетный гражданин г. Москвы. Поступил в скит в 1907 г., холост, 20 лет. Во время поездки на Св. гору Афон был пострижен келейно в монашество, вероятно, с именем Парфений, в честь свт. Парфения Лампсодийского, которому Иван впоследствии написал акафист. В Оптиной Пустыни пострижен в рясофор указом от 13 марта 1912 г. (Афонские постриги в то время в России не считались действительными без утверждения Св. Синода. — *Примеч. ред.*). Определен указом от 12 июня 1913 г. Послушание письмоводителя скитоначальника. 24 августа 1914 г. «указом за №15785 командирован для отправления обязанностей псаломщика и санитара в подвижной склад ЕВ Государыни Императрицы Александры Феодоровны» вместе с иером. Гавриилом. В таблице переписи населения Оптиной Пустыни за март/апрель 1918 г. указан как не возвратившийся из армии. В командировке Иван познакомился с сестрой милосердия Надеждой, на которой женился, взяв благословение у еп. Трифона (Туркестанова). Обвенчались 21 августа 1916 г. в московской Георгиевской, «что в Грузинах церкви». Впоследствии отошел от Церкви, находился в общении с обновленческим «митрополитом» Антонином (Грановским), затем сотрудничал с газетой «Безбожник», ездил выступать с атеистическими лекциями. В последние годы жизни принес покаяние в своем отпадении от Церкви. Скончался в 1969 г., кремирован

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 761 об.-762; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2446, Л. 303, 725 об.-726; АОП.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 435; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1 об.

согласно завещанию, прах захоронен в могиле родителей в Донском монастыре.*

Иероним (Побойнин Иоан), иеросхимонах

Скитский рясофорный монах, земляк монаха Иоанна. Мещанин (в других источниках — из купеческих детей) Псковской губ. г. Великих Лук. Поступил в скит 8 июля 1863 г., холост, 35 лет. Послушания: келейник у скитоначальника, трапезный в скиту. Определен 3 марта 1866 г. В монашество пострижен 17 июня 1872 г. По прошению перемещен в Великолукский монастырь Псковской епархии в апреле 1874 г., обратно перемещен 17 декабря т.г. Послушание при продаже книг. Рукоположен во иеродиакона 27 июля 1876 г., во иеромонаха 1 августа 1881 г. Скончался 15 августа 1882 г., во время болезни был пострижен в схиму. Похоронен на монастырском кладбище.**

Илари́й (Гурьянов Иван Иванович), иеромонах

Из козельских купеческих детей. Определен 14 июня 1846 г. в скит, рясофором накрыт по указу от 12 августа 1849 г. Послушание клиросное. В монашество пострижен 29 июня 1852 г. Был келейником старца Макария. Рукоположен во иеродиакона 16 июня 1855 г., во иеромонаха 12 августа 1862 г. Помощник духовника. Скончался 23 сентября 1872 г., 65 лет. Похоронен на скитском кладбище.***

Иларион (Пономарев Иродион Никитич), преподобный, иеросхимонах

Родился 8 апреля 1805 г. Из Саратовских купеческих детей. Подал прошение на поступление в июне 1841 г. Послушание клиросное. Определен указом от 26 февраля 1843 г. Накрыт рясофором по указу от 28 августа 1843 г. Послушания разные. В монашество пострижен 13 августа 1849 г. Во иеродиакона рукоположен 10 февраля 1853 г., во иеромонаха 21 апреля 1857 г. Указом от 8 апреля 1863 г. утвержден скитоначальником и общим духовником. В 1863 г.

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 4. Ед. хр.4. Л. 97 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1833. Л. 132; Ед. хр. 2069. Л. 160 об.-161; Ед. хр. 2159. Л. 169 об.-170; Ед. хр. 1927. Л. 634-634 об.; Архив журнала «Глаголы жизни»; АОП. Ф. Новомученики и исповедники.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1210, 1236, 1326; Ед. хр.2. Л. 132 об.; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 69 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 1002. Л. 42 об. 43.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 574, 590, 652, 930, 1125; К. 51. Ед. хр.1. Л. 4 об.

награжден набедренником, в 1870 г. — наперсным крестом. Скончался 18 сентября 1873 г. на 68 году жизни. Похоронен к юго-востоку от Введенского собора. Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. Обретение мощей состоялось 10 июля 1998 г. Мощи перенесены во Владимирский храм Оптиной Пустыни. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 г. прославлен в лике общецерковных святых (в числе и других оптинских старцев).*

Иларион (Козлов Иван Кузьмич), монах

Московский купец. Поступил в январе 1836 г., вдов. Послушание в скиту «при свечах и звонарем». Накрыт рясофором с именем Иларион. Ездил по сборам в С.Петербург. С 1845 г. ослабевал зрением. С 1847 г. «лишился памяти, кроме молитвы устной». Скончался в воскресенье 5 марта 1850 г. «пополудни в 8 часов». Похоронен на скитском кладбище. На надгробной плите указано — «монах Иларион», постриг в схиму не указан.**

Иннокентий (Владимиров Иван), иеромонах. См.: **Иов**, иеросхимонах

Иннокентий (Горбунов Иван Иванович), монах

Калужский 2-й гильдии купеческий сын. Поступил в 1867 г., 23 лет. Окончил курс в Калужской гимназии. Послушание в братской поварне, в книжной лавке, помощником закупщика, помощником библиотекаря, с 1878 г. в разных послушаниях в скиту. Определен 20 октября 1869 г. и накрыт рясофором. Пострижен в монашество 24 июня 1879 г. Скончался от чахотки 24 января 1886 г. Похоронен на скитском кладбище.***

Иоанн Побойнин, рясофорный монах. См.: **Иероним** (Побойнин), иеросхимонах

Иоанн Половцев, рясофорный монах. См.: **Ювеналий** (Половцев Иван Андреевич), архиепископ

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 13 об.-14, 58; К.1. Ед. хр. 1. Л. 402, 420, 434, 609, 842; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр.1002. Л. 26 об.-27; *Ювеналий, митрополит*. Указ. соч. С. 14—15.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 27 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3 об.

*** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1184, 1217, 1245, 1305, 1426; Ед. хр. 2. Л. 152 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1002. Л. 49 об.-50.

Иоанн, послушник

Из крестьян с. Верхних Прысков, Козельского у. Скитской работник. Скончался 18 ноября 1834 г., 50 лет. Похоронен на скитском кладбище в послушнической одежде.*

Иоанн (Малиновский), иеросхимонах

В монашество пострижен около 1790 г. в Керженских раскольнических скитах. По обращении из раскола в 1807 г. поступил в Единоверческий Корсунский монастырь Екатеринославской епархии. Рукоположен во иеродиакона 25 декабря 1810 г., во иеромонаха 7 мая 1820 г. По желанию перемещен в Балаклавский монастырь той же епархии в число флотских иеромонахов, находился на флоте до 1822 г. Затем вернулся в Балаклавский монастырь. Определен в Александро-Свирский монастырь согласно желания 25 июля 1825 г. Затем 2 апреля 1829 г. определен в братство Александро-Невской Лавры. Указом от 31 декабря 1834 г. определен в братство Оптиной Пустыни. Указом от 26 ноября 1835 г. выведен за штат. Пострижен в схиму 1 октября 1836 г. Скончался 4 сентября 1849 г., 87 лет. Похоронен на скитском кладбище.**

Иоанн (Скорняков Иван Алексеевич), монах

2-й гильдии купеческий сын г. Великих Лук, Псковской губ. Поступил в 1864 г., холост, 20 лет. Послушание поваром в скиту. Определен 3 марта 1866 г. и накрыт рясофором. Перед смертью пострижен в мантию. Скончался 26 марта 1870 г. «во 2 часу пополудни». Похоронен на скитском кладбище.***

Иоанн (Чернов Иван Тимофеевич), схимонах

Запасной писарь Московского окружного инженерного управления, поступил в феврале 1886 г. 28 лет. Скончался 27 декабря 1887 г. Похоронен на скитском кладбище.****

Иоанникий (Королев Иван Павлович), схимонах

Московский купеческий сын 2-й гильдии, родился 7 мая 1872 г. С 4 января 1900 г. — московский мещанин Хамовой слободы, холост. Поступил в скит 26 сентября 1895 г. В рясофор пострижен в 1897 г.,

* ОР РГБ. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2 об.; Ф. 214. Опт-350. Л. 22 об.

** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 293, 453; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 20 об.

*** Там же. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1003, 1056; Ед. хр. 2. Л. 136, 146 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2.

**** Там же. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 219; Там же. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1 об.

приукажен 22 марта 1901 г. В монашество пострижен 24 июня 1905 г. Послушания разные в скиту, трапезного. Болезненный. Келейно пострижен в схиму. Скончался 8 августа 1918 г. Похоронен на скитском кладбище.*

Иоанникий (Руфов Сидор), схимонах

Из пономарей с. Толстошева Жиздринаской округи. Определен указом от 19 сентября 1802 г., 42 лет. Послушания разные, пчельник. Пострижен в монашество 29 марта 1806 г. В схиму пострижен в 1810 г. Скончался 30 апреля 1815 г. Место захоронения расположено в Амвросиевском (ранее Пафнутьевском) приделе Введенского собора.**

Иов, иеромонах

Из оружейников. Определен указом в Тульский архиерейский дом в 1810 г. Пострижен в монашество в 1813 г. Переведен в Вышенскую пустынь Тамбовской епархии в 1816 г. В Казанский архиерейский дом переведен в 1820 г., где 30 января 1821 г. рукоположен во иеродиакона, 6 февраля того же года — во иеромонаха. Переведен в Тверской архиерейский дом в 1827 г. Определен по желанию в Оптину Пустынь 17 января 1832 г. В 1835 г. исключен из штата. Скончался 14 января 1843 г., 81 года. Похоронен на скитском кладбище.***

Иов (Владимиров Иван), иеросхимонах

Из дьяконов с. Воскресенского, Коломенского у., Московской губ. В 1824 г. овдовев, пострижен в монашество с именем Иннокентий в Московском Спасо-Андрониевом монастыре и рукоположен во иеромонаха. Перемещен в Оптину Пустынь и выведен по болезни за штат указом от 15 декабря 1843 г. Скончался 10 февраля 1861 г., 72 лет. Похоронен на скитском кладбище.****

Иосиф (Бухов Иван Семенович), монах

Из калужских мещан. Определен 14 марта 1824 г. Послушания разные. Скончался 30 апреля 1827 г., 25 лет. Похоронен на скитском кладбище.*****

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 2. Ед. хр. 6. Л. 14-14 об.

** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 8, 13, 64, 83, 93; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 75 об.

*** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 247, 315, 423, 441; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1 об.

**** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 438, 732; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 4; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 107 об.

***** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 189; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3.

Иосиф (Литовкин Иван Ефимович), преподобный, иеросхимонах

Из государственных крестьян Харьковской губ., Старобельского окр., Городищенской вол., слоб. Городища. Поступил 26 февраля 1861 г. Послушание в скиту в поварне, затем келейный у старца Амвросия. Накрыт рясофором в апреле 1864 г. Старец. Скончался 9 мая 1911 г. в 10 часов 40 минут вечера. Похоронен около Введенского собора с юго-восточной стороны. Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. Мощи перенесены во Владимирский храм Оптиной Пустыни. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года принято решение прославить как общецерковного святого (в числе и других оптинских старцев).*

Иосиф (Мухортов Иосиф Степанович), скитский рабочий

Скончался 11 октября 1863 г., 20 лет. Похоронен на скитском кладбище.**

Ираклий (Дорогавцев Илья Глебович), иеросхимонах

Из крестьян Ливенского уезда, Никольской вол., с. Казанского. Поступил 17 декабря 1869 г., холост, 22 лет. Пострижен в монашество 8 мая 1883 г. Рукоположен во иеродиакона 9 мая 1893 г., во иеромонаха 5 июля 1899 г. Скончался 30 сентября 1915 г., 67 лет. Похоронен в скиту.***

Иродион, послушник. См.: **Иларион** (Пономарев), преподобный

Исаакий (Антимонов Иван Иванович), преподобный, схиархимандрит

Родился 31 мая 1810 г., почетный гражданин, Курский 2-й гильдии купеческий сын, поступил 4 мая 1847 г., 38 лет, определен в 1851 г., послушание в скиту на правом клиросе бас и поваром. В монашество пострижен 4 сентября 1854 г., во иеродиакона рукоположен 19 июня 1855 г., во иеромонаха 8 июня 1858 г. С 1862 г. «исправлял должность» настоятеля. 19 июня того же года утвержден строителем Оптиной Пустыни, 6 июня 1863 г. награжден набедренником, в 1864 г. возведен во игумена, в 1868 г. награжден наперсным крестом,

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 110 об.; Ювеналий, митрополит. Указ. соч. С. 14—15.

** ОР РГБ. Ф. 214. № 350. Л. 130 об.

*** Там же. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 167; К. 11. Ед. хр. 3. Л. 2; АОП. Синодики. № 1 (Межекова).

в 1872 г. палицей, 4 апреля 1876 г. орденом св. Анны 3-ей степени, 20 апреля 1880 г. знаком Красного Креста, орденом св. Анны 2-ой степени 20 апреля 1880 г. Назначен благочинным Оптиной Пустыни и Казанской Шамординской общины в августе 1884 г. Возведен в сан архимандрита 6 апреля 1885 г. Награжден орденом св. равноапостольного Князя Владимира 4-й степени 9 апреля 1889 г. Скончался 22 августа 1894 г. от рождения 84 года 2 месяца и 22 дня. Перед кончиной пострижен в схиму. Похоронен в Казанском храме. Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 г. принято решение прославить как общецерковного святого (в числе и других оптинских старцев).*

Кавелин Владимир, послушник. — См.: **Владимир** (Кавелин)

Кирилл (Пожидаев Козма Семенович), иеродиакон

Из государственных крестьян Щигровской округи, Мелехинской вол., Подгородней слободы Троицкой. Поступил в марте 1849 г., 22 лет. Послушания в братской кухне, при рыбной ловле, в хлебе, в булочной. Определен 31 декабря 1856 г., покрыт рясофором по указу от 13 февраля 1857 г. Пострижен в монашество 16 апреля 1864 г. Рукоположен во иеродиакона 1 октября 1867 г. Скончался 23 сентября 1872 г. Похоронен на монастырском некрополе.**

Кирилл (Мусатов Константин Сидорович), схимонах

Из крестьян сельца Политова Еропкинской вол., Данковского у., Рязанской губ. Согласно ведомости поступил в 1890 г., накрыт рясофором 30 марта 1890 г. Скончался 25 апреля 1892 г. Похоронен на скитском кладбище.***

Климент (Зедергольм Константин Карлович), иеромонах

Коллежский асессор, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода в отставке. Окончил императорский Московский университет, кандидат наук. В 1858 г. возведен в степень магистра. Поступил в 1862 г., холост, 31 года. Пострижен в рясофор 3 августа 1863 г. Определен 9 сентября 1863 г. Послушание

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1127; Ед. хр. 2. Л. 28. Ед. хр. 3. Л. 45 об.-46; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 17 об.; Ювеналий, митрополит. Указ. соч. С. 14—15.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л., 699, 723, 849, 969; К. 2. Л. 42; Ф. 214. Опт.-364. Л. 19 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп.3. Ед. хр.1002. Л.57 об.-58.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 236; Ед. хр. 3. Л. 90 об.

библиотекаря в скиту. В монашество пострижен 16 декабря 1867 г. Рукоположен во иеродиакона 7 сентября 1870 г., во иеромонаха 8 июля 1873 г. Скончался 30 апреля 1878 г. Похоронен на скитском кладбище.*

Ксенофонт (Клюкин Василий Иванович), схиархимандрит

Ефремовской 2-й гильдии купеческий сын, поступил 1 ноября 1866 г., 20 лет. Определен 13 октября 1869 г. Послушания: в кухне, при погребях, в просфорне, при рухлядной. С 1868 г. болел ногами. В монашество пострижен 19 июня 1876 г. Рукоположен во иеродиакона 30 сентября 1884 г. Избран казначеем и утвержден указом Калужской духовной консистории 19 октября 1890 г. Рукоположен во иеромонаха 21 ноября 1890 г. Награжден набедренником 15 октября 1891 г. Благословение Св. Синода 14 мая 1896 г. наперсным крестом 4 июня 1898 г. Утвержден настоятелем с возведением в сан игумена 11/17 августа 1899 г. Назначен благочинным монастырей Калужской епархии 2 мая 1900 г. Награжден орденом св. Анны 3-й степени. Возведен в сан архимандрита 14 апреля 1904 г. Благословение Св. Синода в 1906 г. Медаль Красного Креста 1904-1905 гг. — 18 мая 1906 г. Награжден орденом св. Анны 2-й степени, орденом св. Владимира 4-й степени. Уволен по болезни от должности благочинного мужских монастырей 1 января 1911 г. Скончался 30 августа 1914 г. Похоронен в Казанском соборе.**

Леонид (Наголкин Лев Данилович, в схиме Лев), преподобный, иеросхимонах

Из Карачевских мещан, поступил в Белобережскую пустынь в 1799 г., там же пострижен в монашество в 1801 г. Рукоположен во иеродиакона 22 декабря 1801 г. и 24 декабря т.г. во иеромонаха. В 1804 г. определен строителем. В 1811 г. перемещен по желанию в Валаамский монастырь. 22 июня 1817 г. определен в Александро-Свирский монастырь «в число больничных». Перемещен в братство Оптиной Пустыни указом 12 августа 1829 г. «По нездоровью к священнослужению не исправен». Исключен из штата 2 декабря

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 945; К. 1. Ед. хр. 2. Л. 123; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 1122. Л. 58 об.-59.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1003, 1213, 1272; Ед. хр. 2. Л. 152; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2069. Л. 125 об.-126.

1836 г. Скончался 11 октября 1841 г., 72 лет. Похоронен за алтарем Введенского собора, где впоследствии была построена часовня. Как свидетельствует запись в монастырском архиве нач. XX в. — «первый восстановитель старчества в Оптиной Пустыни». Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 года прославлен как общецерковный святой (в числе и других оптинских старцев). Обретение мощей состоялось 27 июня/10 июля 1998 г. Мощи перенесены во Владимирский храм Оптиной Пустыни.*

Леонид (Бочаров Иакинф Тихонович, в монашестве Иоанникий), схимонах

Из карачаевских купцов. Родился 18 июля 1783 г. Поступил в Чолнский монастырь в 1804 г. В братство брянской Белобережской пустыни определен 21 сентября 1806 г. Пострижен в монашество 13 сентября 1809 г. 12 января 1814 г., перемещен в Валаамский монастырь. Оттуда 29 ноября 1824 г. поступил в Александро-Невскую Лавру. Определен по прошению в Оптину Пустынь 19 апреля 1834 г. В списке 1834 г. значился под именем монах Иоанникий II-ой. Исключен из штата в 1842 г. Выбыл по прошению в Калужскую Тихонову Пустынь 7 октября 1849 г., где пострижен в схиму 31 марта 1851 г. с именем Леонид. Переведен в Оптину Пустынь «в число больничных» указом от 30 октября 1852 г. С января 1853 г. лишился зрения. Скончался 4 декабря 1853 г. на 71 году. Похоронен на скитском кладбище.**

Леонид (Кавелин Лев Александрович), архимандрит

Из калужских дворян. Родился 20 февраля 1822 г. в селе Спас-Волженском Вяземского у., Смоленской губ. по месту службы своего отца. Учился в Калужской мужской гимназии с 1832 г. С 1835 г. по 1840 г. учился в первом Московском Кадетском корпусе. Службу проходил в лейб-гвардии Волыном полку, расположенном в Ораниенбауме. Вышел в отставку в чине капитана 12 марта 1852 г. Поступил в скит Оптиной Пустыни 21 марта 1852 г. По поручению

* ОР РГБ. Ф. 213. К.1. Ед. хр. 1. Л. 212, 302, 337; *Ювеналий, митрополит*. Указ. соч. С. 14—15; АОП.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 273, 439, 540, 599, 626; Ед. хр. 2. Л. 62 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3; Ф. 214. Опт-361. Л. 168.

настоятеля составлял обозрение древностей Оптиной Пустыни. С 9 мая 1852 г. нес послушания канонарха в скиту, клиросное, также в монастырской библиотеке и перевод книг. Приукажен и накрыт рясофором 28 февраля 1855 г. Пострижен в монашество 7 сентября 1857 г., в том же году 20 октября рукоположен во иеродиакона, 29 октября — во иеромонаха и назначен членом Русской Духовной Миссии во Иерусалиме. Вернулся в Оптину Пустынь по прошению 19 марта 1859 г. Назначен начальником Миссии во Иерусалиме с возведением в сан архимандрита 29 ноября 1863 г. Был в Оптиной Пустыни в марте 1864 г. Указом Св. Синода определен в Константинополь в Посольскую церковь. Награжден наперсным крестом с украшениями 26 марта 1868 г. Назначен настоятелем ставропигиального Воскресенского Новоиерусалимского монастыря 5 июня 1869 г. Награжден орденом св. Анны 2-й степени 26 мая 1870 г. Назначен благочинным ставропигиальных монастырей 24 сентября 1875 г. Награжден орденом св. Владимира 4-й степени 26 марта 1877 г. Назначен наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и настоятелем Спасо-Вифанского монастыря 3 июня 1877 г. Награжден знаком Красного Креста 23 февраля 1880 г. Награжден орденом св. Владимира 3-й степени 20 апреля 1880 г. Уволен 10 мая 1884 г. на Афонскую гору для лечения. Золотая медаль на Александровской ленте в память освящения храма Христа Спасителя 30 мая 1884 г. Почетный член Московской Духовной Академии. Награжден наперсным крестом от Иерусалимского Патриарха 17 декабря 1886 г. Скончался 22 октября 1891 г. Похоронен за алтарем Св. Духовской церкви в Троице-Сергиевой Лавре. Некоторые исследователи насчитывают до 700 опубликованных исторических работ. Точный подсчет затруднен, поскольку о. Леонид публиковался под различными псевдонимами. На некрополе Оптиной Пустыни похоронены несколько близких родственников о. Леонида, в т.ч. мать, Мария Михайловна Кавелина (Нахимова), родной брат Владимир и т.д.*

* РГИА. Ф. 797. Оп. 95. Д. 203. Л. 11—16; Ф. 1343. Оп. 23. Д. 24. Л. 136 об. ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 676, 712; Ед. хр. 2. Л. 60; ГАКО. Ф. 77. Оп. 1. Ед. хр. 166. Л. 2; *Корсунский И.* Архимандрит Леонид (некролог) // Душеполезное чтение. 1891. Ч. 3. Л. 606;

Леонид (Краснопевков), епископ

Епископ Дмитровский с 1859 по 1876 гг.*

Леонтий (Мигунов Леонид Павлович), иеромонах

Из Белевских купеческих детей. Поступил 17 июня 1852 г. послушание келейника у казначея и будильщика. Затем помощник трапезного. С сентября 1854 г. в переплетной. Определен 7 октября 1857 г., в монашество пострижен 16 декабря 1867 г. Рукоположен во иеродиакона 1 января 1873 г., во иеромонаха 15 июля 1879 г. Награжден набедренником 26 июня 1883 г., наперсным крестом 15 мая 1892 г. Утвержден ризничим 27 октября 1892 г. Скончался 23 октября 1900 г., 64 лет. Похоронен на монастырском кладбище.**

Макарий (Грузинов Матфей Яковлевич), схимонах

Пострижен в монашество в Александро-Свирском монастыре 24 октября 1826 г. В братство Оптиной Пустыни определен указом от 12 августа 1829 г. Послушание иконописца. Скончался 6 мая 1869 г., 74 лет. Похоронен на скитском кладбище.***

Макарий (Иванов Михаил Николаевич), преподобный, иеросхимонах

Родился 20 ноября 1788 г. в Орловской губ. в дворянской семье. В монашество пострижен в Богородицкой Площанской пустыни 7 марта 1815 г. Рукоположен во иеродиакона 15 марта т.г., послушание ризничего. Рукоположен во иеромонаха 27 марта 1817 г., награжден набедренником 8 июля 1819 г. Благодичный Площанской пустыни с 10 июня 1826 г. Определен духовником в Севский Троицкий Девичий монастырь 30 января 1827 г. Определен в братство Оптиной Пустыни 16 января 1834 г., с 14 октября 1836 г. назначен духовником обители и скитоначальником. Скончался 7 сентября 1860 г. В монашестве провел 49 лет. Похоронен за алтарем Введенского собора, где впоследствии была сооружена часовня. Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 г. прославлен как общецерковный святой (в числе и других оптинских старцев).

* История иерархов Русской Православной Церкви. С. 711.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 62; Ед. хр. 3. Л. 399 об.-400; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 64; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 1002. Л. 36 об-37; Ед. хр. 1666. Л. 83 об.-84.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 250; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 4.

Обретение мощей состоялось 27 июня/10 июля 1998 г. Мощи перенесены во Владимирский храм Оптиной Пустыни.*

Макарий (Детярев или Дехтярев Марк Евдокимович), монах

Из московских купцов. В скиту жил с 1828 г. Келейно пострижен в монашество. Скончался 8 июня 1832 г. Похоронен на скитском кладбище.**

Макарий (Митрофанов Михаил), монах

Из экономических крестьян. Определен 12 июня 1823 г. Послушания разные. В монашество пострижен 24 июня 1824 г. Выведен за штат в 1838 г. в возрасте 64 года. «Нечаянно утонул» 28 июня 1841 г. Похоронен на скитском кладбище.***

Макарий (Троицкий Макарий Трифонович), епископ

Епископ Калужский с 22.10.1895 г. по 10.07.1901 г. Скончался 03.07.1906 г. Похоронен в г. Белеве.****

Максим Иванович Горностаев, послушник

Из крестьян Орловской губ., Ливенского у., Зубцовской вол., дер. Белого Колодезя. Поступил в 1887 г., 19 лет, холост. «Отличался трудолюбием». Скончался от угара 20 декабря 1888 г. Похоронен на скитском кладбище.*****

Мартирий (Касинов Михаил Павлович), иеродиакон

Из крестьян Тульской губ., Ефремовского у., Старогольской вол., дер. Нижнегольской. Поступил 17 апреля 1884 г., холост, 30 лет. Пострижен в монашество 3 июня 1895 г. Рукоположен во иеродиакона 27 мая 1899 г. Скончался 2 января 1908 г. Похоронен на скитском кладбище.*****

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 378; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 13; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1036. Л. 44 об.- 45; Ювеналий, митрополит. Указ. соч. С. 14—15.; АОП.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2 об.; Ф. 214. Опт-350. Л. 20 об.

*** Там же. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 162, 177, 358, 407; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1 об.

**** История иерархов Русской Православной Церкви. С. 717; Герасим (Дьячков), иеромонах. Белевский Спасо-Преображенский монастырь Тульской области. История в лицах. М., 2008. С.133—137.

***** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 228; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3 об.

***** Там же. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 213 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1725. Л. 115 об.-116; Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 376. Л. 24.

Мартин (Кривенков Мартын Андреевич), монах

Из дворовых людей помещика Болховского у. князя В.Д. Голицына. Поступил 3 июля 1862 г. Послушания в скиту. Скончался 4 августа 1863 г., 22 лет. Похоронен на скитском кладбище.*

Матфий (Кузнецов Матвей Егорович), рясофорный монах

Из крестьян Калужской губ., Тарусского у., Солопенской вол., сельца Солопенки. Синельщик. Поступил 8 мая 1886 г., 45 лет, женат. Поступил вновь 1 июня 1899 г. в скит. Скончался 26 ноября 1904 г. Похоронен на скитском кладбище.**

Мисаил (Герасимов Мирон), монах

Из солдат. На военной службе находился с 1 декабря 1773 г. От воинской службы «отставлен» 7 декабря 1799 г. Определен в число братства 3 июня 1804 г., 56 лет. Послушание лесного сторожа. С 1807 г. находился в Тульской архиерейском доме. Определен в Оптину Пустынь 30 июня 1811 г. Пострижен в монашество 23 декабря 1813 г. Послушание помощника пчельника, с 1816 г. «в разных послушаниях». Исключен из штата 4 января 1835 г. Скончался 18 августа 1836 г. Похоронен к северу от Введенского собора.***

Михаил (Андреев Максим Лукич), иеросхимонах

Из московских мещан Сыромятной слободы. Поступил в 1861 г., 37 лет. Послушание в скиту при кельях старца Амвросия. Накрыт рясофором 15 апреля 1864 г. Определен 28 октября 1864 г. В монашество пострижен 5 апреля 1870 г. Рукоположен во иеродиакона 16 мая 1877 г., во иеромонаха 29 июня 1883 г. Награжден набедренником в 1896 г. Скончался 21 декабря 1897 г. Похоронен на скитском кладбище.****

Михаил (Бакин), послушник

Скончался 18 июня 1826 г., 26 лет. Родом из Орловских мещан. Приукажен не был. Погребен на скитском кладбище.*****

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 126 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1 об.

** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 220; Ед. хр. 3. Л. 612 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 4 об.

*** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 24, 31, 95, 104, 114, 261, 294; Ф. 214. Опт-350. Л. 24 об.; АОП. Синодики. №1.

**** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 111 об., 273; Ед. хр. 3. Л. 9 об.-10; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 4 об.

***** Там же. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

Моисей (Путилов Тимофей Иванович), преподобный, схиархимандрит

Из московских купцов. В Оптиной Пустыни с 1819 г. на разных послушаниях. Определен 2 марта 1822 г., в монашество пострижен 3 июня, во иеродиакона рукоположен 24 июня, во иеромонаха 25 декабря 1822 г. Был общим духовником, с 14 марта 1825 г. и.о. настоятеля; утвержден строителем и награжден набедренником 12 сентября 1826 г. Произведен во игумена 5 сентября 1837 г. Награжден наперсным крестом 28 мая 1841 г. Возведен в сан архимандрита 12 июля 1853 г. Благословение Св. Синода от 15 августа 1857 г. Награжден орденом св. Анны 2-й степени 2 мая 1859 г., «Высочайшей грамотой» — 8 мая 1859 г. Скончался 16 июня 1862 г. Похоронен в Казанском соборе. Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 г. принято решение прославить как общецерковного святого (в числе и других оптинских старцев).*

Моисей (Доброхотов Михаил Васильевич), иеромонах

Родился в 1867 г. Из духовного звания, сын псаломщика с. Боголюбовка, Бузукского р., Самарской губ. Поступил в 1892 г., 25 лет, холост. Определен 28 июля 1895 г. Послушание пономарское в скиту. Пострижен в монашество 23 июня 1899 г. Рукоположен во иеродиакона 26 марта 1906 г., во иеромонаха 25 марта 1909 г. Командирован в полевой подвижной госпиталь в качестве священнослужителя 26 июля 1914 г. Награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами 6 февраля 1915 г., орденом св. Анны 2-й степени 18 декабря 1915 г., набедренником 23 июля 1916 г. Возвратился из командировки на войну 6 мая 1916 г. Награжден наперсным крестом 14/24 октября 1916 г. Осужден по ст. 58 п. 10—11 к трем годам ссылки в 1928 г. С 1932 г. проживал в Высокининском районе Московской обл. Вновь арестован 30 августа 1937 г. Осужден к ВМН по ст. 58 п. 10—11. Расстрелян 21 октября 1937 г., похоронен в общей безвестной могиле на полигоне в Бутове под Москвой.**

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 183, 669, 691, 740; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 17 об.; Ювеналий, митрополит. Указ. соч. С. 14—15.

** ГАРФ. Д. П-20723; ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 132 об., 336 об.-337; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2446. Л. 117 об.-118.

Нектарий (Тихонов Николай Васильевич), преподобный, иеросхимонах

Елецкий мещанин, 20 лет. Поступил в мае 1873 г. в скит Оптиной Пустыни. Определен 4 октября 1874 г. Послушание пономаря. Пострижен в монашество 14 марта 1887 г. Рукоположен во иеродиакона 19 января 1894 г., во иеромонаха 20 октября 1898 г. Награжден набедренником 9 апреля 1907 г. Благословение Св. Синода 6 мая 1911 г. Назначен временно исполняющим на должность скитоначальника и братским духовником 17 апреля 1912 г. Утвержден братским духовником 27 сентября 1912 г. Награжден наперсным крестом 6 мая 1915 г. Пострижен в схиму согласно прошения от 18/31 марта 1920 г. Арестовывался в 1923 г. Выслан за пределы Калужской губернии. Скончался в с. Холмищи Брянской губ. 29 апреля/12 мая 1928 г. Похоронен там же. Обретение мощей состоялось 16 июля 1989 г. Прославлен в лике местночтимых святых 26 июля 1996 г. На Архиерейском Юбилейном Соборе 2000 г. принято решение прославить как общецерковного святого (в числе и других оптинских старцев). Мощи находятся во Введенском соборе.*

Нестор (Фуфаев Николай Васильевич), схимонах

Торопецкий 2-й гильдии купец. Поступил в январе 1865 г., холост, 22 лет. Послушание в скиту, в хлебне. Определен 16 августа 1866 г. и накрыт рясофором. Послушание клиросное. Пострижен в монашество 1 декабря 1873 г. Скончался 25 января 1905 г., 63 лет. Похоронен на скитском кладбище.**

Никита (Костинский Никита Иванович), рясофорный монах

Мещанин г. Покрова Владимирской губ. Поступил в 1902 г., вдов, 58 лет. Послушания в скиту. Накрыт рясофором 25 мая 1905 г. Приукажен не был. Скончался 3 апреля 1913 г. от паралича. Похоронен на скитском кладбище.***

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1309; Ед. хр. 2. Л. 179; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1833. Л. 107 об.-108; Ед. хр. 2446. Л. 105 об.-106; Ед. хр. 2030; АОП. Ювеналий, митрополит. Указ. соч. С. 14—15.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 140; Ед. хр. 3. Л. 640 об.-641, 696 об.-697; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 5; ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 1002. Л. 47 об.-48.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 617; К. 11. Ед. хр. 3. Л. 14; Ф. 214. Опт-367. Л. 90 об.-91; 227.

Никодим (Скрипкин или Скрыпкин Николай Петрович), схимонах
Из козельских мещан. Поступил в марте 1857 г., холост, 22 лет.
Послушание в скиту, в поварне. Определен 30 октября 1863 г. Послушания: свечника, клиросное. Перемешен в Курскую Коренную пустынь 9 марта 1867 г. По прошению перемещен обратно 30 июля 1869 г. Пострижен в монашество 5 апреля 1870 г. Скончался 12 января 1900 г. Место захоронения неизвестно.*

Никодим (Демутье Николай Петрович), иеромонах
Из дворян. Поступил в Богородицкую Площанскую пустынь, перешел затем в Троицкую Сергиеву Пустынь, определен в число братства 23 октября 1835 г. Переведен по желанию в Оптину Пустынь 4 декабря 1836 г. Послушание при свечах. Пострижен в монашество 5 августа 1840 г. В 1842 г. рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха, и переведен в Мещовский Георгиевский монастырь по указу от 25 августа. Скончался 7 февраля 1864 г. Похоронен в Мало-ярославецком монастыре.**

Николай (Абрулах), схимонах
Мещанин г. Казани, бывший турецкий подданный. Перешел в православие из магометанства. Поступил в 1891 г. Скончался 18 августа 1893 г., 65 лет. Похоронен на скитском кладбище.***

Николай (Книжников Николай Васильевич), схимонах
Крестьянин Воронежской губ., Богучарского у., Новокриушинской вол. и слободы. Поступил в скит в 1894 г., 65 лет. Накрыт рясофором в 1895 г. Скончался 3 декабря 1907 г., 78 лет. Похоронен на скитском кладбище.****

Николай (Лопатин Николай Егорович или Георгиевич), схимонах

Потомственный почетный гражданин г. Ярославля. Поступил в

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 874; Ед. хр. 3. Л. 15 об.-16, 364 об. 365, 425.

** Там же. Ед. хр. 1. Л. 332, 382, 425; Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18—19 веков. Февраль. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1996. С. 113—114.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 130 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2.

**** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 173, 212 об.; АОП. Синодики. № 1 (Межекова; митр. Мануил).

скит 5 ноября 1890 г., 26 лет. Скончался 10 мая 1893 г., 29 лет. Похоронен на скитском кладбище.*

Николай (Соколов), преосвященный, епископ Калужский и Боровский

Управлял Калужской епархией с 2 октября 1834 г. по 16 сентября 1851 г. Скончался в Калужском Лаврентиевом монастыре. Похоронен в Калужском Троицком соборе.**

Никон (Огиевский Николай Иванович), иеромонах

Из дворян (коллежский секретарь) г. Глухова. Поступил в скит в 1832 г. Определен в число братства 29 января 1836 г. Послушание пономаря в скиту. В монашество пострижен 3 июня 1839 г. Рукоположен во иеродиакона 3 декабря 1839 г. Во иеромонаха 1 февраля 1942 г. Скончался 2 октября 1850 г., 45 лет. Похоронен на скитском кладбище.***

Нил (Павлов Николай), монах

Мценский 3-й гильдии купеческий брат. Поступил в июне 1853 г., холост, 22 лет. Послушание при настоятельских кельях. Переведен в скит 5 августа 1856 г., послушание келейника у старца. Определен указом от 16 марта 1857 г. В монашество пострижен 28 августа 1866 г. Послушание келейника у скитоначальника. Скончался 15 января 1869 г. Похоронен на скитском кладбище.****

Нифонт, монах

Из карачевских мещан. Скончался 14 марта 1826 г., 48 лет. Похоронен в скиту.*****

Нифонт (Пономарев Никита Филимонович), монах

Саратовский купец 3-й гильдии. Поступил в феврале 1842 г., вдов. Послушание смотрителя пасеки в скиту. Накрыт рясофором. Приукажен не был. Келейно пострижен в мантию. Скончался 28 декабря 1849 г. пополудни в 4 часа. Похоронен на скитском кладбище.*****

Нифонт (Шереметевский Никита Афанасьевич), схимонах

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 91 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1 об.; АОП. Синодики. № 1 (митр. Мануил).

** Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования. С. 21.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 331, 492, 558; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3 об.

**** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 906, 1024; Ед. хр. 2. Л. 70 об.

***** Там же. Ф. 214. Опт-350. Л. 14 об.

***** Там же. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 28.

Из дворян, надворный советник. Окончил Московский университет со званием лекаря 1-го отделения. Штаб-лекарь в отставке. Имеет знак Красного Креста. Поступил 14 июня 1863 г., холост, 47 лет. Послушания: заведующий монастырской аптекой, лечение братии. Накрыт рясофором 24 декабря 1864 г. Определен в число братии 16 марта 1870 г. Пострижен в монашество 18 июня 1872 г. Скончался 14 декабря 1880 г., перед смертью пострижен в схиму. Похоронен на монастырском некрополе.*

Павел (Бородин Павел Яковлевич), монах

Из крестьян Орловской губ., Ливенского у., Вышне-Ольшанской вол., села Студеного Колодезя. Поступил в 1904 г., холост, 20 лет. Призван на воинскую службу 16 октября 1905 г. Возвратился в 1911 г. Определен в число братства 18 ноября 1913 г. Послушания разные в скиту. Скончался 28 мая 1914 г., 30 лет. Келейно пострижен в мантию. Похоронен на скитском кладбище.**

Павел (Герасимов Павел Моисеевич), монах

Майор в отставке. Поступил в октябре 1843 г., в 1848 г. было 47 лет, холост. Послушания: в хлебопекарне, бас левого клироса, трапезный, ухаживал за больными, аптекарь. Скончался 19 февраля 1888 г. Похоронен справа от храма прп. Марии Египетской.***

Павел (Тамбовцев Павел Петрович), рясофорный монах

Сын белгородского купца. Поступил в скит в 1829 г., скончался 4 августа 1835 г., 26 лет. Похоронен на скитском кладбище.****

Павел (Трунов Павел Федотович), монах

Из дворян Щигровского у., Курской губ. Родился в 1813 году. Поступил в скит 7 июля 1833 г., 20 лет. Скончался 2 апреля 1836 г. Похоронен на монастырском некрополе к востоку от храма прп. Марии Египетской.*****

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1112, 1178, 1301; Ед. хр. 2. Л. 133 об.; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 15—15 об..

** Там же. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 723; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2069. Л. 162 об.-163; АОП. Синодики. №1 (Чулкова; Межекова; митр. Мануил).

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 24; Ф. 214. Опт-350. Л. 242.

**** Там же. Ф. 213. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

***** Там же. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 31; *Монах Порфирий (Григоров)*. Краткое описание жизни монаха Павла (Трунова) // *Оптинский альманах*. Святые под спудом. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь. 2009. С. 121—132.

Паисий (Аксенов Павел Иванович), иеромонах

Из ливенских купеческих детей. Определен 29 апреля 1837 г., послушание в пономарне, в монашество пострижен 24 декабря 1841 г. Рукоположен во иеродиакона 15 августа 1842 г., во иеромонаха 8 ноября 1845 г. Определен помощником братского духовника 21 мая 1848 г., 26 февраля 1854 г. определен духовником обители. Награжден набедренником 19 июня 1855 г. В 1857 г. назначен строителем Калужской Тихоновой пустыни. По прошению по болезни уволен от должности строителя Калужской Тихоновой пустыни и определен в братство Оптиной Пустыни 11 декабря 1859 г. Скончался 3 декабря 1870 г., 67 лет. Похоронен на монастырском некрополе между Введенским и Казанским храмами.*

Палладий (Белоусов Петр Семенович), иеромонах

Купеческий сын 3-й гильдии г. Устюжны, Нижегородской губ. Поступил 8 сентября 1860 г., холост, 42 лет. Послушание в хлебе, на кухне, на клиросе. С 1863 г. в скиту. Накрыт рясофором 29 марта 1863 г. Определен 12 марта 1864 г., в монашество пострижен 16 декабря 1867 г. Рукоположен во иеродиакона 7 сентября 1869 г., во иеромонаха 27 июля 1876 г. Скончался 22 марта 1888 г. Похоронен на скитском кладбище.**

Памво (Попов Петр Иванович), иеросхимонах

Из вольноотпущенных крестьян Курской губ., Щигровского у. Поступил в декабре 1845 г., 26 лет. Определен 27 февраля 1850 г., в монашество пострижен 7 сентября 1857 г. Рукоположен во иеродиакона 13 июня 1863 г., во иеромонаха 30 сентября 1867 г. Духовник богомольцев. Скончался 13 февраля 1891 г. Похоронен на монастырском некрополе к югу от Введенского собора.***

Пантелеимон (Шибанов Платон Григорьевич), иеромонах

Родился в 1873 г. Из крестьян Орловской губ., Ливенского у., Россошанской вол., с. Орева. Поступил в 1894 г., холост, 20 лет. Послушание

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 318, 333, 630, 630, 712, 842, 1056; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 67.

** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1322; Ед. хр. 2. Л. 107 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 4.

*** Там же. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 75; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 59 об.-60. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Ед. хр. 1002. Л. 32 об.-33.

на конном дворе. Определен 24 апреля 1900 г. Послушания клиросное и переплетное в скиту. Пострижен в монашество 13 августа 1905 г. Рукоположен во иеродиакона 25 декабря 1911 г. С 1922 г. проживал в Козельске, с 1925 г. служил священником на приходе в д. Клыкове Бурнашевского района. В 1935 г. судим Козельским нарсудом, приговорен к 2 годам лишения свободы за «саботаж (невыполнение сообразительств) в колхозе». После освобождения в 1936 г. вернулся в Козельск. Работал сторожем в магазине. Вторично арестован 30 октября 1937 г. Приговорен к ВМН тройкой УНКВД по Смоленской обл. Расстрелян 5 декабря 1937 г. и похоронен в общей безвестной могиле.*

Пармен (Федоров Пармен Денисович), послушник

Мещанин г. Епифани. Поступил в мае 1853 г., холост, 19 лет. Послушание в скиту — келейник скитоначальника. Скончался 18 июля 1856 г., 22 лет. Похоронен на скитском кладбище.**

Пафнутий (Осмоловский Петр Мартынович), схиархимандрит

Из дворян. Определен указом от 29 января 1836 г. В монашество пострижен 27 мая 1839 г. Рукоположен во иеродиакона 8 сентября т.г., во иеромонаха 30 января 1843 г. В 1854 г. назначен духовником Оптиной Пустыни и скитоначальником. Награжден набедренником 19 июня 1855 г. В 1862 г. перемещен в Малоярославецкий Черноостровский Никольский монастырь, назначен игуменом. Произведен в архимандрита 17 апреля 1886 г. Скончался 23 июня 1891 г. Похоронен в склепе в храме Малоярославецкого Николаевского монастыря.***

Пахомий (Копцов Петр Иванович), иеромонах

Из Ливенских купеческих детей. Определен 29 апреля 1837 г., 23 лет. Рясофором накрыт в том же году 3 августа. Послушание клиросное. В монашество пострижен 5 августа 1845 г. Во иеродиакона рукоположен 13 марта 1849 г., во иеромонаха 10 августа 1862 г. Скончался 19 августа 1883 г. Похоронен между Казанским и Введенским храмами.****

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 212, 702 об.-703; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2446. Л. 129 об.-130; УФСБ по Калужской обл. Д. П-12918.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 68; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3.

*** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 650; *Леонид (Кавелин), иеромонах. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря.* М., 1903. С. 168.

**** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 332, 448, 693, 1231; Ф. 214. Опт-350. Л. 227; АОП.

Пахомий (Сабодаш или Сабадаш Петр Игнатьевич), монах
Казак Полтавской губ. Роменского у. Бацмановской вол. с. Бацманова. Поступил в скит 13 июня 1900 г., холост, 30 лет. Послушание келейника скитоначальника. Определен 6 марта 1904 г. Пострижен в монашество 21 сентября 1907 г. Скончался 9 марта 1908 г. Похоронен на скитском кладбище.*

Пахомий (Марков Пахомий), схимонах
Из крестьян Елецкого у. Поступил в скит в 1878 г., женат, 53 лет. Скончался 1 декабря 1890 г. Похоронен на скитском кладбище.**

Петр (Иванов Петр Иванович), монах
Отставной обер-аудитор. С 1846 г. «занимал комнату в гостинице». Поступил в скит в ноябре 1855 г. Послушания чередное чтение псалтири и помощника свечника. Накрыт рясофором в 1859 г. Скончался 12 декабря 1867 г. Похоронен на скитском кладбище.***

Петр (Афанасьев Петр Никифорович), монах
Из купеческих детей г. Новосиля. Определен 13 августа 1847 г. Послушание хлебопека в скиту. Скончался 8 июля 1848 г. Похоронен на скитском кладбище.****

Пимен (Пашенко Петр Яковлевич), иеросхимонах
Из войсковых обывателей г. Изюма. В Оптину Пустынь поступил в 1832 г. Определен 16 октября 1840 г., послушания маляра и клиросное, в монашество пострижен 27 ноября 1843 г. Рукоположен во иеродиакона 24 июня 1848 г., во иеромонаха 23 апреля 1857 г. Определен помощником «в духовнической должности» 11 июля 1858 г. Награжден набедренником 7 сентября 1869 г. Скончался 1 сентября 1881 г. Похоронен на монастырском кладбище.*****

Пиор (Шестаков Павел Васильевич), иеросхимонах
Из мещан. Вдов по 1 браке. Пострижен в монашество 21 марта 1892 г. Рукоположен во иеродиакона 11 августа 1897 г., во иеромо-

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 435 об., 757 об.-758; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1725; Л. 130 об.-131; Ф. 903. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 24; АОП. Синодики. №1 (Чулкова).

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 197 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2.

*** Там же. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 79.

**** Там же. Л. 499; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1.

***** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 418, 431, 1199, 1351; АОП. Синодики. №1 (митр. Мануил).

наха 19 ноября 1900 г. Награжден набедренником 24 марта 1906 г. Послушание уставщика в скиту. Скончался 6/19 января 1921 г. Похоронен в монастыре за алтарем Введенского собора.*

Платон (Покровский Павел Степанович), иеросхимонах

Из духовного звания, окончил Тамбовскую семинарию. Поступил в ноябре 1848 г., холост. Послушание переписка бумаг и на общих. Переведен в скит 20 октября 1850 г. Определен 27 февраля 1850 г., в монашество пострижен 7 сентября 1857 г. Рукоположен во иеродиакона 13 июня 1863 г., во иеромонаха 30 сентября 1867 г. Награжден набедренником 29 июня 1876 г. Послушания: регент монастырского хора и духовник богомольцев. Скончался 17 сентября 1889 г., 73 лет. Похоронен на монастырском кладбище.**

Рафаил (Переверзев Роман Прохорович), иеромонах

Из крестьян Старооскольского округа, Катовской вол. Слободы Стрелецкой. Поступил в декабре 1860 г., холост, 25 лет. Послушания в скиту в поварне. Накрыт рясофором 15 апреля 1864 г. Послушание смотрителя гостиницы. Определен 16 июля 1866 г. пострижен в монашество 5 апреля 1870 г. Послушание рухлядного. Рукоположен во иеродиакона 15 мая 1877 г., во иеромонаха 26 июня 1883 г. Послушание смотрителя монастырской больницы. Награжден набедренником 2 июня 1894 г. В 1896 г. выбыл в Екатеринбургскую епархию настоятелем Кыртомского Крестовоздвиженского монастыря.***

Рафаил (Фомин Роман Васильевич), монах

Из крестьян Орловской губ. Ливенского у. Знаменской вол. села Космо-Дамианского. Поступил в скит 22 мая 1898 г., холост, 22 лет. Определен 19 февраля 1903 г. Пострижен в монашество 16 декабря 1907 г. Послушание цветовода в скиту. Скончался 13 апреля 1913 г. в Великую Субботу во время выноса плащаницы. Похоронен на скитском кладбище. Старший брат прп. Севастиана исп. (Фомин; память 6/19 апреля).****

* ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1725. Л. 113 об.-114; АОП. Синодики. № 1 (Чулкова; Межекова; митр. Мануил).

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 11. Ед. хр. 6. Л. 63; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1666. Л. 81 об.-82.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 109 об.; Ед. хр. 3. Л. 182, 272 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1666. Л. 83 об.-84.

**** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 3. Л. 348 об., 651 об.; К. 53. Ед. хр. 5. Л. 4; Ф. 214. Опт.-367. Л. 145 об., 228 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1833. Л. 119 об.-120.

Савватий (Нехорошев Сергей Андрианович), иеросхимонах Болховский мещанин. Поступил в скит в ноябре 1856 г., холост, 22 лет. Послушание на кухне, в пономарне. Определен 12 августа 1857 г. В монашество пострижен 22 октября 1866 г. Рукоположен во иеродиакона 31 декабря 1872 г., во иеромонаха 31 декабря 1878 г. Награжден набедренником 2 июня 1894 г. Скончался 9 августа 1895 г., 62 лет. Келейно пострижен в схиму. Погребен на скитском кладбище.*

Савватий (Васильев Савва), монах

Из дворовых людей Рославльской округи сельца Можевой. Определен указом от 2 марта 1822 г. Послушания: разные, портного. Скончался 24 декабря 1833 г., 52 лет. Пострижен келейно. Похоронен на скитском кладбище.**

Севастиан (Фомин), преподобноисповедник, схиархимандрит. Память 6/19 апреля.***

Сергий (Трунов Симеон Федотович), схиеродиакон

Из дворян Курской губ. Щигровского у. Поступил 7 июля 1833 г. Послушание келейника настоятеля, с 1836 г. келейник архим. Мелхиседека (Короткий; †1841). В 1839 г. переведен в скит, бас правого клироса. Определен 4 декабря 1853 г. Накрыт рясофором в феврале 1854 г. В монашество пострижен 7 сентября 1857 г. Во иеродиакона рукоположен 13 августа 1862 г. Скончался 31 августа 1884 г., 67 лет. Келейно пострижен в схиму. Похоронен на скитском кладбище.****

Сергий (Петров Симеон), монах

Из духовного звания. Определен 19 января 1825 г. Послушание на пасеке и клиросное. В монашество пострижен 15 июня 1829 г. Скончался 1 сентября 1830 г. Похоронен на скитском кладбище.*****

Сергий, рясофорный монах — см. **Савватий** (Нехорошев), иеросхимонах

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 85; Ед. хр. 3. Л. 181; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 4.

** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 177, 217.

*** Жития новомучеников и исповедников Оптиной Пустыни. С. 237—300.

**** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1103; Ед. хр. 2. Л. 25 об. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 4; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1002. Л. 34 об.-35.

***** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 178, 216; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

Сергий (Пономарев Стефан Никитич), схимонах

Саратовский мещанин. Поступил 17 июня 1863 г. Послушание портного. Приукажен не был. Скончался 7 апреля 1881 г. Похоронен на скитском кладбище.*

Стефан, монах

Из экономических крестьян. Приукажен не был. Скончался 14 июля 1831 г., 67 лет. Похоронен на скитском кладбище.**

Стефан, монах

Из козельских мещан. Скончался 29 февраля 1836 г., 80 лет. Похоронен на скитском кладбище.***

Стефан, брат схим. Рафаила (Фомина). — См.: **Севастиан**, прп. исп.

Тимон (Трунов Тимофей Петрович), схимонах

Коломенский мещанин. Поступил в скит в октябре 1863 г., холост, 40 лет. Помещен в Ключаревский корпус. Послушание «в услужении за больным иерод. Антонием Глушковым», хлебопекаря в скиту. Определен 18 августа 1866 г. В монашество пострижен 1 декабря 1873 г. Послушание — чтение Псалтири в скиту. Скончался 22 января 1894 г. Похоронен на скитском кладбище.****

Феодор (Ключарев Федор Захарович), схимонах

Надворный советник, помещик. Родился 16 января 1810 г. Поступил в скит 19 января 1860 г. «Болезненный». Накрыт рясофором в январе 1864 г. Келейно пострижен в мантию, затем в схиму. В числе братии не состоял. Скончался 21 июля 1872 г. Похоронен на монастырском кладбище.*****

Феодосий (Жирков Флор Ильич), монах

Из вольноотпущенных крестьян. Начально поступил и находился на разных послушаниях с 1831 г. Определен 29 мая 1833 г. В монашество пострижен 8 ноября 1837 г. Послушание в разных посылках.

* ОР РГБ. Ф. 213. К.1. Ед. хр. 2. Л. 131 об.; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 1; АОП. Синодики. №1 (митр. Мануил).

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2 об.; АОП. Синодики. № 1 (митр. Мануил).

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 51. Ед. хр. 1. Л. 2 об.

**** Там же. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 134; Ед. хр. 3. Л. 149 об.-150; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 4; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1666. Л. 16 об.-47.

***** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 106; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 13 об.

С 30 апреля 1849 г. исключен за штат «по старости лет». Скончался 22 августа 1851 г. Похоронен на скитском кладбище.*

Феодосий (Поморцев Александр Васильевич), схиигумен

Из мещан. Пострижен в монашество 21 ноября 1899 г. в Крестовой церкви Олонецкого Архиерейского дома. Назначен казначеем Олонецкого Архиерейского дома 24 ноября 1899 г. Рукоположен во иеродиакона 26 декабря 1899 г., перемещен в Оптину Пустынь 24 августа 1900 г. Рукоположен во иеромонаха 27 октября 1902 г. Награжден набедренником 7 сентября 1904 г. С 1905 г. — духовник богомольцев. Ризничий с 13 декабря 1908 г. Награжден наперсным крестом 6 мая 1909 г. Назначен скитоначальником 27 сентября 1912 г. Возведен в сан игумена 29 июня 1915 г. Скончался 9/22 марта 1920 г. Похоронен у Введенского собора.**

Феодосий (Попов Феодор Афанасьевич), игумен

Из купеческого звания (по др.источникам — мещанин Саратовской губ., род. в 1825 г.), поступил в Оптину 25 июля 1854 г., 29 лет. Послушание помощником в братской кухне. Отправился в Площанскую пустынь 18 августа 1854 г. Определен в число братства Лебедянского Троицкого монастыря Тамбовской епархии 21 сентября 1861 г., пострижен в монашество 28 июля 1863 г., рукоположен во иеродиакона 15 июля 1864 г., во иеромонаха 28 января 1868 г., награжден набедренником 21 июля 1872 г. По прошению перемещен в Оптину Пустынь 19 ноября 1875 г. Определен настоятелем Перемышльского Свято-Троицкого Лютикова монастыря 8 апреля 1877 г. Утвержден строителем 23 апреля 1879 г. награжден наперсным крестом 20 апреля 1880 г., награжден знаком Красного креста 28 ноября 1881 г. Временно заведовал Покровским Добрым монастырем. В 1885 г. 31 марта возведен в сан игумена. Уволен от должности настоятеля и помещен в Оптину Пустынь 10 февраля 1894 г. Скончался 20 октября 1903 г., 80 лет. Похоронен на скитском кладбище.***

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 254, 310, 328, 557, 582; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 3.

** ОР РГБ. Ф. 213. К.1. Ед. хр. 3. Л. 737 об.-738; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 2447. Л. 105 об.-107; Ф. 1267. Оп. 2. Ед. хр. 2030. Л. 2-2 об.; АОП. Синодики. № 1 (Межекова).

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 74; Ед. хр. 3. Л. 571 об.-572; К. 2. Ед. хр.19. Л. 94; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 5.

Феодот (Герасимов Феодор Иванович), схимонах

Из государственных крестьян д. Малая Латошка, Ефремовского у., Тульской губ. Поступил 22 февраля 1874 г., вдов, 46 лет. Определен 9 января 1878 г. Послушание при рыбной ловле. Пострижен в монашество 7 июня 1892 г. в Лихвинском Добром монастыре. Перемещен из Лихвинского монастыря в Мещовский Георгиевский монастырь 18 ноября 1894 г. Перемещен в Оптину Пустынь 6 октября 1897 г. Скончался 16 января 1900 г. Келейно пострижен в схиму. Похоронен на скитском кладбище.*

Феодот (Кольцов Феодот Захарович), иеросхимонах

Из крестьян. Определен в число братства 24 марта 1837 г., 33 лет. Послушание на Болотской мельнице. Накрыт рясофором 3 августа 1837 г. Пострижен в монашество 23 декабря 1842 г. с именем Филарет. Рукоположен во иеродиакона 30 июля 1846 г., во иеромонаха 11 декабря 1849 г. Перемещен по прошению в Казанскую епархию и определен в братство Архиерейского дома 16 апреля 1851 г. (в других источниках в Спасо-Преображенский монастырь). В том же году, 16 августа, перемещен в скит Троице-Сергиевой Лавры. Определен общим братским духовником 10 декабря 1851 г. Пострижен в схиму 23 декабря 1854 г. Перемещен по прошению в Оптину Пустынь за штат 29 июля 1863 г. Скончался 8 марта 1873 г. Похоронен на монастырском некрополе.**

Феофан (Талунин Феодор), монах

Из казаков, на службу поступил в 1787 г. 5 мая, от службы отставлен по болезни в 1791 г. Определен в Оптину Пустынь указом от 17 марта 1800 г., пострижен в монашество 26 сентября 1801 года, послушание пономаря. Скончался 15 июля 1819 г. Похоронен вероятнее всего на территории монастыря.***

Филарет (Амфитеатров), в схиме Феодосий, святитель, митрополит Киевский

Епископ Калужский с 01.06 1819 г. по 12.01.1825 г. Память 21 декабря/3 января.****

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1310, 1346; Ед. хр. 2. Л. 182 об.; Ед. хр. 3. Л. 332 об.-333, 425; К. 51. Ед. хр. 1. Л. 5.

** Там же. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 352, 384, 416, 583, 861, 1158.

*** Там же. Л. 112; АОП. Синодики.

**** Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700—1917. Ч.1. С. 699.

Филарет (Беляев Филипп Алексеевич), схиеродиакон

Из купеческих детей г. Белева. Поступил в скит 23 августа 1862 г. Послушание в скиту при пономарне. Определен 18 августа 1866 г. и накрыт рясофором. Послушания разные в скиту. Скончался 29 декабря 1885 г., 44 лет. Жил в монастыре 23 года, из них 10 лет был смотрителем монастырской больницы. Похоронен на монастырском некрополе.*

Флавиан (Маленков Феодосий Матвеевич), иеросхимонах

Из мещан Орловской губ. Родился 24 марта 1823 г., поступил в Оптину 1843 г., холост. Послушание пономаря в скиту, определен 18 августа 1849 г., во стихарь посвящен 29 августа 1850 г., в монашество пострижен 29 апреля 1855 г., рукоположен во иеродиакона 14 июня 1858 г., во иеромонаха 29 августа 1862 г., с 1862 г. до самой кончины «исправлял должность» казначея. В 1866 г. награжден набедренником. Наперсным крестом 15 апреля 1878 г. В схиму пострижен 7 января 1890 г. Скончался 30 мая 1890 г. Похоронен на монастырском кладбище.**

Ювеналий (Половцев Иван Андреевич), архиепископ

Из дворян псковской губернии. Артиллерии подпоручик, поступил в марте 1847 г., 20 лет. Послушания в скиту в переплетной и на правом клиросе. Перешел в обитель в октябре 1849 г. Определен 8 февраля 1850 г. В монашество пострижен 29 апреля 1855 г., во иеродиакона рукоположен 8 ноября 1856 г., во иеромонаха — 11 июля 1857 г. В 1857 г. переведен в штат Российской Духовной Миссии в Иерусалим. С 1857 по 1861 гг. член миссии; игумен; с 10 ноября 1861 г. по август 1862 г. настоятель Глинской пустыни; с 1862 г. архимандрит, настоятель Коренной пустыни до 1867 г., с 1867 г. наместник Александро-Невской Лавры, с 1871 г. на покое в Оптиной Пустыни (в 1881 г. еще в Оптиной Пустыни). Наместник Киево-Печерской лавры с 21 мая 1884 г. В 1892—1893 гг. — епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии, в 1893—1898 гг. — епископ Курский. С 1898 г. — архиепископ Литовский и Виленский. Скончался 12 апреля 1904 г.**

* ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 127об.; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 60 об.; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1002.

** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 1128; Ед. хр. 2. Л. 30; К. 11. Ед. хр. 6. Л. 64; ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ед. хр. 1666. Л. 75 об.-76.

*** ОР РГБ. Ф. 213. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 552, 672, 712; Ед. хр. 2. Л. 24; Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинский патерик. М., 1997. С. 214—219. История иерархии Русской Православной Церкви. С. 700—701.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Российский государственный исторический архив:

Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода.

Оп. 95. Д. 203. Послужной список Наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрита Леонида. 1887 г.

Ф. 1343. III Департамент Сената.

Оп. 23. Д. 24. Формулярный список службы бывшего Козельского уездного суда дворянского заседателя штабс-ротмистра Кавелина за 1826 г.

Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки:

Ф. 213. Архив Оптиной Пустыни.

К. 1. Ед. хр. 1. Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной пустыни. 1802 (1800)—1889 гг.; Ед. хр. 2. Книга для записи лиц, поступающих в Козельскую Введенскую Оптинскую пустынь «в монастырские послушания». 1848—1890 гг.; Ед. хр. 3. Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной пустыни. 1890—1906 гг.;

К. 4. Ед. хр. 4. Документы, связанные с жизнью и деятельностью Козельской Введенской Оптиной пустыни в 1917—1919 гг.;

К. 11. Ед. хр. 3. Краткие биографические справки священнослужителей Оптиной пустыни, умерших в 1913—1917 гг.; Ед. хр. 6. Дело о составлении списка умерших лиц, похороненных в Козельской Введенской Оптиной пустыни, с указанием надгробных надписей. 1909 г.;

К. 51. Ед. хр. 1. Краткое сказание о братиях скита при Введенской Оптиной пустыни, погребенных на скитском кладбище. Материалы к изданию. 1906 г.

К. 53. Ед. хр. 5. Жизнеописание схимонаха Рафаила (Фомина Романа Васильевича) — материалы к изданию. 1913 г.

Ф. 214. Собрание рукописей Оптиной Пустыни.

Опт-350. Памятная запись скончавшихся в Козельской Введенской Оптиной Пустыни с 1768 по 1890 гг.; Опт-359. Летопись скита Оптиной Пустыни за 1820—1846 и 1877 гг.; Опт-361. Летопись скита Оптиной Пустыни за 1852—1860 гг.; Опт-364. Книга для записывания разных монастырских происшествий с начала 1872 года, приключившихся в Оптиной Пустыни и других местах; Опт-367. Летопись скита Оптиной Пустыни 1900—1916 (по сентябрь) гг.

Государственный архив Калужской области:

Ф. 33. Калужская Духовная консистория.

Оп. 2. Ед. хр. 1725. Послужные списки монашествующих Калужской Епархии за 1907 г.; Ед. хр. 1833. Ведомости о монашествующих Калужской Епархии за 1910 г.; Ед. хр. 2069. Послужные списки монашествующих Калужской епархии за 1913 г.; Ед. хр. 2159. Послужной список монашествующих лиц, послушников и послушниц и общин Калужской епархии за 1914 г.; Ед. хр. 2210. Послужные списки монашествующих Калужской Епархии за 1915 г.; Ед. хр. 2446. Послужные списки монашествующих Калужской Духовной консистории за 1916 г.; Ед. хр. 2447. Послужные списки монашествующих Калужской Духовной консистории за 1916 г.;

Оп. 3. Ед. хр. 1002. Именная ведомость монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной пустыни и Предтеченского скита за 1872 г.; Ед. хр. 1122. Ведомости о певчих и монашествующих, и бельцах, находящихся при Калужском Архиерейском доме за 1876 г.; Ед. хр. 1666. Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни и Предтечевского Скита за 1888 г.

Ф. 903. Козельская Введенская Оптина Пустынь.

Оп. 1. Ед. хр. 250. Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной пустыни и Предтечевского скита за 1893 г.; Ед. хр. 295. Список добровольных послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни и призреваемых в ней по старости и болезни за 1907 г.; Ед. хр. 308. Список добро-

вольных послушников и лиц призреваемых по старости и болезни в Козельской Введенской Оптиной Пустыни за 1910 г.; Ед. хр. 376. Послужной список монахов, послушников и др. священнослужителей Козельской Введенской Оптиной пустыни. 1908 г.;

Оп. 2. Ед. хр. 38. Список добровольных послушников Козельской Введенской Оптиной пустыни и призреваемых в сей обители по старости и болезни на 1 января 1918 г.

Архив Оптиной Пустыни:

Синодики. №1.

Митр. Мануил. Месяцеслов Оптинский; Межекова. Оптинский синодик. Дни кончины братьев Оптиной Пустыни (монастыря и скита) и сестер-скотниц сей же пустыни, скончавшихся с начала 1898 г. по сие время (июнь 1930 г.); Чулкова. Некрополь Оптиной Пустыни. 1924—1925 гг.

Ф. Новомученики и исповедники.

Герасим (Дьячков), иеромонах. Белевский Спасо-Преображенский монастырь Тульской области. История в лицах. М., 2008.

Духовный собеседник. Самара. № 3(23). 2000.

Жизнеописание схимонаха отца Николая. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18—19 веков. Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1996. Февраль.

Иоанн (Маслов), схимархимандрит. Глинский патерик. М., 1997.

Историческая записка об учреждении и состоянии Калужской епархии за столетний период ее существования (16 октября 1799 г. — 16 октября 1899 г.). Калуга, 1900.

История иерархов Русской Православной Церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. М., 2006.

Корсунский И. Архимандрит Леонид: некролог // Душеполезное чтение. 1891.

Леонид (Кавелин), иеромонах. Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. М., 1903.

Порфирий (Григоров), монах. Краткое описание жизни монаха Павла (Трунова) // Оптинский альманах. Святыня под спудом. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь. 2009.

Русский инок. Июнь, 1915. Вып. 126.

Русский паломник. № 18. 1998.

Ювеналий, митрополит. Канонизация святых в Русской православной Церкви. М., 2004.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АОП — Архив Оптиной Пустыни

ГАКО — Государственный архив Калужской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

РГИА — Российский государственный исторический архив

РПЦ — Русская Православная Церковь

УФСБ — Управление Федеральной службы безопасности

ЦАК МПДА — Церковно-археологический кабинет Московской Православной Духовной академии

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	5
Предисловие	11
1. Схимонах Сергей	13
2. Монах Нифонт	16
3. Бывший Валаамский игумен Варлаам	18
4. Иеросхимонах Иоанн	26
5. Схимонах Диомид	34
6. Монах Петр	37
7. Послушник Василий	38
8. Послушник Алексей	39
9. Иеромонах Иов	40
10. Монах Макарий утопший	41
11. Монах Мартин	42
12. Монах Андрей	43
13. Схимонах Иоанн	44
14. Скитский рабочий Иосиф Степанов Мухортов	45
15. Схимонах Кирилл	46
16. Схимонах Николай	46
17. Послушник Иаков Максимович Сушенко	48
18. Монах Григорий	51
19. Схимонах Николай	51
20. Схимонах Пахомий	53
21. Монах Алексий	53

22. Монах Александр	54
23. Монах Иоанн	62
24. Монах Петр	65
25. Монах Димитрий	70
26. Послушник Михаил	71
27. Монах Нифонт	71
28. Монах Досифей	72
29. Монах Стефан	73
30. Монах Сергей	74
31. Монах Макарий	75
32. Послушник Георгий	75
33. Монах Савватий	75
34. Рясоторный монах Павел	76
35. Монах Стефан	83
36. Послушник Иоанн	84
37. Иеромонах Вассиан	84
38. Послушник Пармен	85
39. Монах Андрей	88
40. Рясоторный монах Геннадий	90
41. Схимонах Леонид	91
42. Послушник Владимир	97
43. Монах Иосиф	99
44. Монах Емилиан	99
45. Иеромонах Никон	101
46. Схимонах Иларион	106
47. Монах Феодосий	108
48. Монах Нил	109
49. Монах Иннокентий	112
50. Послушник Максим Горностаев	113
51. Схимонах Ефрем	114
52. Монах Алексий	114
53. Рясоторный монах Матфий	115
54. Схимонах Николай	118
55. Иеросхимонах Савватий	120
56. Схимонах Тимон	123
57. Иеромонах Палладий	125
58. Иеродиакон схимонах Сергей	127
59. Схимонах Макарий Грузинов	130
60. Иеромонах Иннокентий	134

61. Схимонах Вассиан	140
62. Иеромонах Иларий	145
63. Иеромонах Климент	161
64. Иеросхимонах Михаил	175
65. Монах Арсений	178
66. Схимонах Геннадий	181
67. Схимонах Феодот	188
68. Игумен Феодосий	191
69. Схимонах Нестор	194
70. Иеродиакон Мартирий	196
71. Монах Пахомий	197
72. Рясофорный монах Никита (Иванович Костинский) ..	199
73. Монах Рафаил	199
74. Указный послушник Павел Яковлевич Бородин	200
75. Иеромонах Иракий	201
76. Монах Иов	201
77. Указный послушник Виктор Алексеевич Вейденгаммер	202
78. Монах Афанасий	203
79. Монах Иоанникий — тайный схимник	203

ПРИЛОЖЕНИЯ

Схимонах Николай	205
Видение отца Мартирия	214
Жизнеописание схимонаха Рафаила (Фомина).....	220
Дополнительные биографические сведения о насельниках Оптиной Пустыни и других лицах духовного звания, упоминаемых в рукописи «Скитское кладбище в Оптиной Пустыни»	224
Источники и литература	263
Список сокращений	267

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ПОЧИВШИХ СКИТЯН

**(СКИТСКОЕ КЛАДБИЩЕ
В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ)**

Подписано в печать 11.03.10
Формат 70х100/16. Печать офсетная.
Объем 17 п.л. + 2 п.л. вкл.
Тираж 5000 экз. Заказ № 827

Издательство Введенского
ставропигиального мужского монастыря
Оптина Пустынь
249723 Калужская обл., г. Козельск
Введенский ставропигиальный
мужской монастырь
Оптина Пустынь
Тел.: (48442) 50-117

**Издательский отдел Введенского
ставропигиального монастыря
Оптина Пустынь готовит к печати книгу
«Подвижники благочестия Оптиной пустыни XIX века»**

Сборник жизнеописаний учеников и современников преподобных старцев Оптиных составлен разными авторами, один из которых — архимандрит Никодим (Кононов). Архимандрит Никодим, известный дореволюционный агиограф, впоследствии епископ Белгородский, принявший мученическую кончину в 1918 году и ныне прославленный в лике святых, является составителем биографий схиархимандрита Мелхиседека (Короткого), наместника Александро-Невской лавры, иеросхимонаха Флавиана (Маленкова), казначея Оптиной Пустыни, монаха Андрея (Петровского), в миру генерал-майора и участника Бородинского сражения, послушника Елисея (Шувалова), пустынника, и многих других замечательных подвижников. Помимо этого, в сборник включены ранее не публиковавшиеся жизнеописания насельников знаменитой старческой обители, таких как монах Гавриил (Домогацкий), монах Николай (Иванов) и других. Авторство некоторых текстов остается неизвестным. Книга снабжена иллюстрациями, некоторые будут опубликованы впервые. Сборник представляет несомненный интерес для тех, кому близка Оптиная Пустынь, кто неравнодушен к истории Церкви и Отечества.